

Кулешова Марина

Женить Темного
Властелина.

В Темном княжестве было все спокойно. Но в один не совсем радужный день Ахрону Темному приходит письмо, после которого его только что налаженная жизнь перестала быть спокойной. А тут еще и враги проникли в пределы княжества.

В небольшой комнатке, огражденной от остальной жилой части однокомнатной квартиры куском гипсокартона, за огромным письменным столом спиной к входу сидел мужчина. Коротко стриженные темные волосы всклокочены, нервно запускаемыми в них пальцами. На тонком античном носу сидели аккуратные очки в металлической оправе, сквозь которые на зажатый в левой руке розовый лист бумаги, испещренный мелким убористым почерком, взирали темно-карие холодные глаза, в глубине которых волнами плескался гнев. Тонкие губы его сжались в тонкую линию, придавая треугольному худому лицу неприятное хищное выражение.

Правой рукой он раздраженно поправляет, съехавшие с переносицы, очки и, прищурившись, еще раз внимательно перечитывает письмо, которое тут же поспешно комкает в маленький шарик и бросает в мусорную корзину. Избавление от мерзкой бумажки ни на толику не улучшило настроение, которое опустилось на отметку минус единица, когда Грон преподнес ему ярко-розовый конверт, на котором красовались гербовая печать семьи Фаэтон, распростершая крылья птица, длинная витиеватая подпись адресата и имя адресанта, его имя.

Атцла в своем репертуаре! Как и двадцать три года назад, когда он был еще ребенком, она прислала подобный конверт проигравшемуся в покер отцу, в котором как победившая сторона, приказывала ему жениться на ее старшей дочери, так и сейчас на том треклятом розовом клочке бумажки был написан ультиматум: или он женится на ее младшей внучке и оставшиеся земли Темной империи перейдут во владение матриарха, или небольшое Темное княжество будет поглощено войной, которая начнется незамедлительно после отказа от выдвинутых условий.

По здравому размышлению, ни один нормальный мужчина, будучи в своем уме и при светлой памяти, не свяжется с мужеподобными женщинами народа эсхилл. Но так как представителей мужского пола, которые бы соответствовали вкусам, в их рядах нет, мнения других они не спрашивают, подводя их к какой-либо непростой дилемме. Довольно часто, брутальные красавицы прибегают к особой врожденной магии, с помощью которой могут творить все, что заблагорассудится. И лидирует у них в этом — матриарх.

Только что утилизированное письмо написала экс-матриарх, мать нынешней и блондинка до мозга костей. Она всегда использует ультимативные письма, написанные на розовой надушенной бумаге, но это только в том случае, если у получателя данного письма есть перед ней должок. И как раз князь Ахрон Темный, владыка небольшого клочка земли, оставшегося от некогда обширной Темной империи, носящего название Темного княжества, по воле своего отца-раздолбая, оказался в числе должников.

— Кром, — успокоившись, взывает к потолку Ахрон. На зов, позади него, в проеме выхода из импровизированного кабинета, в воздухе появляется лицо, синие всполохи пламени, обрамляющего его, придает полупрозрачной коже голубоватый оттенок. Холодные бледно-голубые глаза внимательно смотрят на вызвавшего его.

Обернувшись, Ахрон внутренне содрогается от увиденного, но предельно спокойным голосом произносит:

— Открой портал, мы возвращаемся, — секунду помолчав, он продолжает: — и перестань появляться в таком виде — это чертовски пугает. Лучше бы уж полностью

перенесся.

Левая бровь парящего лица поднимается вверх, придавая ему недоумевающее выражение.

— Но, повелитель, тогда бы я не смог открыть портал с той стороны. Там совсем нет магических потоков.

Тяжко вздыхая, Темный тянет:

— Ты как никогда прав... И, пожалуйста, хватит называть меня повелителем. В виду сложившихся обстоятельств это звучит смешно. Да и ты не в Зале Приемов находишься, а в Чертоге Порталов — самом изолированном ото всех месте. Тем более скоро у вас у всех будет новая повелительница, друг мой, — и, понизив голос до шепота, продолжает: — со всей своей ордой.

Парящее лицо Крома искажается гримасой ужаса:

— Письмецо?..

— Да, известного тебе содержания.

— И мне вот интересно стало, какую из трех дочерей они решили впарить тебе? Первая эталон их народности, будущая матриарх, настоящая баба-мужик. Вторая... про эту долго распространяться не буду, но если их выбор падет на нее, тебе останется жить не так уж и долго. А третья в свои восемнадцать выглядит как мелкий пацан, плоская как доска...

— Там вроде указывалась третья, — бормочет Ахрон, невидящим взглядом смотря перед собой.

— В некоторой степени тебе повезло, если бы это была вторая — жил бы ты недолго и не слишком счастливо. Вторые дочери искусные убийцы, идеальные исполнители. Но благодаря третьей в династии Темных появится еще один носитель глумливого прозвища...

— Хватит при всяком удобном случае напоминать мне, что моего отца называли Ардором Мужеложцем!

— Ладно-ладно, не буду, — парящее лицо Крома принимает невинное выражение.

— Отправляйся готовить портал к открытию, иначе, если еще что-нибудь скажешь по поводу случившегося, тебе придется сдавать здесь за меня сессию, а потом и к диплому готовиться.

— Э нет, я в медицине не сведущ, обратись с этим к Трону, — отвечает Кром и исчезает.

— Грооон! — жалобно воет Ахрон.

Спустя несколько минут в проеме показывается Трон, отличающийся от Ахрона глубоко посаженными под сурово сдвинутыми бровями колючими голубыми глазами и кривым, несколько раз сломанным, носом.

— Чего тебе? — привычно грубовато спрашивает он: — если хочешь поговорить о том, чтобы я остался здесь? С удовольствием останусь.

Удивлению Ахрона нет предела. Не любящий долго находиться в индустриальном мире, Грон вдруг с легкостью соглашается остаться на неопределенный срок. Счастливую улыбку с лица Темного стирают следующие слова друга:

— Тебе же нужно решать проблему с эсхиллками, Ахрон Растлитель Малолетних, — он усмехается: — главное, чтобы не добавили — Мальчиков.

— Ты это о чем? — в глазах Ахрона появляется настороженность, от волнений у него из головы вылетело все то, что говорил до этого Кром.

— Тьяцле из рода Фаэтонов всего восемнадцать. Кром же, вроде, тебе говорил! Да и

выглядит она как парень, — и как бы невзначай, давая смешок, Грон добавляет: — идеальное сочетание для еще одного чудного прозвища повелителя-извращенца.

Подойдя ближе к Ахрону, он ободряюще хлопает его по плечу. Тот, в этот момент, представляет собой жалкое зрелище: поникшая голова, скорбное выражение лица, руки обессилено свешиваются вдоль боков.

— Откуда вы двое столько о них знаете? — бесцветным голосом спрашивает Темный.

— Нужно знать не только о делах друзей, но и о том, что на досуге творят враги, — поучительным тоном отвечает Грон: — а ты даже не интересуешься кто наши соседи.

— И кто же наши соседи? — обреченно спрашивает Ахрон, в глубине души подозревая, каков будет ответ.

— Семейка Фаэтонов, — отвечает его друг.

И как будто в подтверждение его слов за стеной раздается крик на языке эсхилл, звуки ударов и звон разбивающейся посуды. Снова крик и, в довершении всего, громкий хлопок двери, от которого в углу от потолка вниз идет небольшая трещина. Тишина.

— По-моему мы сейчас слышали ответ Тьяцлы на предложенную Атцлой идею, — спустя некоторое время произносит Грон и выходит из кабинета.

Раздосадованный всеми произошедшими событиями, Ахрон аккуратно по стопочкам раскладывает документы, конспекты и листочки с заметками, ставит на полочку книгу. Встав со стула, он окидывает взглядом комнатку, возможно он не скоро сюда вернется, и выходит. К этому времени портал был открыт и стена, напротив входа в комнатку, была подернута рябью, как вода.

Темный в три больших шага преодолевает расстояние отделявшее его от стены, что-то невнятно бурчит на прощание другу и скрывается за заволновавшейся поверхностью. Стена тут же принимает первоначальный вид.

Тьяцла стоит возле окна и, прислонившись лбом к холодному стеклу, наблюдает за спящими внизу людьми. С высоты пятнадцатого этажа они кажутся мелкими, как муравьи.

Сегодня она проснулась раньше представителей, так называемой, семьи, к которым она себя не причисляет уже одиннадцать лет. с тех пор как ей перекрыли канал к магическому источнику. Обычная процедура, которой подвергаются только третьи дочери матриарха. И в ней есть, как во всем остальном, свои плюсы и минусы. К плюсам, несомненно, относится исправление врожденных дефектов внешности, но на это необходимо время. У Тьяцлы этот процесс длится уже одиннадцать лет, до полного сглаживания всех видимых недочетов остается год. Минусом всего этого являются странные процессы, происходящие в организме, в следствии которых волосы становятся металлической проволокой и, если их в один прекрасный день обрезать, расти они уже не будут...

Но это ничто, по сравнению с тем, чему подвергается вторая дочь матриарха. Ее зомбируют. Создают идеального исполнителя, который без сомнений выполнит любой приказ. В повседневной жизни она кажется обычной эсхилл, без каких-либо отклонений.

А наследнице — обрубают мизинцы...

Нить размышлений была разорвана шумом.

Тьяцла отстраняется от стекла и оборачивается, при этом ощутимо поцарапав кожу на плече тонкой металлической проволокой. От движения волосы шуршат, издавая неприятный звенящий звук.

На кровати в углу комнаты снова шевелится массивная фигура Амуцлы. Слышится хриплый спросонья бас:

— Иди бренчи своими железяками в другом месте. Не мешайся.

Равнодушно пожав плечами, Тьяцла перевязывает металлические волосы лентой и выходит из комнаты. Чего она добьется, если будет закатывать истерику каждый раз, когда ее оскорбляет кто-то из этой четверки? Ничего, совершенно. Для них она посторонняя, низшее существо, с сего дня вольное делать все, что душе угодно. И первым пунктом ее планов было избавиться от общества помешанных на власти мужеподобных женщин.

Для этого ее придется пройти весь лабиринт коридоров замка Флиос. Там блуждали даже самые отважные искатели приключений, пока не выпускали дух. Хорошо ориентируются там слуги, да мамуля Тьяцлы с бабулей за компанию.

Выйдя в прихожую, девушка идет на кухню. Оттуда, преодолев заторы из многочисленной, не к месту составленной, мебели, выходит на балкон, чтобы продолжить созерцание снующих внизу людей до самого отправления в родной мир.

Она подходит к окну и, облокотившись о высокий узкий подоконник, прислоняется лбом к стеклу, которое приятно охлаждает кожу. Тихая девушка всегда любила такие минуты, когда, отстраняясь от обыденности, можно обдумать что-нибудь или просто, как сейчас, понаблюдать за людьми, пока они даже не подозревают, что о них могут придумывать в данный момент разнообразные небылицы.

Когда Тьяцла окончательно погружается в грезы, раздается громкий хлопок, который заставляет девушку вздрогнуть от неожиданности. Ей на макушку падает что-то, из-за чего раздается металлический шорох. Отстранившись от стекла, она ловит соскользнувший с макушки розовый конверт, дурно пахнувший бабулиными духами. Чувствуя некий подвох, Тьяцла вскрывает его, достает ароматизированный — читай, удушающе воняющий — такой же розовый, как и конверт, лист бумаги, разворачивает его и наспех пробегает взглядом, не вдаваясь в подробности. Ничего не поняв в чересчур витиеватом почерке Атцлы, она повторно читает его и впадает в ступор.

Она, конечно, знает, что то, что считается семьей придерживается древних традиций, но вдаваться в такую седую старину и выдавать ее, Тьяцлу, замуж против воли? Да никогда в жизни! Она им еще покажет.

Девушка лихорадочно пытается сообразить. Она уже сегодня вольна делать что хочет, но так почему же они продолжают придумывать для нее поводы оставаться под их бдительным взглядом? Она мотает головой. Раздается звон. Она вздрагивает, поняв в чем проблема. Ее волосы. Они не хотят далеко отпускать золотую жилу.

Черное золото — очень редкий металл. Настолько редкий, что его можно увидеть только в древних ювелирных изделиях в музеях. Ведь его выплавляют при высоких температурах из волос третьих дочерей матриархов.

Тьяцла горько усмехается и обреченно прислоняется лбом к стеклу. Она уже мечтает о том, как избавится от гнета родственничков, а тут такое... В таком случае, необходимо избавиться от этих отвратительных, мешающих жить, проволок. Но придется ждать до возвращения домой. Все же этот мир для нее чужой. И если она сбежит, то возвращения в Фиорин ей не видать, как своих ушей.

Она тяжело вздыхает, смотря вдаль. Мириться с таким положением вещей она не собирается.

Девушка прислушивается, ловя себя на мысли, что с нетерпением ждет, когда проснутся Атцла с Арицлой. Неизвестно почему, она радостно улыбается, когда слышит, что из комнаты бабули с мамулей раздаются голоса. Тьяцла не прислушивается к ним, а

резко развернувшись, выходит с балкона и идет в комнату старших. Это не позволительно, но что ей уже терять, если она буквально упустила свободу из под носа. И все из-за этих двоих.

Она, решительно шагая, подходит к двери и стучится. Позволения зайти она ждала довольно долго. В конце концов она слышит:

— Войдите. — произнесенное немного хриплым голосом.

С каких пор в комнату приглашает Атцла, а не Арицла? Девушка не секунду задумывается. Тут обычно все по возрасту строится, если ты самая младшая, то должна подчиняться остальным, если старшая — соответственно, главенствуешь. А тут что-то невообразимое случилось, на стук отвечает бабуля.

Тьяцла отвлекается от размышлений, открывает дверь и входит в комнату. Очень мрачную комнату, убранную в черно-белые тона, которые предпочитает Атцла.

Мамуля вальяжно развалилась на широком диване, а бабуля примостилась в кресле, которое своими циклопическими размерами поражало девушку. Ведь в него могли уместиться пять такие же худеньких как она, а Атцла занимала его целиком. Не оставалось ни одного свободного сантиметра и это при том, что у нее нет ни грамма жира. Пример одного из самых неприятных последствий врожденной магии

— чересчур развитая мускулатура. Тьяцла была рада, что, еще в раннем возрасте, ее избавили от этого и теперь она могла стать полностью нормальной.

Девушка останавливается на пороге. Получив разрешение войти, но не располагаться здесь как хочет, она не имеет право углубляться в комнату старших дальше пространства возле двери.

— Ты что-то хотела узнать, дочь моя? — спрашивает та, которая сидит на диване. Она пытается держать серьезный вид, но сквозь показную серьезность все равно прорывается улыбка. Ведь она прекрасно знает по какому вопросу пришла ее третья дочь.

— Матушка, я хотела бы спросить, что это такое? — отвечает вопросом на вопрос Тьяцла и показывает матери помятый розовый листок.

— Ах, это... Ты просто обязана это сделать, дочь моя. Иначе та земля так и будет принадлежать недостойному существу, — отвечает Арицла, снисходительно смотря на дочь.

— Но ты обещала, что по исполнению двадцати одного года, я буду в праве выбирать свой путь... — негодует девушка, шокированная таким поворотом событий.

— Я в праве давать обещания, и в праве отменять их, дитя...

Это становится последней каплей в чаше терпения Тьяцлы. Она судорожно осматривает пространство вокруг себя и замечает тумбу, стоящую прямо около двери, на которой стояла дорогая китайская ваза. Девушка хватается хрупкий предмет и с криком:

— Да пропадите вы со своими обещаниями!.. — швыряет вазу в стену.

Она выбегает из комнаты. Пробегает по коридору ко входной двери и, со всей силы хлопнув ею, останавливается на лестничной клетке.

Что же ей теперь делать? Неужели придется просить помощи у Крома? А согласится ли он вообще на такую авантюру? Нужно попробовать...

Через некоторое время Тьяцла успокаивается и возвращается в квартиру.

Приближалось время возвращения в Фиорин.

— Ты уверена, что она не доставит нам проблем, Арицла? — косится на осколки Атцла. — Она своевольна. Ты совсем не занималась воспитанием третьей дочери.

— Как же тут воспитаешь ее, если она с самого детства не воспринимала меня ни как

мать, ни как матриарха, — раздраженно фыркает женщина с угольно-черной шевелюрой. — Докажи такой, что она должна беспрекословно тебе подчиняться.

— Ты должна это сделать. Иначе весь план пойдет прахом, — платиновая блондинка отводит взгляд от того, что совсем недавно было дорогой китайской вазой, и смотрит на Арицлу. — Мне нужны эти земли, а они под защитой охранного щита этого придворного мага.

— Но мы же уже решили, что делать с ним!..

— Это не поможет снять щит, — прерывает разглагольствования дочери Атцла. — Он сделал привязку на ком-то стороннем. Если он лишится жизни — это ни к чему не приведет.

— Ну так давай узнаем у него...

— И это меня кличут Блондинкой? — усмехается женщина и продолжает серьезным тоном: — кажется мне, он не скажет этого даже Фьяцле, которая скоро войдет в его семью.

— Я не блондинка, — обиженно надувает губы матриарх. — Откуда мне знать: скажет он или нет...

— Думать надо. Зря наверное я тебе так рано отдала титул матриарха, — произносит Атцла, встает с кресла и идет к двери. — Тебе еще нужно многому научиться, дочь моя. И не забудь, скоро открываем портал.

Сказав это, она выходит из помещения.

Арицла остается наедине со своими мыслями. Она была слишком послушной в свое время.

Глава 2

Своды помпезного зала Чертогов Порталов, погруженные в гробовую тишину, уходят ввысь, поддерживаемые рядами изящных тонких колонн. Свет чадающих факелов достигает не более чем пяти метров от пола. Тьма, засевшая в углах арочных потолков, никогда не рассеивается, что производит на каждого, входящего сюда, впечатление чего-то зловещего.

На черном полу, белым мрамором выложена гигантская пентаграмма для вызова порталов разных видов. В центре звезды в позе лотоса сидит молодой человек. Он медитирует, вызывая один из межмировых порталов. Самая сложная процедура, затрачивающая много магической энергии. Он, когда создавал охранный щит, и то меньше энергии затратил, чем сейчас.

Портал открыт правильно. Без ошибок, пояись они в вычислении координат, транспортируемый объект затерялся бы где-нибудь в межмирье или в стене.

В углу, к которому было обращено лицо мага, раздаются гулкие шаги. Они медленно приближаются. Молодой человек открывает бледно-голубые глаза и смотрит на Ахрона, который пребывает далеко не в радужных настроениях. Кром про себя усмехается. Они с Троном ему сегодня много всего рассказали про его будущую супругу. Но вот что будет, когда вся история раскроется?.. А впрочем, сегодня они это и узнают. Арицла с Тьяцлой должны сегодня посетить Темный замок. Можно и не надеяться, что они не притащат с собой Атцлу. Уж эта-то увяжется.

Кром расслаблено откидывается спиной на мраморную плитку пола и вытягивает ноги. Сколько просидел в неудобной позе, он даже не задумывается. Тело говорит само за себя. Ноги ломит, позвоночник от сброшенного напряжения хрустнул, встали на место смещенные позвонки. И в глазах темнеет. В следующий раз Ахрон сам будет открывать проход.

— Ты что это тут развалился? — спрашивает виновник отвратительного состояния мага, поддевая того носком сапога.

— Ты что творишь? — подпрыгивает Кром, потирая ушибленный бок. — Я тут ему портал открываю, а он сразу пинаться лезет. Не хорошо это. Тебя отец ничему в детстве не учил? Лежачих только эсхилл пинают.

Лицо Темного становится непроницаемой маской. Чтобы сдержать порыв и не прибить друга, ему приходится приложить массу усилий.

— Черт, не удачно пошутил... — замечает перемену Кром.

— Да, что-то шутки у тебя в последнее время совсем не смешные, Кром. — произносит сухим голосом Ахрон, отворачивается от друга и идет к выходу.

Маг только пожал плечами. Встал с пола, отряхивая с дорогого камзола, собранную с пола пыль, и идет следом за Ахроном.

Сегодня не до шуток, нужно решить много проблем, не для вида же он является советником Ахрона Темного.

Ахрон выходит из Чертога Порталов и останавливается, как вкопанный, посреди коридора. На мгновение задумывается. Смотрит в один конец, в другой.

А куда, собственно, идти? Что-то он засиделся в том мире, теперь собственный замок не узнает.

Он растерянно оборачивается к воротам, из которых выхолит Кром, и собирается задать вопрос, но его опережают:

— Вам направо, мой повелитель, — произносит маг и церемониально кланяется.

Темный досадливо морщится. Не любит он, когда друзья опускаются до церемоний.

Причина, почему Кром начал вести себя подобным образом, незамедлительно проявляет себя. Из-за угла, в указанной советником стороне, слышатся шаркающие шаги, по мере их приближения явственно различается тихое бормотание. Ахрон, уже готовый идти туда, замирает и прислушивается. Голос кажется ему смутно знакомым.

Так и есть. Через несколько мгновений из-за угла выходит, выпятив перед собой объемное пузико и вздернув к потолку длинный, прозванный им самим — орлиным, нос, главный придворный скандалист. Мерзкий типчик, который даже как-то пытался оспорить права Ахрона на владение Темным княжеством в свою пользу. Что у него не вышло тогда. Но сослан он был надолго.

Низенький толстый человечек проходит мимо, стараясь делать вид, что он занят своими делами. Но Темный все равно замечает, как тот косит любопытными поросычьими глазками в его сторону. Этот уже все знает...

Темный дожидается, пока объект его подозрения скроется из виду, и говорит советнику:

— Кром, отошли этого типчика подальше отсюда. И, желательно, без права на возвращение в столицу и ко двору.

— Ты тоже думаешь, что он подозрительно выглядит? — спрашивает Кром, смотря в ту часть коридора, где некоторое время назад скрылся подозреваемый. — Возможно, я знаю, куда его отправить.

— А я примерно знаю, на кого он работает, — произносит Ахрон. — И хватит бить мне поклоны перед этими лицемерами. Терпеть этого не могу.

— Ну как же, тогда пойдут слухи, что советник непочтительно относится к своему повелителю, — усмехается Кром.

— Ладно уж, — соглашается Темный. — Пойдем, впереди много неотложных дел, которые требуют решения.

Он отворачивается от Крома и идет по коридору. Ахрон останавливается на полпути и произносит не оборачиваясь:

— Кром, я хочу чтобы ты проследил за всеми подозрительными личностями в замке, которые когда-либо были замечены за незаконными махинациями. То ли у меня паранойя, то ли они и правда все работают на Атцлу и иже с ней. И еще, насчет щита...

— Насчет этого не беспокойся. Он в хороших руках, человека, которому я стопроцентно доверяю, — ответил маг, поравнявшись с Темным. Дальше они шли вместе.

— Смотри не ошибись. Не знаю, что нужно Атцле, но мы должны это найти раньше нее.

— Я надеюсь, ты не собираешься прямо сейчас сорваться с места и отправиться на поиске, когда на носу столько дел и они требуют твоего вмешательства, не все же мне шпионов выискивать.

— Только в крайнем случае, если уж совсем припечет. Будь здесь Грон, поручил слезку ему, он хорошая ищейка, — вздыхает Ахрон. — В отличии от тебя.

— Я в первую очередь маг, потом советник, а далее и все остальное, — перечисляет Кром, явно обиженный последней фразой.

— Да, маг он, — бормочет себе под нос Темный и добавляет нормальным тоном: — Все, хватит пустых разговоров. Мы должны подумать над проблемой.

Они продолжают идти молча.

Поравнявшись с лестницей, Ахрон останавливается и, серьезно смотря на друга,

произносит:

— И смотри, когда будешь вести наблюдения, не доставь мне лишних хлопот. Я не собираюсь выслушивать жалобы потенциальных подозреваемых, которые, обязательно, постараются себя обелить в моих глазах.

Кром на это только кивает и продолжает идти по коридору.

Темный недолго стоит у подножия лестницы, смотря вслед другу. Получится ли у того все? Он медленно поднимается по высоким ступеням и направляется в личный кабинет.

Мужчина заходит в небольшую просто обставленную комнатушку, переоборудованный под рабочее пространство хозяйственный чулан, усаживается за стол и погружается в размышления.

Он никогда не использовал в рабочих нуждах кабинет отца. До безобразия огромное помещение отвлекает, а от количества огромной и вычурной мебели рябит в глаза, не говоря уж о декоративных элементах, которых там пруд пруди.

Темный выходит из задумчивого состояния и осматривает стол, на котором высились стопки не подписанных бумаг, требующих рассмотрения. Он вздыхает и берет самый верхний лист с ближайшей аккуратной стопочки, явно здесь поработал Кром, который все доводит до идеального порядка. Цвет бумаги кажется ему удивительно знакомым, так как именно сегодня, не более часа назад он держал такой же отвратительно розовый конверт.

Аккуратные пальцы уже тянут края листа, что бы разорвать его, но взгляд вычленяет в написанных витиеватым почерком словах всего два: "с визитом". Ахрон останавливается и вчитывается в сложные завитки букв. Ну да, Арицла сегодня собирается с визитом в Темный замок, прихватив с собой младшенькую и свою матушку. Вот это будет вечерок. Темный тяжело вздыхает, наклоняется к столу и роняет голову на деревянную поверхность, не обращая внимания на боль от удара.

Он приподнимает голову и снова смотрит на листок. Доступ к его личному кабинету имеет только Кром, а он без надобности сюда не заходит и действует в основном только посредством магии. Значит советник не единственный, кто знает, как обойти защиту помещения.

И кто-то неизвестный уже разболтал все Атцле, раз письмо оказалось именно здесь.

Ахрон нажимает на кнопку, устроенную под столешницей, и принимается рассматривать остальные бумаги, в ожидании, когда придет слуга.

Тот не заставляет себя долго ждать. Неприметный низкий мужчина в серой одежде тихо заходит в помещение и кланяется.

Темный внимательно осматривает неприметного слугу и произносит:

— Дорх, приведи сюда того жирного лорда, который мне пытался палки в колеса подставить и советника Крома.

Так как этот человек был сыном эсхил, которых те просто бросают на произвол судьбы, когда ребенку исполняется десять, то приказывать ему бесполезно, еще чего доброго прирежет, не вспомнив о том, что перед ним его работодатель.

Слуга почтительно склоняет голову и выходит из кабинета. Ахрон остается один, все так же рассматривая неожиданность. Остается только ждать прихода вызванных. А если с приказом появится Дорх, то уж очень быстро они прискачут сюда.

Не успевает Темный завершить ход мыслей, как в помещении раздается хлопок и открывается портал, из которого буквально вывалился Хром. Один, без любопытного жирдяя.

— А где?.. — начинает Ахрон, но был перебит другом:

— А этот минут пять назад покинул замок, в спешке сверкая своими жирными пятками. Даже экипаж не запросил или лошадь оседлать. Так пешком и умчался. Думаю, до вечера он так и не добежит до замка Фаэтонов. Сгинет в Темном лесу, который еще твой дед приказал высадить и заселить...

— Пожалуйста, не продолжай. Меня до сих пор кошмары из-за рассказов о нем посещают, — произносит мужчина, внутренне содрогаясь, ибо рассказы те, даже на взрослых людей наводят ужас. А описания обитателей того леса так вообще доводят до сердечных приступов. Ахрон отгоняет возникшие в разуме образы и протягивает немного помятый листок Крому: — ты это видел?

Советник, недоуменно приподняв левую бровь, принимает из рук друга розовую бумажку и расправляет ее:

— Еще одно послание?

— Дело в том, что я ее обнаружил здесь, — Ахрон указывает месторасположение листа. — А доступ сюда есть только у тебя и Трона.

Кром погружается в размышления. Через некоторое время он бормочет:

— Сюда бы Трона, он бы быстро всех вычислил, я могу только проверить остаточный магический фон.

Ахрон тяжело вздыхает, самый нужный человек добровольно остался в другом мире, а ему теперь мучиться непонятками с этими письмами и шпионами. И вот что интересно, как этот жиртрест смог разузнать как обойти внутреннюю защиту некоторых особо важных помещений? Кто-то ему явно помог. Темный косится на Крома, который уже не первый раз перечитывает послание, но тут же отмечает вариант вмешательства в эту историю друга.

Хотя, в последнее время никому не стоит доверять.

Маг кладет лист на стол и поворачивается к Ахрону, который продолжает недоверчиво коситься в его сторону.

— Я надеюсь, ты меня в этом всем не подозреваешь?

— Был такой момент, — честно признается мужчина и продолжает: — да и главный подозреваемый, скорее всего, уже сгинул в дебрях Леса. Ведь на дорогу он никогда бы не сунулся. Поймают.

— Тебе пора собираться, не пойдешь же ты на встречу с будущей женой в джинсах и футболке? — произносит Кром, задумчиво смотря на Ахрона. — А мне нужно встретиться с одним человеком. Все-таки необходимо открыть хотя бы небольшой проход, чтобы впустить их в пределы границы княжества. Щит-то я ставил против их вторжения.

Темный встает из-за стола и идет к выходу. Кром, наверное, единственный, кто мог хоть как-то воздействовать на размазню, которой становится повелитель в минуты растерянности и подавленности.

Не зря бывшие советники предыдущего владыки, того самого, который подставил сына, утверждали, что Ахрону еще рано править. Двадцать шесть лет для илиоров считается детским, в кругу древних стариков, которым перевалило за две тысячи, конечно.

Первое, что сделал Темный, когда его возвели на трон Темного княжества, избавился от ненужных древностей, которые транжирили казну направо и налево, разоряя и без того дышащее на ладан государство. Через неделю правления юного дарования, на опушке Темного леса обнаружили останки 'мудрейшего' регента, который сбежал из темниц замка. После такого уже некому было утверждать, что он еще молод, чтобы править. Проведя ряд

реформ в своем княжестве, он при поддержке своего друга-мага, которого назначил своим советником, отправился в другой мир, где решил обучаться на медика, прихватив с собой министра внутренних дел. Теперь он об этом жалеет. Все наблюдения за обитателями замка всегда вел Грон.

Кром, пока Ахрон выходил не оборачиваясь из помещения, взбирается на стол и устраивается на нем поудобней. Как только дверь за другом закрылась, он отрешается от всего, разводит руки в стороны и схлопывает их, при этом раздаётся не хлопок, а протяжный гул. Между неплотно сжатыми пальцами проскакивают голубые всполохи. Маг отводит руки и небольшой сгусток голубого пламени поднимается на уровень головы. Задержав дыхание и прикрыв глаза, Кром погружает лицо в, пронзивший кожу ледяными иглами, огонь. "В следующий раз надо будет воздержаться от повторного проведения этой процедуры," — подумал он перед тем, как открыть глаза и увидеть странную картину.

Тьяцла стоит у комнаты старших и, прильнув ухом к двери, пытается подслушать разговор. Она вернулась в тот момент, когда они заговорили о маге и щите. О том, что Арицла договорилась с семьей этого мага, о браке с Фьяцлой, девушка уже знала давно, но даже не подозревала, до этого момента, что они знают, что щит привязан к кому-то иному.

В эту минуту перед лицом девушки висит сгусток голубого пламени, от которого исходит морозный холод. Он приобретает очертания лица. Полупрозрачный оттенок импровизированной кожи сначала пугает Тьяцлу, которая еще пребывает в размышлениях над поступившей информацией, но она тут же берет себя в руки.

— Ты что это, подслушиваешь? — спрашивает парящее лицо, удивленно смотря на попавшуюся с поличным девушку.

— Кром, не пугай так, — не считает нужным отвечать на такой очевидный вопрос Тьяцла. — Ты лучше скажи, никто больше, кроме меня и тебя не знает, что щит привязан ко мне? Тут они обсуждают как раз этот вопрос.

— Кхм... Может ты сначала отойдешь на безопасное расстояние от двери? В ином случае уже нас будут подслушивать, — говорит маг, опасливо косясь на единственное препятствие, отделяющее его от старших семейки Фаэтонов.

— А! Точно! — восклицает девушка, на что Кром шипит:

— Потихе, они же сейчас...

Кром не успевает договорить, как за дверью слышатся шаги.

Глаза Тьяцлы округляются от ужаса и уже ей приходится шипеть

— Переносись на балкон, здесь нам поговорить не дадут вообще.

Голубое пламя, хмыкнув, исчезает.

Девушка изо всех сил пытается сделать вид, что проходит мимо, когда дверь открывается и почти сбивает с ног. Чудом сохранив равновесие и не свалившись на пол, она поворачивается к бабуле, которая хмуро взирает на нее. Проходят несколько мгновений тягостного молчания, Атцла произносит:

— Иди, готовься к отправлению, портал открываем через пятнадцать минут.

Левый уголок губ нервно дергается, но Тьяцла спокойно произносит:

— Хорошо, бабушка, ко времени отбытия я буду готова.

— Ступай, — пренебрежительно махнув рукой, говорит женщина и направляется в комнату сестер. В этот раз повезло, а ведь она могла пойти на кухню.

Девушка со всех ног бежит на балкон, где ее уже ожидает Кром. Она закрывает за собой балконную дверь и проходит в угол, в котором стоит старое пластиковое кресло, и садится.

Парящее лицо отлетает в угол, откуда его не могли бы заметить.

— Они каким-то образом узнали, что охранный щит привязан не к тебе. Возможно они проводили проверки... или у вас в замке завелся шпион, — произносит Тьяцла, смотря в одну точку. — Интересно, что они сделают, если узнают, что, в данный момент, щит держится на мне?

— Шпион сегодня сгинул в Темном лесу, — недовольно морщится Кром, вспоминая того толстого аристократа, один из пережитков праздного существования столицы княжества.

Девушка вздрагивает от страха, она слышала в детстве много историй о лесе, который приманивает своих жертв шелестом черной листвы, а под кронами его ожидают свежее мясо такие существа, которых нигде больше не возможно увидеть. Только в том лесу, только перед неизбежной смертью.

— Кстати, ты пришел просить позволения открыть проход для нас?

— Да, — удивленно отвечает маг.

— Мог и не мучить себя, — произносит Тьяцла: — ведь тебе сложно больше одного раза в день переносить свое сознание в другое место, тем более в другой мир.

— Откуда...

— Неважно. Позволение дано, — отвечает девушка, прислушиваясь к тишине за стеной. — мне надо будет с тобой кое-что обсудить. И тебе это не очень понравится.

— В таком случае, поговорим при твоём прибытии в Темный замок, — отвечает Кром и исчезает.

Тьяцла встает с кресла и идет в комнату собирать вещи. И свои, и сестер.

Портал был открыт в точно определенное время, через пятнадцать минут, как и говорила бабуля. Голубая поверхность волнуется, как вода, переливаясь белыми и темно-голубыми искрами. Переход созданный эхилл сильно отличается от порталов иллиоров.

Кочевницы-воины могли открывать их где захотят, не только на какой-либо поверхности, но и в пространстве. Те, у кого перекрыт доступ к магическому источнику, и те, кто вообще не владеет магией, при переходе через Эхилльский портал испытывают болезненно мучительные ощущения.

Увидев открытый переход, Тьяцла вздрагивает, вспоминая последнее свое путешествие через него, но все же идет следом за старшими и сестрами. Уже вплотную стоя напротив мерцающей поверхности, она делает глубокий вдох, задерживает дыхание, закрывает глаза и делает шаг вперед. Тело сразу же подвергается атаке тысяч раскаленных игл, которые не оставляют на коже девушки ни единого не обожженного места.

Девушка кулем вываливается с другой стороны, в замке Флиос, замке-лабиринте, заливая пол коридора кровью, сочащейся из множества мелких, обожженных по краям, ранок.

Атцла, которая собирается уходить, оборачивается, услышав болезненный стон, и идет к пострадавшей.

— Не разыгрывай мне здесь комедии, — шипит она, поддевая внучку острым носком сапога под ребра: — вставай и немедленно иди в комнату.

Когда родственнички, посмеиваясь, удалились по свои покоям, Тьяцла сворачивается калачиком и в уме начинает строить план побега из этого дома пыток, который она должна будет преподнести со всеми плюсами Крому. Ведь именно об этом она хочет с ним поговорить. Да и боль потихоньку начинает отступать, когда отвлекаешься на что-то другое.

Когда план был детально продуман, а тело привыкло к боли, девушка медленно встает на ноги и пошатываясь бредет в свою комнату.

Когда дверь за Тьяцлой закрывается, она медленно сдирает прилипшую к коже футболку и осматривает, неприятные на вид, ранки. Расправив, испещренную мелкими обгорелыми дырочками, одежду, девушка принимает решение утилизировать ее, ибо футболка больше не пригодна для ношения. Таким же образом она поступает и с любимыми джинсами. С этими родственничками не только здоровья не наберешься, но и одежды. Одним словом — вредители.

Девушка заходит в ванную, ставит набираться воду, сразу делая ее немного прохладной, подходит к зеркалу и уже детально рассматривает повреждения. Кладет на полочку небольшую пластиковую баночку, которую ей однажды, после очередного подобного путешествия, принесла служанка Арицлы. Что стало с той женщиной, Тьяцла не знала, но была очень благодарна ей. Серая масса моментально заживляла любые мелкие раны, спасая девушку от участи быть осмеянной обитательницами замка.

Обмакнув кончики пальцев в мази, она тщательно втирает ее в кожу, морщась от боли. Когда у эхилл процесс регенерация проходит в два раза быстрее, у Тьяцлы он был на уровне человека и мазь ускоряла его так, что минут через пять уже не было даже намека на ранение. Единственным минусом была — боль. Сильная боль, которую, тем не менее, девушка научилась терпеть.

Скоро она будет свободна от всего этого. От пренебрежительного отношения, от побоев, от родственничков. Она усмехается своим мыслям, которые вселяют надежду. Вообще, ей плевать, согласится Кром помочь ей или нет, в любом случае она выберется из этого замкнутого круга, где все постоянно из раза в раз повторялось: боль от прохождения портала, пинок посреди коридора, втирание мази в кожу, снова боль, только уже от ускоренной регенерации и, наконец, чуть теплая ванна, чтобы смыть не впитавшуюся серую массу с тела. Так происходило постоянно и здесь, и там. Но теперь она будет свободна.

Тьяцла заканчивает обмазываться, закрывает баночку и идет к наполнившейся ванне. Завинчивает кран, погружается в прохладную воду и наблюдает, как к поверхности поднимаются серые разводы. Через десять минут должна явиться приставленная матерью служанка, нужно успеть смыть все до ее прихода, иначе придется щеголять серыми руками и лицом. Она опускает руки, которыми держалась за бортик ванны, и погружается в воду полностью. Проволока волос неприятно покалывает спину.

Через некоторое время она выныривает, судорожно глотая воздух. Девушка выбирается из воды и бредет, оставляя после себя мокрый след стекающей воды, к крючку, на котором висит полотенце, прямо-таки необъятных размеров. Она заворачивается в него, встряхивает головой, разбрызгивая вокруг капли воды со звенящих волос. Плюс в металлических волоса только один — сушить не надо.

Она идет в комнату, где ее уже ждет служанка с платьем наперевес. Платье обычное, серое, без каких-либо вычурных декоративных элементов, но со сложной системой шнуровки, о которую не только ногти сломать можно, но и пальцы, и зубы, и, соответственно, шею, если уж пробовать зубами развязать или завязать. Своеобразный последний писк моды иллиорок, периодически оказывается последним для некоторых дам, а порой и для их кавалеров. Здесь могут помочь только специально обученные служанки, которые свободно могут обращаться с этой системой, каковой и была та, которую приставили к Тьяцле.

Третья дочь матриарха скидывает с углового тела полотенце и ждет, когда ее облачат в плотную ткань, странного для эсхилл платья. А вот матушка с бабулей будут в своих обычных боевых костюмах: бронелифчиках и бронеюбочках, которые на них смотрятся как седла на коровах. С их-то мышцами... Девушка смиренно дожидается конца процедуры завязывания множества тесемок, шнурочков, пояском, ремешков и прочего, поворачивается к служанке и говорит:

— Я надеюсь, вы потом выпутаете меня отсюда, а то боюсь самостоятельно я себе руки сломаю.

Ведь матушка могла приказать, чтобы ей никто после возвращения не помогал.

— Матриарх приказала помочь вам по возвращении, — отвечает женщина и выходит из комнаты, оставляя Тьяцлу стоять посреди комнаты, облаченную в пыточное платье, в котором и без корсета можно задохнуться.

Растерянно похлопав глазами, девушка вернулась в ванную комнату и, покрутившись возле зеркала, осмотрела себя с ног до головы. Видеть себя в таком платье, было для нее неожиданным, раньше в пределах замка она носила только нечто похожее на те самые костюмчики остальных членов семейки, которые, кстати, на ней смотрелись к месту.

Пока Тьяцла вертится перед зеркалом, в комнату врывается Арицла, которая гневно сверкает глазами в поисках третьей дочери. Только через некоторое время она додумывается, что искомая может находиться в ванной. Распахнув дверь, она влетает в помещение, испугав девушку.

— Ты еще долго собираешься здесь копать? — зло шипит женщина, подойдя к дочери вплотную, той сделалось плохо, от исходящего от матери удушающего запаха духов. — И что это ты кривишься? — возмутилась воительница, нависая над своей жертвой.

— Я уже готова идти, матушка, — смиренно отвечает Тьяцла, опуская взгляд долу, чтобы мать не видела разливающийся в них гнев. Ее никто не предупредил, что все приготовления необходимо сделать со скоростью света.

— Раз готова, следуй за мной, — цедит сквозь зубы мать, идя к двери. — До границы Темного княжества мы доберемся порталом, а там придется верхом, — объясняет она, пока ее дочь с облегчением думает о том, что порталы созданные на территории родного мира она переносит не так болезненно, как межмировые.

Так что перед Ахроном Темным появится не кровавая размазня, а вполне нормальный человек. Именно человек, а не эсхилл.

Тьяцла улыбается, следуя за матерью прочь из комнаты. Сегодня все и решится, заручится ли она помощью Крома или ей придется все самой проверить, уже не так уж и важно. Главное, в течении недели, что дается на подготовку к свадьбе на условиях эсхилл, не посеять подозрения в разуме бабули, которая будет следить за ней.

Толстый мужичок, облаченный в купеческий кафтан, длинные полы которого обиваются вокруг, быстро перебирающих, ножек, мешая бежать, подбегает к опушке Темного леса. Он останавливается, не добежав нескольких метров до первых тысячелетних деревьев, которые призывно шелестят черными листьями, маня в чащу, где возможно, уже ждут отвратительные монстры, которыми населил лес дед нынешнего Темного Властелина.

Мужчина сгибается, упираясь руками в колени. Он бежал от самой столицы, боясь быть пойманным. Он даже отказывался садиться на попутные телеги. И тем более, ему нельзя было показываться на заставе у границы и основном торговом тракте, который проходил через нее. Оставалось пробираться через дебри Леса.

Переведя дух, он продолжает бежать к лесу, который застывает в ожидании. За ближайшими к опушке кустами уже можно разглядеть некое шевеление и мелькающие тут и там силуэты. Мужчина снова останавливается у первых деревьев, опасно косясь по сторонам. Он делает шаг и врзается во что-то волосатое. Выпутавшись из шерсти, он отходит на небольшое расстояние от препятствия и осматривает его. Осмотр не приводит ни к чему хорошему: перед ним высится существо в два раза выше любого человека, заросшее короткой черной шерстью, на мощной шее медвежья голова, два огромных темно-карих глаза, клыки, которые не помещаются в пасти и торчат на всеобщее обозрение, и оснащенные острыми длинными когтями мускулистые лапы-руки. Толстяк пятится назад, начинает лепетать что-то невнятное, из чего можно вычленить следующее:

— А... я... тут мимо пробежал... Дай думаю... в кустики... загляну... Ну... я пошел?.. — последнее он произносит как-то неуверенно, немного вопросительно.

Потом разворачивается и пытается сбежать. Но не тут-то было. Существо поддевает его за шиворот когтем и поворачивает лицом к себе, на морде расплзается довольная улыбка, еще больше открывающая огромные клыки.

— Пацаны, смотрите, кого нелегкая сюда притащила, — громогласно кричит он в чашу.

Из-за плеча тут же выглядывает столь же огромная морда, как и у этого и произносит:

— А это случаем не тот жирдяй, который прирезал дедулю нынешнего Темного Властелина?

— Ага, он самый, — радостно возвещает первый знакомец.

— И тот, который следующего женил на той недомужичке? — откуда-то вылезает третий монстр.

— Угу, и такое было, — подтверждает все тот же первый, который, наверное, был вожаком стаи.

— И тот, который мою тетю отравил? — спрашивает здоровенное дитяtko, восседающее на руках у хрупкой темноволосой девушки неземной красоты, которая неодобрительно смотрит на толстяка, не естественными темно-кариими глазами с вертикальным зрачком.

— А не надо было твоей тете выскакивать за этого Ардора-раздолбая, — рычит вожак, вспомнив о смерти сестры. — Так, пацаны, созывайте всех, сейчас жрать будем.

— А... может... я пойду уже... — лепечет толстяк, засучив в воздухе ногами.

— Ну как же, главное блюдо уйдет, а мы голодными останемся? Нет, жирочик мой, так не пойдет, — ласково поет главный. — Мы итак уже два года голодаем, тот 'мудрейший' регент, которого нам скормили в прошлый раз, был очень костлявым. А другие и близко к лесу не подходят. Еще два века глодать как-то не хочется.

Из кустов выбирается еще с десятков монстров и все усаживаются в кружок.

Мужчина начинает дергаться от ужаса в руках вожака, а потом теряет сознание.

— Ну что, приступаем, — говорит главный, вынимая длинный коготь из виска ненавистного шпиона, который уже более двух тысяч лет мешал спокойно жить стае.

Глава 3

Темный вместо того, чтобы облачиться в приемлемое на приеме одеяние, зайдя в комнату, несется к стеллажам, на полках которых был собран весь сборник из двух тысяч пятисот шестидесяти томов "Истории Фиорина". Объемные тома были любовно распределены хозяином по расам, периодам, местам обитания и прочему. Он пробегает взглядом по корешкам томиков, неуверенно барабанит пальцами по деревянным полкам. Наконец-то он замечает нужную книгу на самой верхней полке. Томик в четыре раза толще и больше остальных. Удивительно, как кто-то мог поднять его наверх? Сам Ахрон отлично помнит, что ставил ее на вторую полку снизу.

Мужчина обводит взглядом комнату, но больше ничего не характерного, для своего обиталища, не видит. Он снова обращает свое внимание на стеллаж, и именно на полку с объемным томом, в котором рассказывалось о быте и обычаях кочевого народа эсхилл. Откуда-то сверху, из под потолка, раздается тихое шуршание, которое становится все интенсивнее, к нему добавляется недовольное шипение и полки начинают мелко трястись.

Ахрон оглядывает верх стеллажа, но не заметив там, как и ранее, ничего подозрительного списал все на сбежавших подопытных крыс Крома. Хотя есть ли еще в лабораториях мага крысы — отдельный вопрос, который Ахрон сегодня ему задаст.

В прошлом году из его лаборатории сбежали три метровые невидимые крысы, две из которых проявились только когда испустили дух, а третья до сих пор бродит по замку. Как она вообще продолжает существовать?

Темный отодвигает эти размышления на второй план и снова возвращается к книге, за которой, даже не подставив что-либо для дополнительной опоры, лезет по полкам. Когда он протягивает руку к книге, что-то со всего маху врежется ему в висок. Темный, картинно взмахнув руками, падает вниз и с грохотом приземляется на пол, где распластывается бесформенной кучкой.

Где-то рядом раздается грохот и половицы из ларнейского дуба вибрируют под тяжестью чего-то тяжелого. Раздается громкий топот, под которым толстые половицы со скрипом прогибаются. Распахивается окно, запуская в комнату сквозняк, и все затихает.

Ахрон лежит на полу и невидящим взглядом смотрит в потолок, в место, где висит большая люстра, в которой были погашены все свечи. Его посещают странные вопросы: откуда у него в комнате целая люстра и почему он ее раньше не замечал? Он некоторое время размышлял над этими вопросами, потом, придя в более менее нормальное состояние, вспомнил зачем пришел в комнату и последующие события. Он плавно перетекает в сидячее положение и осматривает помещение. О случившемся погроме свидетельствует только распахнутое окно и больше ничего.

Темный еще некоторое время сидит, потом встает с пола и возвращается к прерванному занятию. И все-таки надо будет спросить у Крома насчет его крыс, и поинтересоваться поймали того монстра или нет. Сам маг даже сова на эту тему не проронил за год.

С горем пополам Ахрон достает с полки увесистый том, спускается вниз и раскрывает книгу на оглавлении. Найдя нужный заголовок, он перелистывает до необходимой страницы и погружается в чтение. Пока он читает, его брови медленно ползут на лоб, придавая лицу недоуменное выражение.

Кром стучится в дверь покоев Ахрона и, не дождавшись ответа, входит в помещение.

Покрутив головой высматривая друга, маг все же заметил того около стеллажа, на котором выстроились в ряды множество томов энциклопедии. Даже из далека было заметно, что плечи Темного были удрученно опущены. Вот интересно, что он там такое нашел, что снова впал в уныние, как это частенько бывало у незадачливого закомплексованного повелителя Темного княжества.

Маг еще некоторое время стоит на пороге, наблюдая за неподвижно стоящим Ахроном, который не производил ни одного движения, и медленно идет к другу. Кром всегда двигается тихо, не издавая ни единого шороха, периодически у него получается застать врасплах друга, который всегда с головой уходит в работу. Но в этот раз Ахрон поворачивается, когда он пересекает центр комнаты.

На лице Темного застыло потерянное выражение, плечи опущены, в руках увесистый том. Кром сразу узнал его, выделяющийся из общей однообразной массы книг, рассказывающий о быте, истории и среде обитания эсхилл. Так же там описывались древние обряды этого некогда кочевого народа. Описание свадебного обряда, который длился не меньше недели, там тоже имеется. Все обычаи поменялись, после того, как к власти пришла Атцла и эсхилл стали вести оседлый образ жизни. Но в том, что Ахрон вспомнил именно об этой книге, есть свои плюсы. И минусы тоже. Как бы это его совсем не довело. Обычно серьезный и собранный Ахрон, еще после первого письма был выбит из привычной колеи.

— Кром, то, что здесь написано, правда? — говорит Ахрон, протягивая книгу магу.

— Теоретически — да, — отвечает он, принимая книгу. Что там написано он не знает, так как читал только новую редакцию, составленную самой Атцлой. Вот там есть чего опасаться.

Кром рассеяно заглядывает в книгу и читает первое, что попадает на глаза:

"...главным ритуалом, во время свадебного обряда, является похищение невесты..."

Брови мага ползут на лоб, буйная фантазия уже рисует картину, как какой-то незадачливый князек, современник талмуда, медленно едет по степи на, еле передвигающей ноги, кляче, которая чуть ли не падает под тяжестью переброшенной через седло связанной туши.

Иллиор продолжает из любопытства читать дальше.

"...Происходит это во время Большого пира, на который собираются все родственницы и подруги, читай все племя. Они весело проводят время, а жених в это время верхом на черной виверне, ибо только они могут выдержать вес взрослой эсхиллки, ждет своего звездного часа. Этот момент наступает тогда, когда все начинают увлеченно бить друг друга, не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

Счастливицу необходимо пройти через всю площадку, чтобы добраться до своей нареченной, не отхватив ни одного тумака. Если отхватит хоть парочку — в пылу мордобоя добьют..."

Тут же на полях напротив было выведено мелким рукописным шрифтом:

Та гадость, которую они используют вместо охранного щита, не пропускает ни одного животного, все мрут еще на подходе."

Со сноской явно Ардор постарался, а ведь он даже не подозревал, что такая же участь ждет и его сына. Кром вернулся к основному тексту:

"...а нет — и не заметят его вовсе.

Подойдя на расстояние удара, ему нужно приложить красавицу чем-нибудь тяжелым по голове, главное со всей силы, а если с первого раза она не отключится, то еще пару раз

ударить, чтобы уж наверняка. И пока никто не видит, оттащить подальше и погрузить ее на виверну."

Далее было написано о предосторожностях во время полета, на тот случай, если эсхиллка внезапно придет в сознание. Дальнейшее же заставляет челюсть Крома поздороваться с дощатым полом.

"По прилету в свою обитель, жених должен сгрузить бессознательное тело в клетку с толстыми прутьями, чтобы не смогла девица выбраться из заточения. В течении недели не кормить ее, давать только по глотку воды три раза в день. На седьмой день выпустить.

И будь, что будет."

На этом описание заканчивалось. Кром недоуменно чешет затылок, поднимает взгляд на Ахрона, у которого было идентичное выражение лица, и произносит:

— Как-то это все не по научному, тебе не кажется? Похоже кто-то вlepил сюда свои летописи. Но, думаю, можно будет попробовать.

— Ну да, чтобы меня потом заживо сожрали? — вопрошает Ахрон, скрестив руки на груди. — Мне еще, вроде бы, жить не надоело.

— Да ладно тебе, — добродушно улыбается маг, хлопая друга по плечу. — На сколько я знаю, третья дочь Атцлы совсем мелкая, неделю может и не пережить. Бедняжка. — Он деланно вздыхает, потом говорит: — Кстати, тебе пора собираться. Наши гости уже явились и ожидают тебя.

Он возвращает книгу Темному и выходит из комнаты.

Ахрон некоторое время продолжает стоять в обнимку с книгой, смотря на закрывшуюся за другом дверь. Выйдя из оцепенения, он возвращает книгу на место — на вторую полку снизу, — и идет готовиться ко встрече с судьбой.

Когда Ахрон выходит из комнаты, он больше ничем не напоминает пришельца из другого мира. Черный камзол, длинной по колено, с золотым шитьем по манжетам и полам, не очень удобен и смотрится странно в сочетании с белой рубашкой, к рукавам которой каким-то боком прицепили кружевные манжеты, черным жилетом, прямыми брюками с идеальными стрелками и высокими сапогами. Странно, но этого требует последняя иллиорская мода, которая каждый раз пишит последний раз, но не сдыхает.

Темный медленно вышагивает по коридору, оттягивая тот момент, когда он предстанет перед ненавистной ему особой, которая с детства портит ему жизнь.

Но неизбежное всегда наступает незаметно. И пока мужчина мысленно посылает, явившихся в замок, эсхиллок куда подальше, дверь большого кабинета, в котором раньше работал его отец, приближается и, следовательно, тот роковой момент, когда, не дав сказать и слова, Атцла все решит в свою пользу. Этой никто и никогда не перечит, ибо не каждый потом выживает после набегов многочисленной орды, которая не оставляет за собой ничего, кроме руин.

У двери нетерпеливо переминается с ноги на ногу старшая сестра Крома — Глори. До того как ее перевели на должность секретаря главного советника, она служила в Службе Дознания и была профессионалом своего дела. Теперь же таскается всюду за своим братцем и люто ненавидит Ахрона за то, что он, прознав о ее талантах, отправил в дознаватели, не очень желательную работу для любой молодой женщины.

Темный проходит мимо слишком белой Глори — белые волосы, бледная кожа, светло-голубые, сливающиеся с белком, радужки глаз, чуть более насыщенного голубого оттенка вертикальные зрачки и довершает все это безобразие белое мужское одеяние — отворяет

дверь и, под холодным взглядом, заходит в кабинет, где за помпезным, просто вопящем о затраченных средствах, столом в больших креслах расположились две массивные мускулистые женщины. Немного поодаль от них, на простом стуле с высокой спинкой, сидит девушка, которая, отвлекаясь от размышлений, равнодушно скользит взглядом по лицу Ахрона и снова возвращается к прерванному делу. Около стола застыл в нелепой извиняющейся позе Кром, который, до того как Темный зашел в помещение, что-то говорил почтенным дамам.

Обе эсхиллки дружно оборачиваются к двери, встречая владельца кабинета неприязненными взглядами. Правая сторона лица бывшей мачехи пару раз нервно дергается. Ахрон мысленно ухмыляется, вспоминая сколько нервов он потрепал этой железной леди в детстве. И она тоже помнит.

Мужчина демонстративно медленно подходит к столу, неторопливо садится в кресло и подает Крому знак, чтобы тот продолжал.

Советник страдальчески закатывает глаза к потолку, но продолжает свою речь, в которую Ахрон даже не вникает. Далее у Крома завязывается диалог с эсхиллками. Виновник этого разговора все так же не вникает в суть, полагаясь на друга. Впрочем, это лишь формальность. Все было решено еще в тот момент, когда Ардор по крупному проигрался Атцле. Сын должника не имеет права выбора.

Пока Кром пытается выдвинуть свои условия, которые обе эсхиллки сразу же отвергают, Ахрон, на найденном в ящике стола листе бумаги, записывает формулы химических элементов. В процессе этого успокаивающего занятия, он периодически, поправляя съезжающие очки, окидывает взглядом присутствующих.

Первой подвергается осмотру бывшая мачеха — Арицла, самый не интересный экземпляр, который Темный итак слишком часто видел в детстве. Массивная брюнетка с пронзительно зелеными глазами, на первый взгляд, совершенно спокойно сидит в мягком кресле. Гротескное лицо застывает холодной маской, когда ее взгляд устремляется на Ахрона. Нервное напряжение выдают только, бугрящиеся под толстой кожей, мышцы. Она изо всех сил старается держать лицо, прекрасно помня все, на что способен Темный. В боевом костюме она при этом всем выглядит нелепо.

Вторую он ни разу воочию не видел, но был наслышан о легендарной блондинке, которая подпортила жизнь многих и многих. Столь же огромная, как и дочь, она расслабленно сидит в выделенном ей кресле, даже не подозревая о секретах сидящего за столом мужчины, ведь его происхождение всегда держали в тайне. Арицла, которая все знает, не может поведать обо всем матери, отец принял меры предосторожности. В процессе разговора Атцла оценивающе скользит взглядом по Ахрону, который в эти моменты, сосредотачивается на формулах, чтобы не сорваться, ибо последствия будут непоправимыми.

Третья — невзрачная худая девица, вызывающая стойкое ощущение тоскливой серости. В соотношении со своими родственницами, она выглядит... не эсхиллкой — человеком. Хрупкая, угловатая, бледная. Гармонию симпатичного лица портит тяжелый квадратный подбородок. Неестественные, с металлическим блеском, волосы собраны на затылке в хвост. Равнодушный взгляд серо-голубых глаз обращен к книжному шкафу. Серое платье по последней иллиорской моде, то самое с множеством ремешков, тесемок и так далее, усугубляет общую картину.

Что там говорил Грон? Выглядит как парень? Вполне себе нормальная девица. Восемнадцать лет? Нет, тут максимум шестнадцать можно дать.

Ахрон тяжело вздыхает и откладывает в сторону шариковую ручку. Он только сейчас замечает, что все молча смотрят на него.

— Вы уже завершили?.. — осведомляется, ничего не уточняя.

К какому решению они пришли, он примерно знает, поэтому встает из-за стола и, под недоуменный взгляд Крома, выходит из кабинета, в котором не любит задерживаться надолго.

Когда он закрывает дверь, слышит, доносящееся из покинутого помещения, характерное для Арицлы злое шипение.

Тьяцла вываливается следом за родственницами из портала, где-то на краю Темного леса, призывно шелестящего черной листвой. Откуда-то из чащи, доносятся приглушенные голоса, но девушка, подавив любопытство, чтобы не прислушиваться, идет за матерью.

Не далеко от места выхода, были прикованы три молодые черные виверны, которых по распоряжению Арицлы доставили сюда заранее.

Эсхиллки снимают с мощных лап крылатых тварей кандалы и, взобравшись на двух из них, застывают в терпеливом ожидании, когда третья наконец-то разберется со своей.

Тьяцла обходит виверну со всех сторон, пытаясь найти способ влезть на нее. Наворачивает уже не первый круг, но ничего так и не находит. До этого момента девушке не приходилось передвигаться верхом. Ни по земле, ни по воздуху. Только порталами.

Атцле, которая никогда не отличается выдержкой, быстро надоедает эта задержка. Она заставляет свою виверну подползти ближе к, застывшей без движения, сестре, и со всей силы пудовым кулаком бьет по чешуйчатой голове. Черная летунья, пошатнувшись, падает на порядком примятую траву.

Удивленная поведением бабули, Тьяцла замирает на месте, недоверчиво косясь на развалившуюся перед ней тушу, на которую, как ни посмотри, стало легко взобраться.

— А... — хочет спросить девушка.

— С ней все в порядке. И сбрасывать тебя она не будет, — предвосхищает ее вопросы Арицла.

Тьяцла пожимает плечами, показывая этим, что сказанное услышано, принято к сведению, но ей не верится, что такое вообще возможно. Она подходит к виверне и, поставив ногу на предплечье крыла, переваливается через хребет, чуть не слетев вниз головой с обратной стороны, подтянувшись перекидывает другую ногу и устраивается поудобней, если можно такое проделать, когда острые грани чешуек впиваются через ткань платья в кожу ягодиц. Шипастые позвонки тоже не добавляют удобства. Седла для полетов на вивернах не предусмотрены.

Пока девушка устраивается на спине ящера, Атцла наклоняется и хлопает летунью по удлинённой морде. Та встрепенувшись быстро поднимается на лапы и вопросительно косится по сторонам.

Тьяцла, напуганная этими телодвижениями, судорожно обхватывает длинную шею и прижимается щекой к чешуе.

Как проходит полет, девушка не видит. Все время она жмурит глаза. Открывает их только, когда чувствует, что ее отделяют от чешуйчатого тела, к которому она за перелет почти приросла.

Почувствовав под ногами твердую поверхность, Тьяцла находит в себе силы осмотреться. Замок, во дворе которого они стояли, выстроен в романском стиле. Большой, тяжелый, с узкими бойницами, массивными башнями и оборонительными укреплениями.

Так же имеются — подъемный мост и ров. Использованный для строительства черный камень, полностью олицетворяет название — Темный замок.

Темное княжество, Темный лес, Темный замок, фамилия местного князя, носящего титул Темного Властелина, — Темный. До мелочей выверенный стиль. И на территории когда-то принадлежащей Темной империи, до сих пор находят руины из черного камня.

Ах да, черные виверны, которых уже увели в загоны, здесь тоже очень кстати для поддержания общей картины.

Все это "Темное" является, как говорят, завещанием дедули нынешнего князя и, не дай Боги, что-нибудь в этом изменить: титул или название, или еще что-нибудь... Впрочем, после того, как, благодаря бабуле, Темная империя перестала существовать ничего так и не произошло. Возможно только из-за того, что хоть что-то "Темное" да и осталось.

Как оказывается, их уже встречают. На ступенях у входа в замок стоит невысокий невзрачный мужчина. Сын эхсилл, понимает Тьяцла. Только эхсилльские дети мужского пола могут быть такими серыми и молчаливыми. Удобными в шпионаже и заказных убийствах.

Провожатый молча двигается в глубь замка. Арицла и Атцла следуют за ним. Тьяцла, выждав немного времени, идет следом, отставая на два десятка шагов. Теперь нужно каким-нибудь образом выловить Крома и поговорить.

Вылавливать того, как блоху в собачьей шерсти, не приходится.

Маг выходит из коридора, вход в который Тьяцла недавно оставила позади. Она еще на десяток шагов отстает от впереди идущих и в этот момент ее нагоняет Кром. Поравнявшись с ней, он сразу задает вопрос:

— О чем хотела поговорить?

Внимательно следя за родственницами, Тьяцла шепчет:

— Мне очень нужна твоя помощь, а тебе моя. Темному понадобится наша общая.

— Ты нашла способ решить сразу все проблемы? — левая бровь Крома поднимается вверх. Мужчина о чем-то недолго думает и спрашивает: — какого рода опасность подстерегает в данный момент Ахрона?

Тьяцла, продолжая смотреть перед собой, сжимает кулаки. Отчетливо раздается скрежет скрежет зубов.

— Тебе сейчас нужно беспокоиться не о шкурке Темного, а о своей. Опасность подстерегает не только его, но и нас с тобой, — напоминает она, сверля злым взглядом удаляющуюся спину Атцлы. — А меня в особенности, если она узнает, что все местные охранки привязаны ко мне. И заполучив то, что она ищет — избавится о нас, как от использованного расходного материала.

— Откуда такая уверенность? — интересуется маг, а в мыслях уже всплывают воспоминания о сегодняшнем утре: Тьяцла стоит у комнаты Атцлы, прильнув ухом к двери.

— Узнала из подслушанных разговоров, начиная с того времени, когда зашел разговор о том, за кого выдавать Фьяцлу, — цедит сквозь зубы Тьяцла, заливаясь краской стыда. — Сегодня они узнали, что щит держится на ком-то другом.

— Черт, этот гад, успел передать и это... — тихо произносит Кром.

— О! — восклицает слишком громко девушка и достаивается яростного шипения, долженствующего показать, чтобы она говорила потише. Проникшись, она тихо шепчет: — так вы вычислили шпиона? Поймали?

— Да, вычислили. Нет, он сгинул в Темном лесу, — сухо отвечает Кром.

— Ах! Бедняжка! — Тьяцла в наигранном ужасе деланно складывает ручки на груди. Маг с удивлением косится на нее. — А что? — уже тихо продолжает она, вопросительно приподняв бровь, и еще тише шепчет: — мы выглядим подозрительно, Арицла уже пару раз оборачивалась. Пусть думают, что я с тобой пытаюсь флиртовать и отчаянно жеманюсь, чтобы привлечь твое внимание. У наших даже в почете — увести чужого будущего мужа, особенно у сестры.

Последнее было сказано с явной насмешкой над обычаями. Кром, тихо хмыкнув, только пожимает плечами.

— Ну, давай, ближе к делу... — бормочет маг. — Может ты отобьешь меня у своей смертоносной сестрички? — внезапно меняет тему, с надеждой косясь на собеседницу.

— Только в том случае, если кто-нибудь перехватит Темного, а это мало ожидаемо при том, что он полукровка. Среди наших это не ценится. На это пускают подобный мне расходный материал, — шепчет Тьяцла, смотря под ноги, и быстро меняет тему:

— у него тысяча сороковой том энциклопедии Фиорина в старой редакции или новой?

— В старой, — не задумываясь отвечает Кром. — Но при чем тут это? Как нам может помочь старая книга.

Девушка облегченно вздыхает, на секунду остановившись.

— Слава Богам! — громко проговаривает она и снова переходит на шепот: — ты даже не представляешь — эта старая книга может спасти нам жизни. Главное, чтобы она не попала к Фьяцле до того, как окажется в руках Темного.

— Она в замке?

— Да, пробралась следом за нами, получив первый в своей жизни приказ — похитить и уничтожить тысяча сороковой том энциклопедии Фиорина о быте и нравах народа эсхилл.

Кром морщится, смотря перед собой. Впереди два огромных силуэта заходят следом за проводником в большой кабинет, который почти не используется.

— Нужно поторопиться, наш долгий разговор подозрителен, — говорит маг. — В чем заключается твой план?

— Разговор-то долгий, но ни о чем. Думаю, ты сам поймешь суть моего плана, когда прочитаешь о ритуале похищения невесты. Ты ведь мой умный друг, который понимает меня с полуслова, — последние слова Тьяцла произносит с улыбкой, не затрагивающей глаза. — Тебе нужно будет только настоять на том, чтобы они провели все обряды по старым обычаям. Они не посмеют отказать при свидетелях. Ну, это если ты переговоры будешь вести.

— Конечно я, Ахрон сейчас не сможет даже слова адекватно произнести... Почему именно по старым? — Кром вопросительно косится на Тьяцлу. — Ты уверена в том, что после них не будет никаких последствий? Ведь большинство обрядов не обходится без каких-либо меток на коже.

Тьяцла неуверенно пожимает плечами и произносит:

— Да, вроде, ничего не должно произойти...

— Как-то это не очень уверенно прозвучало, — задумчиво произносит маг. — Что еще от меня потребуется?

— Создать бабule мою личину, но так, чтобы никто не заподозрил... — потупив взгляд, произносит девушка. — Я и сама могла бы это сделать, но... увы и ах... я не могу даже зажечь свечу, — разводит руки в стороны.

— Ладно, что-нибудь придумаю.

Весь остальной путь они молчат.

Так, в тишине и раздумьях, они доходят до кабинета. Кром отворяет дверь.

Тьяцла, криво улыбнувшись, но тут же придав лицу бесстрастное выражение, первой проходит в помещение. Она сразу отмечает, что большие и на вид очень удобные кресла заняты родственницами, а у стеллажей, доверху набитых книгами, стоит стул с неудобной прямой спинкой. Она пересекает комнату, не обращая внимания на недовольные взгляды, садится и упирается взглядом в [книги](#).

Вошедший следом, Кром что-то говорит объемным дамам и выходит.

Воцарившаяся, после ухода мага, тишина нарушается шепотом, потерявших бдительность матриархов. Тьяцла, притворившись погруженной в разглядывание корешков книг, прислушивается к перешептыванию. Из обрывков, которые долетают, она понимает, что здесь идет жаркое обсуждение дальнейших планов, не очень радужных для троих. Почему они нацелились именно на Темное княжество, так и не звучит. Пока она находится в одном с ними помещении, они по этому поводу ни разу не выскажутся.

Обсудить все они не успели, в кабинет возвращается Кром. Тьяцла облегченно вздыхает, выслушивать перечень того, что ожидает ее и того, к кому привязан охранный щит, удовольствие не из приятных. С учетом того, что охранку навесили на нее — вдвойне. Маг что-то говорит, облокотившись на столешницу, родственницы мило скалятся ему. Девушка отворачивается к стеллажам, от которых отвлеклась, когда открылась дверь. Разгул лицемерия рядом раздражает, но нужно вытерпеть это, чтобы осуществить план и тогда больше не будет этих мерзких спектаклей, в главных ролях в которых мамуля с бабулей.

Дверь снова отворяется и помещение заполняет присутствие. Явственно ощутимый клубок раздражения и ненависти, исходящий от иллиора-полукровки.

Тьяцла краем глаза замечает, что Атцла с Арицлой синхронно поворачиваются к вошедшему, который, не удостоив их вниманием, медленно проходит к столу и опускается в кресло. Девушка мысленно усмехается, никто и никогда открыто не выказывал матриарху пренебрежения, здесь простым поражением в карточной игре, как при Атцле, не обойдешься. Арицла сравнивает с землей все, что ей не понравится.

Невольно проникнувшись уважением к Темному, девушка отрывается от созерцания объемных томов переводит взгляд на хозяина замка и здешних земель.

Маска абсолютного равнодушия трескается, безобразно перекашиваясь. С губ почти срывается стон бессильной ярости, который с трудом подавляет. Она сжимает руки, которые готовы вцепиться в глотку Атцле, в кулаки и возвращает бесстрастное выражение на лицо. Мысль о том, что этот нестандартный образчик иллиоров ей в общем-то и не нужен, подавляет желание придушить бабулю на месте. Тут, скорее, это нехитрое действие применят к ней. Зачем ей Темный, если через неделю она будет свободна и от своих родственниц, и от замка-лабиринта Флиос, и еще от многих проблем.

Все решено. Так называемая свадьба состоится через неделю. Проходить все будет по старым обрядам.

Довольная собой и скорым осуществлением плана, Тьяцла, сквозь маску спокойствия которой не видно ни одной эмоции, краем глаза замечает, что и матриарх, и экс-матриарх мелко трясутся от распирающей их злости. Лишь бы они не сделали выводы, что в нарушении задуманного ими виновата она. Хотя, в таком состоянии они могут повесить на нее не только это, но и много чего другого.

Все детали предстоящих испытаний были оговорены и в кабинете повисает тишина,

которую нарушает хриплый от долгого молчания голос:

— Вы закончили?

Темный встает с кресла, идет к двери.

Тьяцла с восхищением наблюдает за тем, как головы ее родственниц поворачиваются по мере его продвижения к выходу. Это же нужно уметь так довести их! Она отчетливо чувствует исходящие от них удивление, недоумение и ненависть. Когда дверь закрывается, Арицла что-то невнятно шипит.

Девушка сглатывает застрявший в горле комок, по возвращении в Флиос ее ожидает что-то нечто похуже перехода через портал.

Атцла, с сожалением вздохнув, выбирается из кресла:

— Нам тоже следует удалиться, — досадливо поморщившись, она после недолгой паузы продолжает: — уже сейчас нужно начинать подготовку к торжеству.

Следом за ней вскакивает взбешенная матриарх.

— Тогда позвольте проводить вас к выходу, — говорит Кром, опережая бабулю на пути к двери на добрый десяток шагов.

— А?.. — опешив, она с недоумением смотрит на советника Ахрона, пока до нее не доходит суть его слов: — а! Да-да... Не хотелось бы заблудиться.

Тьяцла мысленно усмехнулась. Да, этих дамочек нельзя оставлять одних. Чего доброго, под шумок успеют осуществить свои планы, поставив их троих в невыгодное положение. Хотя, тут никакого положения не будет, только плавучее в какой-нибудь реке подальше.

Девушка, последовав примеру остальных, поднимается со стула и медленно идет к двери. Выходит следом за всеми, погруженная в мысли о предстоящем полете и о том, что ее ожидает по прибытии.

Молча они выходят во двор замка, где их ожидают готовые к полету виверны.

Ни для кого не является секретом, что, с легкой подачи отца, Ахрон Темный — Властелин небольшого одноименного княжества, — еще в детстве смог собрать всю коллекцию энциклопедии "История Фиорина", состоящую из двух тысяч пятисот шестидесяти томов. Но никто, кроме матриарха эсхилл, не знает, что тысяча сороковой том о быте и обычаях ее народа, единственный оставшийся во всем мире экземпляр первого тиража. Единственный и очень опасный при осуществлении ее планов. Все остальные были уничтожены и заменены новыми, написанными под редакцией Атцлы.

Фьяцла, со всей силы цепляясь за веревку, карабкается вверх. До нужного окна остается не более метра, здесь ее и настигают сомнения. Она нерешительно зависает между землей и нужным объектом. Лезть дальше ей не хочется, но поступивший приказ выполнить надо. Тем более, это первый приказ от матери: похитить и уничтожить тысяча сороковой том энциклопедии "Истории Фиорина" о быте и обычаях народа эсхилл.

Ослушаться нельзя, а лезть дальше страшно — вдруг поймают. Возможно, она является первым и единственным представителем эсхилл, который безумно боится быть пойманным. Но страхи придется загнать в дальний угол и выполнить задание на отлично, иначе последствия будут страшны.

Приободрив себя безрадостными перспективами, если задание не будет успешно выполнено, Фьяцла продолжает восхождение по стене.

Остановившись напротив нужного окна, она отпускает веревку и цепляется за карниз, выступающий сантиметров на пятнадцать из стены. Подтянувшись, вскарабкивается на него всей своей массивной фигурой, пошатываясь при каждом движении. Теперь необходимо

узнать, нет ли кого в комнате и вскрыть окно.

Она заглядывает в щелочку между портьерами и прислушивается, внутри все чисто. Пошарив по карманам, достает длинный тонкий металлический прут и продевает его в еле заметную щель между створками. Цепляет крючок, который закрывал окно с той стороны, и открывает окно.

Девушка влезает в комнату. Облегченно вздохнув, она медленно, стараясь не производить лишнего шума, тем более пол деревянный, идет к стеллажу на котором в стройные ряды выстроились объемные тома. Нужный том стоял на второй полке снизу. Он выделялся среди всех своей величиной во всех параметрах.

Фьяцла поспешно хватает книгу, осматривает со всех сторон и раскрывает на середине. По какой-то случайности страница оказывается именно той, из-за которой были уничтожены и заменены все тома первой редакции, кроме этого, до него не смогли тогда добраться.

Девушка вчитывается в текст. Ее лицо тут же зеленеет от отвращения. Захлопнув книгу, она некоторое время стоит неподвижно и пытается осмыслить прочитанное. Но ей не позволяют этого сделать. Впрочем, как и завершить миссию.

Где-то, совсем недалеко, слышатся, постепенно приближающиеся, шаги.

Тихо выругавшись, Фьяцла затравленно озирается вокруг в поисках укрытия. Но как назло, в комнате не оказывается хотя бы мало-мальски приемлемого схрона. А шаги все приближаются. Она скользит взглядом по стеллажу и ее озаряет мысль.

Девушка взбирается на самый верх и в тот момент, когда дверь отворяется и в комнату заходит Ахрон, накидывает на себя полог невидимости. Благо, мать научила ее пользоваться им. Пока карабкалась, она освободила руки, впихнув увесистый том на самую верхнюю полку.

Она наблюдает за озадаченным Ахроном, когда до ее слуха долетает, раздающееся за спиной шуршание. Оно быстро приближается. Что-то очень острое царапает Фьяцле спину, когда странный шорох прекратился. Девушка недовольно шипит и оборачивается, но ничего перед собой не видит.

Она продолжает наблюдать за Темным, который начинает взбираться по полкам. В это мгновение ее снова что-то царапает. Она оборачивается, но — пусто. Фьяцла протягивает руку и упирается в невидимую преграду.

Нечто тут же преобильно кусает ее за пальцы, за что получает по тому месту, где должна быть морда. В ответ Фьяцла получает укус в предплечье. Ее нога соскальзывает вниз, ударяя пяткой по виску Ахрона, который картинно взмахнув руками, падает вниз и с грохотом приземляется на пол, где расплывается бесформенной кучкой.

Фьяцла спрыгивает на пол, не заботясь о том сколько шума производит, а так же забыв о цели своего прихода, бежит к окну и, распахнув его настеж, бросается вниз, в процессе свободного падения хватаясь за веревку.

Только когда чувствует под собой твердую почву, она переводит дыхание и осмысливает случившееся.

Больше она на такие задания соглашаться не будет, даже если ее будут заставлять их выполнять силой.

Среди зарослей какой-то колючей растительности на опушке поляны, на которой эсхиллки решили устроить свадебный пир, яростно отмахивается от надоедливых комаров Ахрон Темный. Он, как и указано в той книге, ждет того момента, когда brutальные красавицы, собравшиеся на торжество живота, начнут бить друг друга не жалея кулаков.

Три часа, проведенные в обществе разнообразных насекомых и вопиющего о несправедливости желудка, вселяют в его мнительный разум мысль о том, что все подстроено заранее Атцлой, которая уже давно зарилась на земли Темного княжества. Почему? Для него это так и остается тайной за семью печатями.

За спиной слышится шорох. Ну да, сейчас кто-то подойдет сзади и прибьет чем-нибудь тяжелым по голове. Шум затихает в нескольких шагах от него. Ахрон внутренне готовится к схватке, разворачивается и оказывается сидящим на земле, сбитый с ног лобастой головой черной виверны, сорвавшейся с цепи. Которая, сорвавшись с цепи, первым делом решает повалить своего хозяина по земле, а потом действовать по обстановке.

Темный отталкивает большую голову ящера и садится, отряхивая с плаща налипший сор. Он с самого начала подозревал, что единственная бесхозная верховая черная виверна окажется далеко не лучшим вариантом. Но при наличии большой популяции эсхиллок, нормального ящера днем с огнем не сыщешь, ведь под весом этих дамочек падают даже тяжеловозы.

Его виверна, мягко сказать, странная. За все время пребывания возле поляны она срывалась с цепи третий раз. С толстой цепи с добротными звеньями. Два предыдущих раза она неслась напролом через кусты к барьеру, тому самому, который не пропускает иную живность, кроме заранее оговоренной. В данный момент разумной. Ахрон третий час наблюдает не только за обстановкой в эсхилльском обществе, но и за тем, как при приближении к барьеру, мелкие насекомые вспыхивают и опадают на землю щепоткой пепла. Оба раза он успевал схватить остатки цепи и остановить неразумную животину еще до того, как она успевала выбраться из зарослей. Третий же раз был актом возмездия.

Ахрон хватается за обрывок цепи, бросившейся улепетывать летуни, и обвязывает его вокруг первого попавшегося сучковатого бревна, которому не везет подвернуться под его горячую руку.

Неуклюжая двухметровая тушка, проехав на пузе несколько метров, вскакивает, встряхивается и злобно смотрит на Темного, который продолжает держаться за корягу. Искры озорства, сменившие злость во взгляде виверны, не предвещают ничего хорошего.

Ахрон понимает, что кусок древесины, к которому он прицепил ящера, не имеет никакой совместимости с землей только тогда, когда виверна, размашисто переставляя лапы и подгребая для скорости крыльями, несется через непроходимые заросли в самую чащу леса. Полено, активно перескакивающее с кочки на кочку, тащит на себе шокированного Темного, изо всех сил цепляющегося за него.

Ящер несется быстро, иногда расправляя крылья и планируя над оврагами. Из-за чего мужчина, цепляющийся за корягу, успевает набить немало шишек и синяков, где-то потерять камзол, порядком попортить рубашку и собрать брюками всю грязь и репы.

Безудержное веселье, грозившее затянуться не на один час, прерывается внезапно.

Глупая виверна, вывесив язык, бежит, не оглядываясь, не смотря по сторонам, не

понимая куда и зачем несется. Она проскакивает между стволами близко растущих деревьев и продолжает движение. Бревно с повисшим на нем Ахроном, застревает сучками в промежутке, через который благополучно проскользнул ящер.

Виверна, выпучив глаза, не впервые катится на пузе, раскинув в стороны лапы и крылья. Цепь, закрепленная на коряге, разматывается. Подскакивая на каждой кочке, удивленная летунья скользит до дерева, о которое со всей силы прикладывается лобастой головой.

Для Ахрона больше не остается секретом откуда взялись странности в поведении виверны.

С трудом отцепившись от бревна, онемевшие пальцы не желали двигаться, он встает с четверенек и отряхивает остатки одежды от грязи и мусора. Рукав, висящий на нитках, под усилиями отваливается. Это становится последней каплей в чаше его терпения.

Прорывав что-то нечленораздельное, Темный идет к распластанной виверне, подхватывает ее за шею и медленно тянет в ту сторону, где по его предположениям должна быть поляна. Единственное, что спасает его от гнева общества по защите вымирающих черных виверн — крепкие шейные суставы ящера.

Ахрон, под тяжестью бессознательной туши, медленно бредет по лесу, обходя все овраги и сетуя на то, что последнюю неделю все в его жизни идет наперекосяк, начиная со дня получения злополучного письма.

Когда он выходит к нужной поляне, проходит более двух часов. За это время он успевает потерять второй рукав в битве с колючей растительностью, окончательно озвереть, обзавестись обаятельным оскалом и внушительными когтями.

Сбросив тяжкий груз у кустов, за которыми недавно прятался, чтобы быть незамеченным, Темный пробирается через заросли и во всей красе предстает перед, остановившимися мордобой, эсхиллками.

Все как одина, пребывая в нелепых позах, оборачиваются в его сторону, с минуту выпучив глаза осматривают новоприбывшего и внезапно шарахаются кто-куда. Самые смелые с боевым кличем несутся навстречу к Ахрому, но тут же останавливаются на полушаге, заслышав глухой рык, который казалось бы исходит из глубин Преисподней.

Одна из дамочек приняв какую-то невообразимую, при ее комплекции, экзальтированную позу, слишком восторженно вопит:

— Чудовище из Темного леса!!!

Вопль подхватывают все пребывающие на поляне глотки, порядком оглушая шокированного таким приемом Темного. И воительницы, похватав все, что под руку попадется, — подалось все: от посуды до отломанных от импровизированных столов ножек — всем скопом бросились на, пришедшего в себя и разъяренного, мужчину.

Перед тем, как его поглощает волна из, жаждущих крови и зрелищ, пьяных и вооруженных эсхиллок, он замечает на одном из столов пляшущую какой-то танец и размахивающую над головой трофейным бронелифчиком Тьяцлу. Появляется бесконтрольное желание провалиться под землю и больше не видеть эту картину. Впрочем, землю с энтузиазмом замещают накатывающие валом воительницы.

Первая, нацелившаяся кружкой ему в темечко, ласточкой улетает за пределы воинственной толпы. Вторая с дубинкой из ножки стола, проклиная Темный лес всеми доступными словами, летит на руки своим товаркам, которые под ее тяжестью падают под ноги следующим, отправившимся созерцать небесные просторы, распластавшись на земле. Вокруг лежащей группы медленно образуется гора из поверженных, ими же, тел.

Третья подобравшаяся слишком близко и полагающая, что возьмет его голыми руками, падает на лежащую композицию, как завершающий мазок кисти по холсту. Следующие отправляются кто куда.

Ахрон в это время медленно, но верно, раздавая по пути направо и налево тумачи, продвигается в сторону стола, на котором продолжает, не обращая внимания на творящийся вокруг беспредел, выплясывать виновница всего произошедшего за неделю.

Когда последняя воительница отправляется на ветку ближайшего дерева, глухо затрепавшей под тяжестью угнездившейся тушки, Темный подходит к столу, хватая Тьяцлу за шиворот и тянет в кусты, откуда слышится шорох — черная виверна, придя в себя после лесных приключений, послушно ждет своего хозяина, нетерпеливо размахивая тонким хвостом с щеткой шипов на конце.

Девушка что-то кричит, упирается, но Ахрон продолжает тянуть ее, не прислушиваясь к воплям.

Виверна, не вытерпев долгого ожидания, выскакивает из кустов и замирает с удивлением разглядывая представшую перед ней композицию: полная разруха, горы бессознательных тел и в центре всего этого хозяин, тянущий за шиворот некую девицу — ей было интересно зачем они в засаде сидят, а тут... Зря она с цепи срывалась столько раз. Ничего интересного. Летунья опускается на землю в ожидании, когда завершится погрузка и можно будет взлететь.

Темный взваливает третью дочь матриарха на виверну. Девушка тут же с новой силой начинает что-то вопить и сучить ногами. Мужчина не слушает, садится в седло и хлопает виверну по боку, давая понять, что пора взлетать.

Полет к Темному замку проходит спокойно, без приключений, только все время раздражают незатихающие вопли эсхиллки.

Приступ ярости сходит на нет только тогда, когда вокруг Ахрона смыкаются умиротворяюще черные и привычные стены. Он слезает с виверны, стягивая с нее за шиворот Тьяцлу, которая продолжала возмущаться и протестующе размахивать руками, приказывает подоспевшему конюху расседлать и заковать летунью.

Окончательно Темный успокаивается, когда за эсхиллкой закрывается тяжелая дверь клетки с толстыми прутьями, специально сработанной дней за пять до этого знаменательного события.

С чувством выполненного долга он, не обращая внимания на зазвучавшие с новой силой вопли, удаляется из подземелья. Путь его лежит в покои, где, выудив с полки злосчастный том энциклопедии, он устраивается в кресле, открывает книгу на нужной странице и перечитывает то, что за неделю успел заучить на зубок.

После очередного прочтения очерка, Ахрон надолго задумывается.

Определено, сегодня он нажил себе врага в лице многотысячной орды эсхилльских воительниц.

Сразу после отлета Ахрона, Кром приказывает седлать коня.

Если он собирается наложить на эксматриарха иллюзию, ему нужно быть где-нибудь поблизости для подпитки магического воздействия. А чтобы иллиорская магия смогла обойти эсхилльскую, объект воздействия должен пребывать в определенном состоянии. В данном случае подпитии. И Большой пир, во время которого состоится похищение, как раз кстати. Все эсхиллки будут в невменяемом состоянии и легко можно будет отвести бдительные взгляды от основного действия. Нужно отдать должное Тьяцле, которая смогла

все это продумать до того, как все могло выйти из под контроля и стоять им троим жизнями.

Только возникает вопрос: что делать с обратной дорогой? Путь по воздуху занимает намного меньше времени, чем по земле. И подпитывать свою иллюзию Кром некоторое время не сможет, а это чревато тем, что Ахрон, не подозревающий о творящемся перед его носом беспределе, останется один на один с опасной даже в бессознательном состоянии трехсотлетней эсхиллкой.

Маг передергивает плечами, то ли от блуждающего по комнате сквозняка, то ли от перспективы лицезреть разъяренных правителей. Бурная фантазия тут же нарисовала картину расправы. Ахрон и Арицла, посмеиваясь и предвкушающе потирая руки, ждут, когда он, привязанный к крутящемуся над костром вертелу, прожарится до румяной хрустящей корочки. От явственно воображенного запаха специй щиплет в носу и хочется чихнуть.

Странная картина не собирается покидать разум, когда он с силой трясет головой. За неимением лучшего выхода, Кром начинает биться головой о холодное стекло.

За этим занятием его застаёт Дорх, застывший на пороге и удивленно взвизгивающий на обычно уравновешенного и спокойного мага.

Кром, увлеченно выбивающий прилипшее видение радикальным образом, заметил чужое присутствие только тогда, когда слуга кашлянул, привлекая к себе внимание. Мужчина отвлекается от своего занятия и оборачивается.

— Ты что-то хотел, Дорх? — страдальческим голосом спрашивает Кром, с места он не двигается, продолжая стоять около окна, которое чуть не пострадало под его усилиями.

— Конь готов, мэтр Кром, — отвечает слуга.

— А?.. — вопрошает маг. Он уже успел забыть, что отдал приказ. — А, да-да. Сейчас спущусь. Ступай, Дорх.

Слуга выходит из комнаты, а Кром еще некоторое время продолжает стоять у окна, размышляя о том, что пора бы поменять многие обращения. Он устремляет взгляд вдаль, где скрылся за горизонтом минутами раньше Ахрон, отворачивается и идет прочь из комнаты.

Спустившись вниз, дает слугам распоряжение подготовить клетку. Кром выходит во двор, где его ожидает уже порядком застоявшийся конь. Он подходит к животному, проводит рукой по его переносице и задумывается. Возможно сегодняшней день животинка не переживет, за неимением других вариантов, придется ускорить передвижение магически.

Кром обходит обреченное создание, вскакивает в седло и посылает животное галопом. Нужно как можно быстрее добраться до того злополучного леса и ту самую поляну, на которой будет происходить все действие.

В дороге он размышляет над вопросами, на которые не мог найти ответы всю неделю, так как предугадать, что случится во время злосчастного пира предугадать невозможно. Перебирает всевозможные заклинания для создания иллюзий. Думает о том, куда смыться после того, как все закончится. Тяцла, возможно, уже все продумала. Она же давно хотела слинять из под бдительных взглядов своих родственниц.

За этими и многими другими размышлениями, он не сразу замечает, что въехал в лес.

Кром спешивается, оставляет коня привязанным к ветке высокого развесистого дерева, а сам идет искать поляну, которых в этом лесу видимо невидимо. Спасает только то, что на искомой местности будет слишком шумно.

Пока он пробирался через заросли куда глаза глядят, а глядели они не слишком далеко — до ближайших веток, мимо пару раз пронеслось что-то большое, тянущее за собой что-то поменьше. На одной из веток, на траектории движения неизвестного объекта, остался

сиротливо трепетать лоскуток. Маг подходит к кусту, снимает тряпицу и разглядывает. Кусок ткани некогда принадлежал камзолу Ахрона.

Мужчина сурово сдвигает белые брови на переносице. Вот же и здесь нашел себе приключения, никуда его одного отпускать нельзя.

Он бросает лоскут на землю, камзол итак уже безвозвратно испорчен, если виверна продолжит таскать Ахрона по этим зарослям, и идет дальше.

К опушке он выходит в самый разгар мордобоя.

Пьяные женщины сцепились все и сразу, молотят руками и ногами по всему, до чего дотягиваются. Первые бессознательные жертвы выпадают из общего клубка в течении десяти минут после того, как Кром удобно устроился за большим валуном. В следующий момент толпа отшатывается и в центре ее оказывается картина: некая мускулистая девица, стыдливо прикрывая грудь одной рукой, второй показывает внушительный кулак эхсматиарху, которая увлеченно рассматривает трофейный бронелифчик, прикидывая подойдет ей или нет. Поняв, что трофей не ее размера, она забрасывает его на ветку ближайшего дерева.

Волна накатывает снова и начинается второй раунд.

В стороне от всего этого, за столом сидит Тьяцла. Подперев голову руками, она с нескрываемой скукой наблюдает за боем.

Маг отворачивается и прислоняется спиной к камню. Хорошо, что его прикрывают густые кусты лесного ореха.

Он уже успел задремать, когда над поляной повисла тишина, разорвавшаяся эхсхильским боевым кличем. Слышится глухой рык и пронзительный крик:

— Чудовище из Темного леса!

Кром выглядывает из укрытия. Лучше бы он этого не делал. Психика целее была бы.

На окраине поляны, в противоположной стороне от него, стояло существо. В два раза выше любого человека, заросшее короткой черной шерстью, на мощной шее медвежья голова, клыки, которые не помещаются в пасти и торчат на всеобщее обозрение, и оснащенные острыми длинными когтями мускулистые лапы-руки. По остаткам одежды его можно было идентифицировать как Ахрона.

Но ведь ничего не предвещало обращение! Почему именно сейчас? Маг обреченно хватается за голову. Сколько усилий было потрачено, чтобы иллиоры признали Темного не опасным для своего народа, и все зря.

Из-за кустов раздаются звуки ломаемых столов, грохот падающей посуды, тяжелый топот множества ног.

Кром заставляет себя успокоиться и лезет сквозь кусты поближе к объекту, на который необходимо наложить иллюзию.

Арицла в это время выплясывает на, оставшемся целым, столе победный танец, размахивая над головой очередным бронелифчиком, который по всем параметрам ей подходит. Маг накладывает на нее личину Тьяцлы и быстро отворачивается, чтобы окончательно не свихнуться со всем этим.

Бой кипит, повсюду разлетаются бессознательные тела, раздаются крики. Все затихает. И тишину разрезают пронзительные протестующие крики.

Мужчина в спешке открывает портал до того дерева, около которого оставил коня. Впрыгивает в седло, накладывает на животное заклинание выносливости и сразу же задает быстрый темп.

Над головой раздается шум крыльев и вопли. Вовремя, возможность подкорректировать скорость.

Подпитка заклинания, даже если это простая иллюзия, дело сложное, особенно если проводишь эту процедуру в дороге и одновременно поддерживаешь второе. Но Кром держится до самого Темного замка. Конь тоже не собирается издыхать на полпути.

Когда они, наконец, добираются до двора замка, маг долго спрыгивает с коня и так и остается висеть на его шее, иллюзия получилась не такая простая, как планировалось с начала. Впрочем, больше ее поддерживать и не надо, объект находится в клетке и, главное, не подпускать теперь Ахрона к ней. В ином случае ожидается настоящий скандал.

Все дневные обряды завершены и остается только Большой пир "похищение".

Тьяцла смотрит с тоской на то, что ей предлагают одеть к пиру. Бронелифчик и бронеюбочка маленьких размеров выглядят нелепо в огромных руках Арицлы, которая сама щеголяла в подобного рода облачении но на десяток размеров больше.

— Я это не надену.

Категоричность отказа выбешивает матриарха. Она шипит на свою третью дочь:

— Это... традиция... — она еле сдерживается, чтобы не залепить наглой девице оплеуху. Нельзя. Сегодня нельзя, а завтра...

— Какие традиции, если вы сами их не соблюдаете и создали какие-то новые, еще более нелепые, — бормочет девушка, ей совершенно не хочется щеголять перед всеми в этом недонаряде.

— Что ты там бормочешь? — вопрошает Арицла и добавляет тоном не терпящим пререканий: — одевайся, быстро.

Ладно, на этот раз ее взяла. Придется потерпеть несколько часов позора. Хотя недалеко от поляны спрятан сверток с нормальными вещами, но им можно будет воспользоваться только после того, как все закончится. Благополучно закончится. Жаль только, что она не сможет проследить за исполнением плана.

Пока Тьяцла натягивает на себя неудобный костюм, обжигающий холодом металла, дизайнер не додумался подложить хотя бы лоскуток ткани под металл, ее волосы по сравнению с этим на порядок теплее, Арицла продолжает стоять посреди комнаты, как каменный истукан, следит за тем, чтобы ее приказ был выполнен. Боится, что третья дочь пойдет наперекор древним традициям, которые народ эхшилл уже давно переиначил.

Девушка усмехается про себя, а ведь, если бы у них тогда получилось заморить Фьяцлу, она бы стала второй дочерью. Но тогда бы у нее были проблемы посерьезней нынешних. Особенно, если бы она провалила свое первое задание, как это сделала сестра, которая связалась с ней через два дня после неудачи и слезно умоляла помочь. О последствиях подобного рода провалов знают все и не понаслышке. Просто сестренку немного укоротят и прикопают где-нибудь, как непригодный для работы материал. Впрочем, как и трех неудачников, которых, если сегодняшней план провалится, завтра ждет практически то же самое.

Сестру Тьяцла планирует отправить в Темный замок, следить, если все завершится благополучно, за матушкой в клетке. Ее предрасположенностью к выполнению всех приказов матриарха займется Кром, которому она напишет сразу после того, как окажется подальше от родственниц. Лишь бы он согласился, иначе, если Фьецле поступит еще одно задание, то не факт, что оно будет безобидным для обитателей замка. Радует одно — теперь у нее будут глаза и уши там, куда ни одна из эхшиллок не сможет пробраться без ее согласия.

От последней мысли ухмылка явственно расплзается по лицу, что неприминула заметить Арицла:

— Чему это ты ухмыляешься? — брови внушительной женщины медленно сходятся на переносице. — Поторавливайся. Скоро все начнется.

— Ах, маменька, — вздыхает Тьяцла, всплескивая руками. Завершив с застежками бронюбочки, она готова приступить к цеплянию на ноги поножей и изящных туфель на плоской подошве. Еще раз уверившись в том, что у большинства эхиллок отсутствует чувство вкуса, она продолжает: — такой мужчина и весь мне...

Она мечтательно закатывает глаза, счастливо улыбаясь. В голове крутится только одна мысль: скоро она обретет свободу и больше не будет иметь ничего общего со своими невменяемыми родственницами, да и с Темным тоже.

На что только не пойдешь ради свободы, даже на вранье. Хочется честно сказать все, что она думает об этой ситуации, но нельзя.

Конечно, ей с самого начала понравился Ахрон, но замуж за него... Лучше бы сразу без этих спектаклей убили. Тьяцла мысленно хмыкает, но в таком случае они никогда не попадут в Темное княжество. А она не узнает, чем оно их привлекает.

Девушка возвращается к дальнейшему облачению. Арицла понимающе хмыкает и, о счастье, выходит из комнаты, оставляя ее одну.

Тьяцла быстро расправляется с оставшимися железками и выходит из комнаты. За ее дверью начинается длинный и извилистый коридор, который ведет в лабиринт других похожих на него. Главное теперь — не потеряться. Если все же такое случится, ее не найдут и через год.

Отметя в сторону безрадостные мысли и ориентируясь по памяти, Тьяцла медленно идет по коридору, то и дело останавливаясь на поворотах и ворча сквозь стиснутые зубы на мать, которая не озаботилась тем, чтобы кого-нибудь послать помочь ей выбраться из этого замка-лабиринта. И почему выбор пал именно на Флиос? В который раз задается вопросом девушка, преодолевая очередной поворот. Не могли осесть где-нибудь в другом месте? Ведь не далеко от обособленно расположенного замка находится город, в центре которого есть дворец лучше этого. Потом она вспоминает, что Флиос находится в нескольких часах полета от границы Темного княжества и все становится на свои места.

В очередной раз выбрав из трех проходов верный, Тьяцла выходит в большой вестибюль, где собрались представители семейства Фаэтонов. Отсутствует только Фьяцла, которая сейчас где-то прячется, ожидая дальнейших указаний сестры.

На большой поляне расположенной в лесу между замком-лабиринтом Флиос и городом Норман, Тьяцла отмечает идеальный выбор, ей как раз понадобится заехать в город, царит шумный хаос. Пьяные эхиллки уже готовятся к мордобою. Кидают друг в друга обидные замечания, вспоминают все комичные происшествия произошедшие с подругами, потирают кулаки.

Тьяцла, сидя в стороне от положенного ей места, бесстрастно наблюдает за происходящим, медленно цедя из неприлично огромной кружки пиво и мысленно подгоняя всех к активным действиям. Ей хочется чтобы все это побыстрее закончилось. Сидеть на непокрытой занозистой доске неприятно, все время по спине пробегают мурашки от мысли, что можно загнать занозу в мягкое место. От металла недокостюма исходит холод, хочется во что-нибудь закутаться. А от пива окончательно бросает в крупную дрожь, но других напитков здесь не предлагают.

Присутствующие на поляне женщины, будто услышав ее мысли, кидаются друг на друга и начинают с остервенением бить всех, кто попадется под кулак.

Девушка отставляет кружку в сторону и подпирает голову руками, чтобы в процессе просмотра не уснуть от скуки.

Как и положено, заканчивается первый раунд мордобоя и все разбегаются в стороны, оставляя в центре поляны девицу, лишившуюся верхней части одеяния и бабулю, которая увлеченно вертит в руках эту часть. Поняв, что бронелифчик не ее размера, Атцла забрасывает его на ближайшее дерево. Отдохнувшая, набравшаяся сил толпа налетает, подминает под себя Атцлу и ее неудачливую противницу, и начинается второй раунд.

Действие внезапно прерывается, шевелящимися кустами из которых медленно вылезает некое существо. В два раза выше любого человека, заросшее короткой черной шерстью, на мощной шее медвежья голова, клыки, которые не помещаются в пасти и торчат на всеобщее обозрение, и оснащенные острыми длинными когтями мускулистые лапы-руки.

Несколько самых смелых эхиллок с боевым кличем бросились к монстру, но остановились на полпути, заслышав громкий утробный рык, от которого по спине Тьяцлы пробежал холодок. Не долго думая, девушка ныряет под стол, откуда продолжила наблюдать за происходящим.

Одна из дальних родственниц приняв невообразимую позу, восторженно вопит:
— Чудовище из Темного леса!!!

Вопль подхватывают остальные и, похватав все, что под руку подвернется, несутся на новоприбывшего.

Среди разлетающихся во все стороны бессознательных тел, Тьяцла не замечает Атцлу, которая обычно всегда находится в гуще событий. Она осматривает видимую из ее укрытия часть поляны и замечает Атцлу, размахивающую новым трофеем над головой, на столе напротив. Точнее на остатках стола.

Она выплясывает задорный победный танец, не обращая внимания на происходящее. В следующий миг, очертания бабули стали меняться. Она становится меньше ростом, более хрупкой...

Тьяцла с ужасом взирает на себя, пляшущую на столе и размахивающую бронелифчиком.

Чудовище, расправившись со всеми нападающими, подходит к столу, хватая фальшивую Тьяцлу и тянет ее к шевелящимся кустам. Атцла что-то кричит, упирается, но некому ей помочь.

Девушка отворачивается, выползает из-под стола и удаляется в лес, к тому дереву, где в дупле оставила небольшой сверток со сменной одеждой.

Губы сами собой расплзаются в счастливой улыбке. Она на свободе, никто ее больше не будет гонять через межмировые порталы или избивать. Никто.

План удачно осуществился.

Она идет медленно, перескакивая овраги, которые часто попадают на пути, цепляясь ненавистными железками за ветки, каким-то образом все проволоки после знакомства с ними остались на месте.

Тьяцла доходит до искомого дерева, протягивает руку в дупло и вынимает тряпичный сверток. Развязав тесемки, она расправляет тряпицу и развешивает одежду на низких ветках.

Сбросив с себя весь металлолом, в который пришлось сегодня облачиться, девушка натягивает на себя брюки и просторную белую рубаху с вышивкой на рукавах и вороте.

Тьяцла забрасывает железки в дупло и идет к выходу из леса. Ее путь ведет в город.

Ахрон захлопывает книгу, из недр тома вырывается небольшое облачко пыли, и кладет ее на маленький изящный столик, стоящий около кресла. Сколько он размышляет над возникшими вопросами, все равно не может найти решения.

Момент похищения он помнит смутно, будто отстранено наблюдал за происходящим, пока тело двигалось само по себе. Путь до замка тоже прошел в тумане. Только за родными стенами он начал нормально воспринимать реальность. Но это все второстепенно по сравнению с тем скандалом, который разразится, когда до эхиллок дойдет масштаб произошедшего. Только случится это не скоро, сначала им придется привести себя и мозги в порядок.

Мужчина облегченно вздыхает. Есть хоть какая-то отсрочка. Да и на границе княжества поднят охранный щит, не пропускающий эхилльских дамочек. Но вряд ли он переживет орду разъяренных женщин.

Ахрон поднимается из уютного кресла и принимается нервно бродить по комнате. Размышления наводят его на мысль, что надо навестить Тьяцлу, которая сейчас совсем одна пребывает в подземелье, в клетке с толстыми прутьями. И снова возвращаются к странным обычаям народа эхилл.

Темный, завершив очередной круг и загнав неприятные размышления в дальний угол, направляется к двери. Он все же собирается идти в подземелье.

Ахрон медленно поворачивает ручку, еще надеясь на то, что передумает, хоть эхиллка, сидящая в клетке и отличается ото всех, не факт, что характер у нее ангельский, тянет дверь на себя и отшатывается в сторону. В комнату вваливается, минутой ранее прислонившийся к двери чтобы передохнуть, выжатый словно лимон Кром. Мужчина с недоумением взирает на распростертого у его ног друга, который безрезультатно силится оторвать себя от горизонтальной поверхности.

Он подхватывает обессиленного мага под руки, поднимает с пола и тащит к креслу. Сгрузив ношу в мягкий предмет интерьера, Ахрон задумывается и в следующий момент отвешивает бессознательному телу пару ощутимых пощечин, которые не возымели результата — Кром пребывает в том же состоянии, в котором был обнаружен. Темного посещает мысль врезать другу как следует, но тот его вряд ли потом простит за подарок в виде наливающегося синевой синяка.

Он хватается мага за ворот и принимается со всей силы трясти. Усилия Ахрона возымели действие только минуты через две. Кром болезненно морщится, открывает глаза и затравлено взирает на друга, который, войдя во вкус, продолжает приводить его в чувство.

Темный замечает, что маг пришел в себя только, когда тот начинает мычать что-то невразумительное. Он отпускает воротник и отступает в сторону, тут-то он и видит, что всему виной магическое истощение.

— Ну, друг мой, колись, где тебя так высосало? Прямо подчистую, — спрашивает он, встав в позу и сложив руки на груди.

Кром отводит взгляд. Видно, что он не хочет ничего рассказывать.

Ахрон тяжело вздыхает и опускает руки, никогда ему не стать дознавателем. Вот даже, явно провинившийся, маг не проникся.

Махнув на отмалчивающегося друга рукой, он идет к двери, собирается ее открыть, как

Кром все же подал голос:

— Ты куда идешь? — голос совсем слабый, тихий шелест.

— В подземелье, — отвечает Темный, оборачиваясь и наблюдая изменения в гамме красок на лице всегда бледного мужчины — оно медленно покрывается синими пятнами, а взгляд становится еще более затравленным по сравнению с тем, каким был до этого.

— Я с тобой, — шелестит Кром, пытаясь встать с кресла.

— Угу, чтоб ты по дороге, чего доброго, помер? — спрашивает Ахрон. — Нет уж, сиди здесь.

— Я пойду с тобой, — тихо повторяет маг и добавляет: — ни хочется ничего пропускать, потом в летопись внесу.

Темный снова вздыхает, этот еще и летопись собирается вести. Он возвращается к креслу, помогает другу выбраться из него и придерживая ведет к двери.

Они выходят из комнаты и медленно идут по коридору, в сторону ближайшей лестницы.

Подземелье встречает их сыростью, тихим шуршанием и писком крыс, засевших в щелях между камнями. Уже очередной раз Ахрон задумывается над тем, чтобы вывести всех грызунов, но Крому нужны материалы для работы. Хоть один из его экспериментов и завершился неудачей породив больших невидимых крыс, одна из которых до сих пор бродит по Темному замку.

Клетка стоит в самой дальней темнице, поставили ее туда для пущей надежности, у двери ее охраняют два иллиора. Все же можно не опасаться, когда сильный враг находится под надежной охраной. Да и для эхилл врожденная иллиорская магия довольно опасна, как, впрочем, и эхилльская для иллиоров. Поэтому еще за два дня до произошедших событий Кром дополнительно наложил на клетку несколько заклинаний блокирующих любое проявление магии.

Стражи отпирают перед ними тяжелую, окованную железом, дверь. Эта темница изначально предназначалась для содержания особо буйных из придворных, затеявших переворот после смерти отца Ахрона.

Темный с магом заходят в тесное помещение, в котором с трудом поместилась большая клетка, останавливаются перед металлическими прутьями и смотрят на содержимое.

Сначала Ахрон не понимает как такое возможно. Перед ним, за решеткой, на полу сидит злющая Атцла, готовая кинуться на кого угодно и разорвать в клочья. Мужчина недолго пребывает в ступоре, который плавно переходит в неконтролируемую ярость. Как такое вообще возможно? Как в его замке снова появилась эта тварь? Как?..

Перед глазами, от приливов злости, все плывет. Он хватает шатающегося Крома за ворот и трясет его с новой силой, вопрошая:

— Как?! Откуда она здесь?! — голос изменился до неузнаваемости, в утробном рычании с трудом можно различить отдельные слова.

Темный не замечает никаких изменений, пребывая в бешенстве.

Стражники, бросившиеся на выручку своему господину, останавливаются в нерешительности на пороге, взирая на происходящее.

Маг силится что-то ответить, но интенсивные встряхивания заставляют его забыть об этом намерении, и он замолкает, боясь прикусить язык. Нечленораздельное рычание порождает толпу мурашек, которая пробегает по всей длине позвоночника. Появляется желание поежиться, чтобы согнать неприятное ощущение.

Лицо Ахрона медленно вытягивается и покрывается короткой шерстью, через

множество часов, как показалось магу, перед ним предстает огромная медвежья морда. Руки становятся мощнее и в какой-то момент Кром чувствует, что висит в воздухе, на одном воротнике, за который его до сих пор трясет оборотень.

Мужчина поднимает руки и пытается разжать лапы, вцепившиеся мертвой хваткой в ткань. Мощные пальцы не собираются поддаваться, сжимаясь сильнее.

Маг набирает в легкие побольше воздуха и орет в морду друга:

— Отпусти немедленно! Заду... — завершить вопль он не успел, все же язык пострадал.

Темный, внявший словам, отпускает воротник. Кром шлепается на пол и остается там сидеть, сил на передвижение нет. Уж слишком много их он потратил на поддержание двух заклинаний. Со своего места он наблюдает за тем, как Ахрон поворачивается к клетке, скалится, поднимает лапы высоко вверх и обрушивает их на клетку. Видит, как гнутся, металлически скрипя, под ударом толстые прутья. Как в ужасе вжимается в решетку Атцла, боясь, что перекладки не выдержат и ее погребет под погнутыми железками.

— Темный, — тихо произносит Кром, чтобы привлечь внимание монстра к себе приходится идти на крайние меры — называть его по фамилии, это хоть как-то должно его отрезвить: — ты хочешь, чтобы иллиоры узнали, что ты все-таки можешь обращаться? Вон те два лоботряса как раз разносят эту весть по всему княжеству. Вряд ли после такого тебя оставят в живых...

Он указывает, обернувшись к нему Ахрону, на застывших на пороге стражников.

Огромный черный медведь с недоумением смотрит на мага, вопросительно рыкает на него. Смотрит на застывших от шока доблестных бойцов княжеской охраны. Опускает взгляд на лапы и в ужасе шарахается к стене. Что-то ворчит. Снова смотрит на Крома, только во взгляде уже видно неприкрытую мольбу.

От комичности ситуации мужчина с трудом сдерживает смех. Предельно спокойным голосом он отвечает Ахрону:

— Успокойся и все само пройдет.

Темный шумно вдыхает воздух и медленно выдыхает, успокаивается.

Когда происходит обратный процесс обращения, все присутствующие дружно выдыхают, все это время они боялись даже вздохнуть. Атцла, поминутно вздрагивая от пережитого кошмара, отлипает от холодных прутьев и обессилено распластывается на полу. Стражу, сделав вид, будто ничего не произошло, выходят из темницы, сегодня им будет, что рассказать сослуживцам.

Кром через силу поднимается с пола и медленно бредет, на ходу снимая камзол, к Ахрону, стоящему около противоположной стены.

Темный с недоверием разглядывает руки, темницу, пол которой устилают остатки его одежды, себя без единого лоскутка на теле, и Крома, который со всей доступной ему скорости ковыляет в его сторону, неся в руке камзол. Неужели, чтобы он смог, наконец, прикрыться, а то уже как-то совсем неловко становится находиться в таком виде в присутствии бывшей бабули.

Маг не доходит. Останавливается в трех шагах, протягивает, трясущейся рукой, одеяние и, дождавшись когда Ахрон забрал его ношу, опускается на пол. Темный натягивает камзол, подхватывает друга под руку и тянет к выходу. Если разбираться, то точно не здесь.

На пороге он останавливается и, одарив стражей злым взглядом, вкрадчиво проговаривает:

— За этой следить в оба глаза, — указывает на клетку. — И молчать о произошедшем...

Оба слаженно сглатывают. Все еще долго будут помнить, как Ахрон Темный предотвратил государственный переворот, тем самым нарушив первоначальный план Атцлы, о котором, на тот момент, никто не подозревал. С этим иллиором-полукровкой шутки плохи.

Темный поднимает, успевшего за то время, пока он говорил, сползти вниз, друга и потащил в малый кабинет для дальнейших разбирательств. Кром потом сможет позаботиться о здоровье, сейчас нужно решить возникшую проблему.

Когда за ними закрывается дверь, Кром плюхается в кресло и начинает сбивчиво рассказывать все с самого начала. Ахрон, скрестив руки на груди, устраивается на краешке стола и слушает то, что от него утаивали уже довольно продолжительное время.

Из рассказа Крома он узнает, что с Тьяцлой тот знаком уже давно, когда у Арицлы появилась идея выдать замуж Фьяцлу за мага, что она еще до того злополучного письма знала замыслы своей матери, а во время приезда в Темный замок намекнула на составленный план по спасению трех попавших в ловушку личностей. А потом рассказал и про то, что произошло на поляне, и как еле остался живой, поддерживая два не слабых заклинания, которые вытягивают силы почище пылесоса. Так же оказалось, что Тьяцла тоже не знает причины, почему Атцла с дочерью нацелились на Темное княжество. Новость о том, что охранный щит привязан к эсхиллке, его так же не особо порадовала.

Маг заканчивает рассказ и виновато смотрит в пол, где на идеально выметенных и вымытых плитках ничего интересного, чтобы так внимательно разглядывать их, нет.

Ахрон вздыхает. Он подозревал, что в этой всей истории не все чисто, но чтобы до такой степени, да еще и чтобы в ней участвовал его, на данный момент, пока Грон находится в другом мире, единственный друг — это вообще ни в какие ворота не лезет.

— И что ты собираешься делать? — спрашивает Кром, отрываясь от созерцания чистого пола.

— Отправлюсь на поиски единственной возможности убрать из этого замка мусор, который скопился в подземелье, — отвечает Темный, вставая со стола и направляясь к двери, на ходу пытаясь снять с шеи цепочку с подвеской из ограненного куса темного камня, чтобы спрятать в шкатулке в шкафу. Украшение типично женское, но почему-то передающееся только по мужской линии в семействе Темных.

— А может не будешь ее снимать? — лепечет Кром, который внимательно следит за безуспешными потугами друга: — ты же не знаешь всех его свойств, может в дороге поможет. И что-то мне подсказывает, что ты ее не снимешь...

Ахрон внимательно смотрит на друга, бросает бесполезное занятие и говорит:

— Вернусь, когда найду Тьяцлу и научусь контролировать свою... способность.

— Ну вот и чудесно, а я пока присмотрю за "мусором, скопившимся в подземелье", — говорит маг, выбираясь из кресла.

Пошатываясь на ходу он идет следом за Ахроном к двери, за которой они расходятся в разные стороны.

Спустя несколько часов блуждания по лесу, Тьяцла все же доходит до опушки, откуда открывался чудесный вид на город окруженный высокой крепостной стеной и с величественным дворцом в центре.

Теперь ей нужно дойти до ближайшей дороги, ведущей к воротам, иначе, если она пойдет напрямик через поле, идти вдоль стены она будет минимум дня три. Чего нельзя было допустить, здесь, на открытой местности, ее заметят отовсюду, откуда не лень смотреть. Да и эсхиллки уже могли отойти от первоначального шока и отправиться на

поиски вредоносного элемента. Нельзя попадаться им на глаза.

Хотя нет, с учетом того, как их поваляли, вряд ли они очухаются даже к полуночи. Так и будут валяться там бесформенными горками.

Дорога была найдена быстро, недалеко от того места, где она выбралась из зарослей колючей растительности. Идти по ней до городских ворот оказалось прилично.

Памятуя о том, что все документы у нее на имя Тьяцлы Фаэтон и находились они в сейфе в комнате матери, она, пока идет по, мощенной серым камнем, торговой дороге, обыскивает все карманы на наличие хотя бы нескольких монет, которые, возможно, завалились после вылазок из Флиоса.

В одном из карманов откопались десять медяков, три золотых ата и один темный. О да, сегодня она даже богата! Главное теперь, чтобы стражники не запросили документы. В ином случае ей придется остаться за воротами или за решеткой ждать, когда придут родственники.

Родственников она сейчас видеть не хочет, даже провинившуюся перед матерью Фьяцлу. И большинство жителей не терпят присутствия на улицах эсхиллок.

Как ни странно, стражники не затребовали сию же секунду предъявить документы, ограничившись одним темным. Слишком много для въездной пошлины. При том, что обычно они берут не больше пяти золотых атов, что в десяток раз дешевле той суммы, которую содрали с нее. Признали все-таки в ней эсхиллку, хотя из всего, что связывало ее с ними и остался тяжелый квадратный подбородок...

А нет, еще и волосы...

За этим она сюда и пришла — избавиться от ненавистной проволоки, которая ежедневно оттягивает своей тяжестью ее голову назад. По информации, изъятой у болтливых служанок, в Нормане остался последний мастер, который может нормально срезать кошмар всей ее жизни. Она даже смогла разузнать адрес.

Итак, сначала она зайдет к мастеру, поторгует с ним, хоть это и запрещено, о стоимости редкого драгоценного металла, а потом зайдет на почту, чтобы отослать распоряжения сестре и попросить Крома присмотреть за ней. Все остальное планировать будет позже.

Найти парикмахера оказывается не так уж и просто. Ей приходится несколько часов бродить по кварталу бедноты, в который когда-то переехал обедневший мастер, потому что выбрал для работы город, куда особо и не пускали эсхилл, ни мужчин, ни женщин. Тем более заводить третьих дочерей, которым перекрывают доступ к магическому источнику, никто из них не хочет — слишком хлопотно.

Необходимую улицу она находит довольно быстро, если не считать затраченного на поиск времени. Найти же среди множества небольших покосившихся хибарок нужную — очень сложно. С учетом того, что ей только описали общий вид домика, в котором обитает искомый человек, но здесь почти все обиталища одинаковы и номеров на них нет.

Тьяцла проходит мимо первых двух, останавливается, осматривается по сторонам и замечает в окошке дальней, выбивающейся из общего стройного ряда, хибарки серую вывеску с выцветшими надписями. Чтобы рассмотреть, что там написано, девушке приходится подойти ближе к покосившемуся домику. На картонке, поблекшими от времени чернилами, каллиграфическим почерком выведены расценки на стрижки.

Она бодро топает к двери и стучит по, изъеденному личинками древесных жуков, дереву. Тишина. Тьяцла повторяет действие — в ответ ни звука. Она бьет со всей силы,

раздающийся грохот поднимет и мертвого, но ответ все тот же.

Девушка разворачивается спиной к двери и принимается бить по ней каблучком изящной туфельки, изрядно заляпанной грязью после прогулки по лесу. Она повторяет так несколько раз. И не добившись никакого результата, поднимает лицо к небу и издает протяжный стон бессилия, переходящий в яростный рык. Ей во что бы то ни стало нужно завершить все до темноты, а уже начинает смеркаться.

Она возвращается к прерванному занятию: со всей силы колотит по двери.

К каблучку, звонко выбивающему щепки из трухлявого дерева, добавляются кулаки и вопли:

— Дед, если не откроешь дверь, выломаю ее на фиг!!! Я знаю, что ты там!!! Открывай немедленно!!!

Из-за двери внезапно раздается старческое брюзжание:

— Да слышу я, слышу... Кого нелегкая принесла? Неужели не знают, что работаю до шести, а сейчас уже почти восемь... — последние слова ворчат под нос, не давая возможности Тяцле расслышать. Дверь, натужно скрипнув, отворяется и из узкой щели выглядывает морщинистое лицо старика, на котором выделяется большой нос. Угрюмое выражение на нем сменяется счастьем, когда посетительница была подробно осмотрена: — эхиллка... третья дочь... — произносит с придыханием старик, закрывает дверь и через секунду открывает ее во всю ширь, приглашая войти в помещение: — проходите, проходите. Чего изволит достопочтенная госпожа?

Тяцла, не заставляя себя долго уговаривать, стремительным шагом пронесется мимо мастера в небольшое рабочее помещение, в углу которого стоит небольшой кособокий трельяж с двумя створками, на нем расставлены всевозможные баночки- скляночки, содержащие что-то уже порядком испорченное. Рядом с рабочим местом стоит колченогий стул, на спинку которого накинуто засаленное покрывало.

Заслышав вопрос, она поворачивается к запирающему дверь, старцу, легонько дергает себя за проволоку, висящую возле лица и произносит:

— Думаю, вы догадываетесь, зачем я пришла, — голос звучит немного задумчиво.

— О да, имею некоторое понимание... — морщинистые губы растянулись в лягушачьей улыбке: — я смею надеяться, вы знакомы с перечнем предполагаемых рисков?

— Каких таких рисков?! — глаза девушки округляются, становясь как плоски, в голосе прорезаются визгливые нотки.

— Если вы даже не подозревали о них, значит вас хотели умертвить сразу после удаления металла... — задумчиво произносит старик: — так поступают с большинством третьих дочерей... Вы присаживайтесь, сейчас я все приготовлю, — он спохватывается и несется к трельяжу, отодвигает в сторону стул, сдергивает с него покрывало и жестом подкрепляет свое приглашение сесть.

Тяцла на негнущихся ногах проходит к стулу и плюхается на него, не заботясь о том, что он мог под ней развалиться. Складывает дрожащие руки на коленях и сжимает их в замок, чтобы хоть так немного приободрить себя. Внутри нарастает паника. Во что же навязалась? Ее, еще когда блокировали источник, планировали убить? Почему?..

Мастер быстро доставал из незамеченного ранее девушкой, шкафчика, стоящего около ближайшей стены, инструменты: плоскогубцы, напильники, гвоздодеры и прочее.

Она безуспешно пытается сглотнуть вставший в горле ком, чувствует, как правое нижнее веко начинает мелко дергаться. Не выдержав затянувшейся тишины, она дрожащим

голосом задает вопрос:

— А вы расскажете мне о тех рисках?

— О, безусловно я вам все поведаю. Я не могу ничего утаивать от того, кто меня обогатит, — говорит старик, раскладывая на тумбе инструментарий. Похмыкав немного себе под нос, он продолжает: — два дня после того, как будет удален металл, вас будет одолевать жуткая слабость. На третий день начнутся бесконтрольные выбросы силы, которые ваше тело не выдержит. У эхилльских женщин мощное телосложение, чтобы лучше сдерживать рвущуюся наружу врожденную магию. Вам же за эти два дня необходимо будет найти наставника, который научит контролировать магический источник. Желательно человеческого мага, их магия сродни эхилльской, — разглагольствует мастер, не обращая внимание на то, как потихоньку то бледнеет, то краснеет лицо его посетительницы.

— Ну что, приступаем?

Тьяцла передегивает плечами, прогоняя неприятное ощущение, и задает еще один вопрос:

— А волосы?..

— Нормальными станут... — отвечает мастер, копошась в очередном ящичке и выуживая из того мешочек, который послужит хранилищем для драгоценных волос.

— Но мне говорили, что они останутся такими же и не будут расти, — изумленно распахивает глаза девушка, забывая о страхах, которые на нее нагнали предыдущие слова старца.

— Кто вам такое сказал? — интересуется тот.

— Мать, — лаконично произносит она.

— И кто же ваша мать? — в старческом голосе слышится любопытство.

— Арицла Фаэтон... — отвечает девушка.

— О-о-о? — тянет мастер, выпучивая глаза. — У нас с ней была особая договоренность, из-за нее я оказался бы не в выгодном положении, — бормочет он. — Вы должно быть Тьяцла. Это я вам перекрывал источник... Вы как раз вовремя, они договорились со мной, что через два дня я прибуду в Темный замок и удалю металл.

А далее меня не просвещали. Я рад буду нарушить эти договоренности.

Он говорит воодушевленно, отрывисто, размахивая при этом большими плоскогубцами.

Тьяцла с недоумением косится на старика, удобнее устраивается на шатающемся стуле и смотрит в зеркало.

— Вам какую длину оставлять? — интересуется он, осматривая материал для работы.

Девушка проводит пальцами чуть выше основания черепа, на что мастер ворчит, что можно было бы и на лысо — симпатичней получится, тем более с ее чертами лица.

Хмыкнув на его слова, Тьяцла готовится к долгому ожиданию.

Пожав плечами, старик накидывает на ее плечи засаленное покрывало, на что она брезгливо морщится, и приступает к делу. Плоскогубцами, медленно, проволочку за проволочкой, он срезает все до определенной длины. Гибкие металлические прутья со звоном падают на пол.

Тьяцла ощущает, как постепенно становится легко голове — ее больше ничего не оттягивает назад.

Процедура длится более двух часов, что заставляет девушку нетерпеливо ерзать на стуле, который скрипя пошатывается под ней.

— Если вы не успокоитесь, я криво срежу и тогда ничего не получится, будете потом

ходить с торчащими во все стороны железками. Здесь важно под каким углом обрезать...

Она закусывает губу и старается взять себя в руки, что получается не без труда.

Когда мастер откладывает инструмент в сторону и объявляет о том, что все готово, Тяццла вскакивает с места, сдергивает с себя грязное покрывало и вглядывается в, засиженное мухами, зеркало. Увиденное ее полностью устраивает. Теперь хоть можно притвориться парнем, чтобы не вызывать подозрений. Она вполне сойдет за мужского представителя эсхилл: ничем не примечательна, сера, да и лицом не вышла, явно больше парень, чем девушка. Копна, торчащих во все стороны, коротких черных волос, издалека кажущихся сухими, как солома, идеально дополняют выбранный образ. Теперь только нормальную одежду приобрести надо, а для этого нужны деньги.

Она разворачивается к мастеру и спрашивает, указывая на лежащие у его ног тонкие металлические прутья:

— Сколько вы за это дадите?

— Три тысячи атов, — не задумываясь говорит старик, следя за медленно мрачающим лицом посетительницы, и продолжает: — я мог бы дать за них больше, но сами понимаете... я в бедственном положении...

Тяццла в уме прикидывает сколько темных получит при обмене атов и приходит в неутешительному выводу. На этих средствах она не протянет в городе и двух дней.

— Меньше, чем на шесть тысяч атов не соглашусь, — твердо произносит девушка, тоном не терпящим возражений. — Вы перепродаете железо втридорога, а мне на что-то жить надо. Тем более здесь я задержусь не на долго. Мне нужны будут средства на дорогу.

Старик, заслышав какую сумму с него требуют, возмущенно выпучивает глаза и, брызгая слюной, начинает вопить о наглых девицах, которые разоряют его чуть ли не каждый день.

Тяццла, со спокойной миной, уворачивается от летящих в ее сторону капель. Она благоразумно молчит, чтобы не распалить разъяренного дедка еще больше. Он и без этого уже орет так, что можно оглохнуть.

Тем более она не собирается менять своего условия.

Внезапно он замолкает, удаляется из помещения и через некоторое время возвращается, неся в руках позвякивающий при каждом шаге мешочек, полный мелких золотых монеток, которые чеканили под началом Атцлы. С рельефным изображением ее профиля на аверсе. Они так и не вошли в постоянное использование и являлись разменной валютой.

Судя по размеру мешочка, в нем находились монеты номиналом в сто атов, что, в данный момент, уменьшает возможность задержаться в обменнике надолго.

— Ваши шесть тысяч атов, — бормочет мастер, тем самым показывая, что пора бы ей уже уйти.

Сначала, не собираясь испытывать судьбу, мало ли, вдруг ему взбредет в голову позвать сюда стражей, чтобы избавили его от присутствия вредной посетительницы, а ей попадаться им противопоказано, тем более без документов, девушка берет мешочек и идет к двери, на ходу разрывая тонкие тесемки со свинцовым пломбиром у узла, раскрывает, запускает в него руку и достает жменю мелких монеток по сто атов, останавливается. И все же она не может просто так уйти, вдруг в мешке не все, потом же не докажет.

Тяццла начинает медленно, монету за монетой, пересчитывать деньги, внутренне злорадствуя, когда слышит за спиной возмущенное сопение. Ну, а что он хотел, чтобы она так и ушла не удостоверившись, что все верно?

Золотых кругляшей оказывается ровно столько, сколько нужно, чтобы не вызвать

скандал.

Обернувшись, она мило улыбается мастеру, прощается и выходит из помещения. Когда она закрывает дверь, за спиной слышится вздох облегчения.

После тусклого освещения комнаты, уличный мрак заставляет ее замереть около двери. Квартал бедноты ничем не освещается, кроме как лунным светом. Постояв немного на месте, давая привыкнуть глазам к темноте, девушка собирается идти подалее отсюда, но, занеся ногу для шага, пошатывается и облокачивается спиной о трухлявую поверхность. Перед глазами темнеет. Когда перед взглядом все проясняется и перестает с жуткой скоростью кружиться, она с невероятным усилием берет себя в руки и направляется прочь от квартала бедноты, на свет.

В полубессознательном состоянии, на грани обморока, она успевает зайти в обменник, поскандалить, когда ей предложили в обмен предложили сумму в два раза меньше положенной; забрести на какой-то постоялый двор, где сняла комнату на двое суток.

Она поднимается на второй этаж, зайдя в отведенную ей комнату, сразу валиться на кровать. Со всем остальным разбираться будет завтра. Сейчас же она просто не в состоянии даже сдвинуться с места. То, о чем говорил мастер-парикмахер, дало о себе знать немного раньше, чем она рассчитывала.

Ахрон в спешке, прихватив самое необходимое, покидает Темный замок, отправляясь на поиски сбежавшей невесты. Пока его не будет, благополучие замка и Темного княжества возлагаются на Крома, так как тот единственный, кому он может доверять здесь и сейчас. И маг остается один на один с созданными им и Тьяцлой проблемами. Одна из них сейчас сидит в клетке с толстыми прутьями в подземелье полном крыс, за которыми Крому в скором времени нужно будет спускаться, заканчивается материал для опытов. А идти туда совершенно не хочется, экс-матриарх устраивает там каждый час кошачьи серенады, до полного срыва голоса, стеная о своей загубленной судьбе, юной дочери и трех ее внучках которых она по воле супостатов оставила без присмотра, потом некоторое время ожидает, когда голосовые связки восстановятся, и начинает все по новой, по наезженной колее. Так продолжается с того момента, как Ахрон выволок Крома из камеры.

Когда все распоряжения отданы, дела завершены и остается только вопрос поимки грызунов, маг возвращается в малый кабинет, забота о котором, на время отсутствия законного владельца, так же переходит ему, одному из тех троих, которым дозволено быть в небольшой каморке, бывшем чулане для хозяйственного инвентаря. Он обходит небольшой письменный стол, который когда-то с трудом затолкали сюда через узкий дверной проем, как ни странно, но предмет интерьера поместился в комнату так, что оставалось еще немного мест, как раз для того, чтобы его можно было обойти, садится в удобное кресло и погружается в размышления, в это мгновение на столешницу из пустоты шлепается конверт.

От неожиданности Кром вздрагивает и, перед тем как взять письмо в руки, некоторое время пристально смотрит на него, пытаясь разглядеть возможные опасности. Ничего угрожающего жизни ни на конверте, ни внутри нет. Маг берет его, вертит в руках, разглядывая еще более внимательно.

На плотной бумаге написано его имя. С обратной стороны скрепляется печатью почтовой гильдии Нормана. Думать и гадать от кого оно не приходится, ответ один — Тьяцла. Ахрон бы за это время не успел добраться до города.

Он в спешке достает из ящика канцелярский нож, если она прислала послание магической почтой, значит, произошло что-то не требующее отлагательств, и срезает воск. Достает из конверта ослепительно белый, в свете последних событий окрашенных в жутко розовый цвет, сложенный пополам лист, расправляет его и пробегает взглядом по ровным строчкам, написанным аккуратным разборчивым почерком. В суть проблемы, изложенной в тексте послания, он вникает сразу: провалившая задание Фьяцла, должна со дня на день прибыть в замок, главным образом, чтобы с безопасного расстояния присматривать за матерью, так же Тьяцла просит его присмотреть за сестрой и коротко описывает возможные варианты предотвращения поступления дальнейших ментальных приказов.

Маг удивленно хлопает глазами, задаваясь вопросом, откуда третья дочь, совершенно лишенная магии, вдруг столько всего знает о ней? Ладно, это можно будет разузнать позже, а сейчас ко всем ранее возникшим проблемам добавляется еще одна — вторая дочь матриарха, та, кого с детства обучали искусству убийства и та, на ком еще недавно собирались его женить, явно с определенными целями, тихо избавиться. Теперь же некоторые их планы медленно, но верно стремятся к провалу.

От дальнейших размышлений его отрывает настойчивый стук в дверь. Стучат уже

довольно долго. Кром встает, обходит стол и направляется к входу. Немного приоткрыв дверь, он выглядывает в коридор, где у противоположной стены стоит Глори и примеряется вышибить дверь. Движение замечено, сестра останавливается.

Маг выходит из кабинета, прикрывая за собой дверь, и внимательно смотрит на иллиорку, которая очень старается не подавать вида, что разочарована — это у нее выходит с трудом: уголки губ немного опускаются вниз, придавая бледному лицу горестное выражение. Она уже давно пытается проникнуть в малый кабинет, с того момента, как Ахрон назначил ее дознавателем, нарушая все ее планы. Кром, как брат рад этому, но как посторонний человек, они никогда не питали друг к другу родственных чувств, давно хочет ее прибить и прикопать где-нибудь подальше, чтобы не мозолила глаза, а то устраивает слезки по всему замку.

— Чего тебе? — спрашивает он, подавляя раздражение, отчего вопрос звучит, не свойственно ему, грубо.

— Если эта тварь не заткнется, я ее убью... — шипит Глори, подражая любимому питомцу — питону Сарри, на которого становится похожа, когда злится. У нее все не как у нормальных людей и иллиоров. Тут не питомец становится похож на хозяина, а наоборот, за долгие годы она приобрела много змеинового. Чего следует ожидать от нее, если любая, даже одомашненная, змея в один прекрасный день может наброситься на потенциальную жертву? И кто в таком случае будет жертвой его сестры?

— Иди, я не против, — безразлично пожимает плечами маг: — только потом сама будешь разбираться с ордой осаждающих щит эсхилок.

— Так зачем вы ее сюда притащили? — шипение переходит в рык.

Кром, не обращая внимания на ее вопрос, ответ на который ей знать не обязательно, задает ответный:

— Я еще долго буду ждать отчет о сбежавшем шпионе Атцлы? Прошла уже неделя Глори... Неделя и один день, — уточняет и наблюдает, как ее бледная кожа покрывается контрастными альми пятнами. — Так и быть, я поговорю с ней, а ты ступай, готовь отчет. Жду его сегодня вечером.

Глори разворачивается на каблуках и быстрым раздраженным шагом удаляется из поля зрения Крома. Маг, уже в который раз при виде сестры задается вопросом, если растравить эту змею окончательно, что она предпримет?

Она собиралась выбить дверь, думала, в помещении никого нет, что же ей понадобилось в кабинете Ахрона в его отсутствие?

Он подумает над этим потом, когда появится больше зацепок, а сейчас... Его мысли переходят к другой теме. Заткнуть разбушевавшуюся эсхилку — чем не повод пойти ловить крыс на живца? Кром улыбаясь, идет к лестнице.

Подземелье встречает Крома сыростью, крысами и самозабвенными громовыми стенаниями одной несчастной эсхилки, которые, впрочем, прерываются истощенным визгом, ударами чем-то тяжелым по прутьям клетки и воплем:

— Мерзкий грызун! Как ты осмелился меня укусить?! Вот тебе! Вот!

Слышится громкий хрипящий писк и все затихает.

Через некоторое время жалобы и просьбы о том, чтобы отпустили к любимым родственникам, возобновляются.

Он усмехается, идея ловить подопытный материал на эсхилку не такая и бредовая, голодные крысы не откажутся от такого большого и сочного куса мяса, а то, что оно живое

— дело поправимое, но не для них.

Кром спешно идет по коридору, освещенному коптящими факелами, нужно успеть до того, как она перебьет всех грызунов, с этой может статья. Стражи шевелятся, отпирая дверь еще до того, как он доходит до нужной темницы, и снова становятся по стойке смирно.

При осмотре контуженных доблестных воинов, маг замечает в ушах обоих огромные беруши, которые должны бы заглушить громкие звуки, но по зверски перекошенным лицам, можно видеть, что в скором времени предшественникам, давшим дельный совет, очень не повезет.

Он проходит в помещение, освещенное одним факелом, для пушего комфорта экс-матриарха, и сразу замечает, валяющуюся у клетки крупную крысиную тушку, которая еще подрагивает задней лапкой. Ну вот, одну он уже потерял. У толстых прутьев сидят еще с десяток крупных экземпляров, которых прямо сейчас можно подловить магической сетью и отправить в лабораторию, чем он и занимается. Благо заклинания эти не отнимают столько сил, как использованные ранее.

На каждую было накинута лассо. Каждая отправляется в магический садок, чтобы у них не было возможности прогрызть и сбежать, как это получилось бы с натуральными материалами.

Все десять крыс, сидевшие около клетки, сгрудившись в кучку, пребывают в невидимой сети, что со стороны кажется очень странным, и злобно сверлят глазками-бусинками спину Крома, который теперь не обращает на них ни малейшего внимания. Он подходит ближе к прутьям клетки и присаживается на корточки, чтобы лицо было напротив лица, сидящей на полу, эсхиллки.

Необходимо узнать об их намерениях. О том, что им нужно в Темном княжестве. Зачем так упорно охотятся. Вряд ли она ответит, но стоит задать пару вопросов.

Маг внимательно смотрит в серые глаза Атцлы, раздумывая над первым вопросом. Никаких идей не приходит и он говорит:

— Зачем вам все это нужно?

Эсхиллка удивленно округляет органы зрения, не сразу вникая в суть.

— Зачем вам Темное княжество? — вкрадчиво проговаривает Кром, пытаясь взять себя в руки. Лицо его застывает в зверской гримасе, а тело трясется от бешенства. Он хорошо помнит, что происходило в замке, когда в нем поселилась ее дочь. Да и она тоже. Помнит эти две рожи, которые удивленно вытягивались, когда их обладательниц вызывали в кабинет Ардора, которого они мастерски водили за нос, для разбора полетов. Впрочем, после смерти предыдущего князя, Ахрон погнал их отсюда взащей, чтобы не мозолили глаза и не путались под ногами, и приказал закрыть границы от них охранным щитом.

Женщина хитро шурится.

— Так я тебе все и рассказала... За мной скоро придут. Ты и твой дружок-князек пожалеете о том, что сделали!.. — кричит она в искаженное лицо Крома.

— Вы в этом так уверены, ваше кочевое величество? — застывшая гримаса раскалывается широкой, не предвещающей ничего хорошего, ухмылкой, которая придает лицу мага совершенно безобразное выражение.

Он с наслаждением замечает, как Атцла в страхе содрогается. Она ведь сейчас такая беспомощная в этой клетке...

С нескрываемым страхом в глазах, она смотрит на него и спрашивает охрипшим голосом, все еще проявляя некоторую дерзость:

— На что ты намекаешь?

— На то, что за тобой никто не придет, и ты это прекрасно знаешь, — спокойно произносит мужчина, с трудом вернув обычное бесстрастное выражение лица. — Ты прекрасно помнишь, что ни одна эхиллка не перейдет границу княжества, ни в одну из сторон, — и как бы невзначай добавляет: — и у тебя здесь поклонники завелись, не думаю, что тебе кто-то поможет до того, как тебя сожрут.

Он кивает на тушку крысы и обводит взглядом всю камеру.

Изо всех щелей на эхиллку злобно сверкают глаза-бусинки, затаившихся крыс, готовых мстить за товарку.

Атцла следует примеру Крома, осматривает помещение и издает истошный визг, из-за которого в ушах мага начинает звенеть.

— Не думал, что вы так боитесь этих милых созданий, — произносит Кром, встряхивая головой, чтобы сбросить неприятное ощущение, и предельно серьезно добавляет: — расскажешь, зачем все затевалось, и я тебя вытащу отсюда.

Не колеблясь ни секунды, потому что один из грызунов вылез из своей щели и стал приближаться, она выпаливает:

— Все из-за артефакта! Нам нужен некий кулон из черного камня, который сейчас принадлежит тому монстру... Пожалуйста! Выпусти меня отсюда! — слезно умоляет, вцепившись в прутья клетки. Грызун смог подобраться совсем близко.

Маг, равнодушно пожав плечами, говорит только:

— Спасибо за информацию.

Разворачивается и уходит, прихватив с собой невидимый садок с крысами и оставив позади, ревушую в три ручья, бесстрашную эхилльскую воительницу.

Самое важное он смог разузнать. Да каким способом! Бесстрашная предводительница до умопомрачения боится крыс! Даже руки не пришлось марать, хотя если бы сейчас, вместо него, здесь присутствовал Грон, Атцла не досчиталась бы парочки зубов, а задорно-лиловый синяк придавал бы ей еще больше шарма.

Кром бодро шагает к кабинету, чтобы в тишине и покое поразмыслить над полученной информацией. Значит, им нужен кулон из черного камня, тот, который постоянно висит на шее у Ахрона, и который Темный хотел оставить в кабинете. С этим камнем с самого начала было не чисто. Для чего он нужен? И знают ли эхиллки, что побрякушка в династии темных передается только по мужской линии? Скорее нет, раз так рьяно пытаются заполучить ее.

Надо будет порыться в книгах, может там что-нибудь о нем будет. То, что Ардора убили до того, как он смог передать кулон сыну — большой минус. Ведь только он мог поведать о его свойствах.

Кром открывает дверь, заходит в помещение и останавливается, почувствовав чужое присутствие. Он поднимает взгляд от пола и смотрит на, подпирающую стену, гостью, которая, отлипившись от прохладной поверхности, без приветствия говорит все на одном дыхании:

— Тут твоя сестра заходила, рылась в шкафу, что-то искала. И похоже она пошла выпускать мою матушку из клетки. За то, что ты с ней так обошелся... даже не знаю, что тебя ждет...

Потеряв дар речи, маг хлопает глазами, пытаясь отогнать наваждение в образе Фьяцлы. Не добившись должного результата, он спрашивает ее, так же без лишних расшаркиваний:

— Ты давно тут?

— Сразу, как получила письмо, открыла сюда портал. Где-то с час тут околачиваюсь,

— отвечает эсхиллка. — И пришла к выводу, что у тебя здесь скоро будет весело.

— О чем ты? — настораживается Кром.

— У нас в семье все сестры постоят друг за друга, конечно, если проблемы не связаны с семьей. Мой случай исключение, меня бы просто убили... — последнее она произносит безразличным тоном. — Но твоя сестра особый случай. Она из-за своего назначения совсем с катушек слетела — собирается выпустить Атцлу. Если ты создашь фантома и оставишь его здесь, мы успеем к самому интересному в подземелье, а потом вернемся сюда... Настолько фееричного зрелища ты еще никогда не видел. Достанется и твоей сестричке, и фантому, это я гарантирую.

Кром решает не препираться со второй дочерью матриарха и создает, сидящего за столом, фантома, свою копию, который медленно листал страницы книги, лежащей перед ним.

— Вот и отлично, а сейчас отправимся на поиски твоей сестры... — дальше он не слышит, в глазах темнеет, тело пронизывает болезненный разряд. Он чувствует, как медленно опускается на пол, но его тут же подхватывают сильные руки эсхиллки и возвращают в вертикальное положение. — Прости, совсем забыла, что магия эсхилл и иллиоров не совместима, но тебе придется потерпеть, — и тут она произносит самые страшные слова: — мне придется открыть портал, чтобы быстро добраться до нужного места.

— А может не надо?.. — болезненно морщась произносит Кром. Все знают, что порталы, открытые с помощью эсхилльской магии, опасны для всех, кто не принадлежит к их народу.

— Надо, иначе нас засекут, особенно твоя сестра. Нельзя попасться ей на глаза, — с этими словами Фьяцла открывает портал, толкает в него упирающегося Крома и заходит сама.

Фьяцла бежит.

Она бежит со всех ног, без усталости и остановок. Сколько дней и ночей прошло она не знает, но уже чувствует, приближение охранного щита, созданного с помощью магии иллиоров.

По коже периодически пробегают, усиливающиеся с каждым метром, покалывания. С каждым разом они оставляют глубокие кровоточащие ранки, но Фьяцла старается не думать об этом. Ей как можно быстрее нужно убраться подальше от Темного замка.

Девушка останавливается только тогда, когда бежать уже становится невозможно, а кровь из мелких ранок на лбу, заливая глаза, застилает обзор.

Она проводит по лицу рукой, чтобы хоть немного очистить его, и осматривается.

Вокруг куда ни посмотри поле, бескрайнее, засеянное пшеницей, овсом и прочими злаковыми. Где-то на горизонте виднеются маленькие домики, над несколькими из них струйками вился дымок. Там деревня.

Эсхиллка, недолго думая, направилась туда. Там можно укрыться в каком-нибудь амбаре, с пропитанием что-нибудь придумает. Главное не попадаться местным жителям на глаза, а то на костер отправят. Раньше с женщинами эсхилл только так и поступали, если удавалось скрутить их, ведь у иллиоров и людей силы на много уступают, в том числе и магические. У эсхилл они врожденные, у представителей двух других рас приобретенные путем долгого обучения. Впрочем, поэтому все эсхиллки не утонченные красотки, а

брутальные бабенки.

Фьяцла идет медленно, все физические силы она растратила на немислимо продолжительную пробежку, протаптывая широкую дорожку в сплошных посевах пшеницы. Что потом подумают жители деревни, когда увидят среди своих полей тропинку, ведущую к их деревне, ее не интересует. Главное добраться до укрытия и заснуть.

Деревушка оказывается маленькой, не более десяти дворов. Домики ветхие, старые, несколько из них только недавно подверглись ремонту, в основном обновляли внешнюю побелку. Так же чуть в стороне стоят несколько больших амбаров и сараев для хранения сельхозинвентаря.

Пригнувшись и пробираясь под заборами, Фьяцла направляется к хозяйственным постройкам. Было несколько моментов, когда ее чуть не замечают. Первый, когда она пряталась за углом одного из дворов, а из-за поворота вышел какой-то подслеповатый дедок, который, к счастью ее не заметил. Второй, когда она короткими перебежками, прячась за кусты какого-то колючего растения с черными листьями, которое растет только в Темном княжестве, пробиралась к двери амбара, ее тогда чуть не застукал на месте преступления какой-то детина, которого ей пришлось хорошенько ударить, чтобы он не созвал всю деревню.

Сейчас же она сидит на соломе, прислонившись спиной к двери, размышляет над тем, что делать дальше. Ясно только одно — домой, в Флиос, она не вернется. Ее там сразу убьют. Она провалила задание.

Остается только одно, написать Тьяцле, попросить у нее помощи. Ведь она собиралась как-то решить свою проблему со свадьбой и дальнейшими событиями...

На этом Фьяцла решает прервать свои размышления. Ее клонит в сон, а засыпать на пороге нельзя, в ближайшее время сюда могут нагрянуть жители деревушки за инструментарием. Она встает с пола, бредет к лестнице, наверху устроен сеновал, можно зарыться в сено и нормально выспаться.

Она взбирается по скрипящим ступенькам, ныряет с головой в, пахнущее солнцем, сено, закрывает глаза и сразу проваливается в сон без сновидений.

Прошло уже три дня с того времени, как Фьяцла отослала младшей сестре письмо, в котором подробно описала все, что с ней случилось, и просила о помощи. Ответа до сих пор нет. Девушка начинает волноваться. А когда она волнуется, ей очень хочется покушать.

Уже в который раз она собирается на вылазку, чтобы добыть пропитание. Натягивает на ноги мягкие тряпичные туфли, которые не издадут ни единого звука, даже при ее комплекции. Отставляет тяжелые массивные сапоги в сторону и забрасывает их сеном, чтобы деревенские, если зайдут сюда, ничего не заподозрили. Вряд ли к чужакам здесь относятся дружелюбно, тем более к эхиллкам. Впрочем, за эти три дня она еще ни разу не испытала на своей шкурке, что бывает, если здесь застукают постороннего. Просто о ее существовании до сих пор не знают.

Она поднимается со ступени, спускается вниз, накидывает полог невидимости и, тихонько приоткрыв скрипучую дверь, просачивается в образовавшуюся щелку. Осматривается по сторонам, как и всегда никого поблизости нет, можно идти.

Фьяцла не успевает сделать и шага, как на ее невидимую макушку с громким хлопком падает конверт из плотной бумаги, который прокатившись по гладкой поверхности полога, приземляется на примятую траву дорожки.

Девушка наклоняется, берет его в руку, осматривает, замечает печать почтовой гильдии

Нормана свое имя и забывает, зачем она выходила. Бросившись обратно в амбар, она взбирается по лестнице, садится на последнюю ступеньку и распечатывает письмо, пробегает взглядом по строчкам, отмечая про себя, что сестры почерк намного лучше, чем у нее. И только потом до нее вдруг доходит, что ее посылают в Темный замок. Снова!

Фьяцла сглатывает, застрявший в горле, ком, поднимает взгляд к грязному смотровому окошку, из которого видно серо-голубое небо, и горестно вздыхает.

Спустя некоторое время, тишину амбара разрывает жуткий стон.

Девушка хватается за голову, оттягивая вниз длинные волосы, смотрит в одну точку, в надежде найти решение проблемы. Ничего не приходит в заполненный паникой ум, и она решает все же последовать совету Тьяцлы.

Раскопав сапоги, она переобувается, отрывает портал и шагает в него. Все это делается быстро, чтобы не было времени передумать и бежать дальше, к щиту, как мотылек летит на огонь. Ведь эхиллке приближаться к чему-то сотворенному иллиором равносильно самоубийству.

Спонтанный портал доставляет ее к входу в замок, из которого она неделю назад сбежала с позором, испугавшись чего-то невидимого, подобравшегося к ней со спины.

Полог она так и не сняла, поэтому стражи, которые стоят на входе ее не замечают. И она беспрепятственно заходит в распахнутые двери, идет по коридору и на полпути замечает идущего к лестнице в подземелье придворного мага. Она задумывается, вспоминая его имя, — Кром, кажется.

Фьяцла решает следовать за ним. Спускаясь по лестнице, она слышит жуткие стенания и просьбы выпустить к любимым родственникам, которые быстро затихают, но на смену им раздается дикий вопль и грохот.

Девушка ускоряет шаг, чтобы не отставать от Крома. В тяжелых сапогах приходится идти на цыпочках, чтобы не издавать шум, полог поглощает всякое присутствие, кроме звуков, единственный минус.

Перед магом отворили дверь, и он вошел в помещение, Фьяцла с трудом просочилась следом, пока стражи закрывали вход.

Зрелище, представшее перед эхиллкой, не особо и удивляет ее. Что-то подобное она и ожидала увидеть. Посреди темницы, освещенной единственным факелом для более комфортного проживания пленницы, стоит клетка с толстыми прутьями, в ней сидит ее массивная бабуля, которая до их прихода успела прибить крупную крысу. В щелях между камней посверкивают злые глазки-бусинки остальных грызунов, готовых мстить.

Маг ловит тех, которые сидят ближе к клетке, и сажает их в магическую сеть. Оставляет улов в стороне, возвращается, садится на корточки, некоторое время думает, а потом начинается то, чего Атцла боится больше всего — крысы и допрос.

Бабуля выпаливает несколько связных предложений и срывается на вопли и мольбы о помощи. Маг, довольный результатом, встает, подхватывает сеть и, не оборачиваясь, удаляется из темницы.

Фьяцла снова открывает портал, но уже не спонтанный, а с определенными координатами. Пребывая здесь первый раз, до того как влезть в окно покоев Темного, она обследовала замок изнутри, пытаясь обнаружить способ зайти в комнату традиционным способом — через дверь. Так и не нашла лазейку в том ворохе заклинаний и пришлось лезть через окно.

Она оказывается рядом с дверью в малый кабинет. И уже в который раз возблагодарила

полог невидимости, который так и болтается на ней.

В заклинаниях на двери копается какая-то приторно-белая девица, пытается взломать внешние и внутренние охранки.

Эхиллку пронизывает разряд чужеродной магии. Не смертельно, но неприятно.

Через некоторое время иллиорке удалось снять первый ряд защиты, со вторым она возится дольше, но так же успешно. Последний, из слабых сигналок и распознавателей, поддается быстрее предыдущих.

Фьяцла чуть не присвистывает от восхищения и удивления, но вовремя спохватывается. Только-только обучившаяся магии девица взламывает огромное количество охранок меньше, чем за десять минут! Она завистливо косится на блондинку, вспоминая, как сама на обучении десять раз не смогла снять их и за полчаса. Сейчас, конечно, она щелкает их как орешки, но не иллиорские — они ей не по зубам.

Девушка вздыхает и проходит в помещение следом за иллиоркой, которая тут же, приговаривая себе под нос что-то о том, что сегодня же выпустит эхиллку из клетки, бросается обыскивать шкаф. Перевернув на полках все, но не найдя чего-то важного, она вздыхает, вылетает из комнаты и возвращает все в исходное состояние.

Фьяцла поняла это по тому, как ее начало мутить от переизбытка чужой силы. Чтобы не упасть, она прислоняется спиной к стене и замирает, прислушиваясь к ощущениям.

Через стену слышатся быстрые удаляющиеся шаги в одну сторону и приближающиеся из другой. Кто-то, будто издеваясь над ней, снова снимает охранки и заходит в кабинет.

Как только неприятные ощущения проходят, Фьяцла сдергивает полог.

Маг, почувствовав чужое присутствие, отрывается от созерцания пола под ногами и устремляет настороженный взгляд на эхиллку.

Девушка отлипает от стенки, к которой успела привыкнуть за мгновения мучений, и начинает торопливо говорить:

— Тут твоя сестра заходила, рылась в шкафу, что-то искала. И похоже сейчас она пошла выпускать мою бабулю из клетки. За то, как ты с ней обошелся... даже не знаю, что тебя ждет... — все сказано на одном дыхании, единственный раз она прервалась, чтобы глотнуть воздух.

Только секундой позже Фьяцла понимает, что это похоже на жалобу. Она наябедничала ему на сестру.

Что это сестра Крома, понять не составляет труда. При всей своей болезненной бледности и просто маниакальной любви к белому цвету, все иллиоры внешне абсолютно разные, а у этих двоих есть несколько схожих черт. Уж ту блондиночку эхиллка успела рассмотреть.

Потерявший от неожиданности дар речи, Кром хлопает голубыми, как у родственницы, глазами и все же находит, что сказать:

— Ты давно здесь?

— Сразу, как только получила письмо, открыла портал. Где-то с час тут околачиваюсь, — отвечает девушка, про себя отмечая, что у брата блондиночки цвет глаз все же более насыщенный, у той совсем блеклый. — И пришла к выводу, что у тебя здесь скоро будет весело.

— О чем ты? — напрягается иллиор, во взгляде снова появляется настороженность.

— У нас в семье все сестры постоят друг за друга, конечно, если проблемы не связаны с семьей. Мой случай исключение, меня бы просто убили, — последнее произносится

безразличным тоном, сне дрогнувшими лицевыми мышцами, очень хочется скривиться, но нельзя. Она быстро пробегает по когда-то вбитым в нее знаниям и находит то, что искала о его сестре. Да, во время обучения от нее требовали невозможное — за два года запомнить не только немаловажные магические приемы, но и информацию обо всех, кто хоть каким-то боком относится к аристократическим домам. Это относится не только к Темному княжеству, но ко всем существующим государствам. — Но твоя сестра особый случай. Она из-за своего назначения совсем с катушек слетела — собирается выпустить Атцлу. Если ты создашь фантома и оставишь его здесь, мы успеем к самому интересному в подземелье, а потом вернемся сюда... Настолько фееричного зрелища ты еще не видел. Достанется и твоей сестричке, и фантому, это я гарантирую.

Фьяцла наблюдает за тем, как Кром создает фантома, с грубой магией эсхилл они не получается, из подобного можно плести только полог невидимости. Через несколько мгновений за столом сидит копия мага и медленно перелистывает страницы книги.

— Вот и отлично, а сейчас отправляемся на поиски твоей сестры, только полог увеличу, — она накидывает уже готовый отрезок на иллиора и принимается плести, как чувствует, что ее изделие медленно опускается вниз. Каким-то чудом, откопав в невидимом безобразии Крома, подхватывает его и возвращает в вертикальное положение. — Прости, совсем забыла, что магия эсхилл и иллиоров несовместима, но тебе придется потерпеть. — Она доплетает свою часть и накидывает на себя. — Мне придется открыть портал, чтобы быстро добраться до нужного места.

— А может не надо? — обреченно спрашивает Кром, болезненно морщась.

— Надо, иначе нас засекут, особенно твоя сестра. Нельзя попасться ей на глаза, — договорив, Фьяцла открывает портал, толкает в него мага и заходит следом.

Тьяцла разлепляет набрякшие веки и, морщась от нахлынувшей головной боли, смотрит на потолок, который в предрассветных сумерках выделяется белизной побелки.

Встать с постели у нее получается далеко не с первого раза, навалившаяся с вечера слабость к утру стала невыносимой. Пошатываясь и цепляясь за все ближайшие предметы, она бредет к тумбе, на которой стоят умывальные принадлежности и небольшое зеркало, как раз чтобы можно было разглядеть полностью лицо.

Она зажигает стоящую здесь же свечу и смотрит на свое отражение. И как же она такая выйдет на улицу? Сегодня нужно столько всего сделать, а она похожа на неизвестно что. Опухшие красные веки, лихорадочно блестящие слезящиеся глаза, бледная кожа, ко всему прочему донимает головная боль и дикая слабость. Поводит из стороны в сторону, шатает. Перед глазами все расплывается и периодически темнеет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Теперь же она готова проклинать ту идею — обрезать волосы до того, как доделает дела. Но для реализации всего нужны деньги, а у нее оставались только три золотых ата.

Сегодня же нужно найти какого-нибудь мага, чтобы начать обучение контролю над силой. Написать письма Крому и Фьяцле. Раздобыть все нужное для дороги, здесь она задерживаться не собирается.

Девушка умывается. Снимает пропотевшие и прилипшие к телу рубаху и штаны, переодевается в, приобретенные вечером, новые. Те она скатывает в узел — выбросит на ближайшую помойку.

Подхватив сумку, с узлом в руках, она пошатываясь бредет к двери, выходит в коридор, спотыкаясь на каждой ступеньке спускается на первый этаж и выходит из постоянного двора.

Улица встречает ее далеко не прекрасными ароматами. Так как место для временного проживания она выбирала подешевле, в том состоянии, в котором она находилась вечером, то выбрала район с чуть менее среднего уровнем достатка. Да, и теперь ее окружает амбре из сточных канав, помоек, конюшен, туалетов и не только. Одно радует, что этих самых помоек здесь видимо невидимо, и никуда не нужно идти. Так что от свертка с грязной одеждой она избавляется быстро.

Первым пунктом ее назначения является отделение местной почтовой гильдии, в которое она и ковыляет, пошатываясь и периодически опираясь о грязные обшарпанные стены.

До небольшого зданьца она идет очень долго, хотя в нормальном состоянии преодолела бы это расстояние не более чем за пятнадцать минут. Белые, только недавно побеленные стены, обильно орошены грязью из небольших луж, растекшихся между булыжниками, по дороге. Синяя дверь и оконные рамы пестрели облупившейся краской, местами вздувшейся.

Тьяцла тянет за ручку, которая не вызывает желания ее трогать вообще. Дверь поддается где-то с третьего раза и с надсадным скрипом отворяется, пропуская ее в душное помещение. От включенного отопления, это посреди поздней весны, спирает дыхание, она некоторое время ловит ртом горячий воздух, привыкая к его почти полному отсутствию, и бредет к столу. Садится, берет в руки перо, макает им в чернильницу и принимается выводить дрожащей рукой на диво ровные строчки на листе бумаги, взятом из стопки лежащей чуть в стороне.

Когда с первым письмом покончено, она принимается за написание второго. Запечатывает их в конверты, которые лежат тут же, и несет к зарешеченной стойке, за которой сидит человеческая девушка со значком гильдии, приколотым на синий форменный платочек повязанный вокруг шеи. Эсхиллка оплачивает бумагу, конверты и отправку, уточнив, что нужно отправить их магической почтой и покидает помещение, где с каждой секундой становится еще сложнее дышать.

Теперь ее путь лежит на Рыночную площадь, где она намеревается приобрести все необходимое в дорогу и, если это возможно, обнаружить там забредшего за покупками человеческого мага.

Прикладывая немало усилий, чтобы не вихлять из стороны в сторону и идти прямо, Тьяцла медленно пробирается через толпу галдящих покупателей, зазывал, лоточников, снующих тут и там; обходит громоздящиеся на пути палатки, проходит мимо ярко оформленных витрин магазинчиков и кафешек.

На этой площади даже в будний день многолюдно.

Она проталкивается в дальнюю часть рынка, где народу не так много, дешево можно приобрести продукты в дорогу и некоторые особо необходимые предметы. За сменной одеждой она собирается зайти позже в какой-нибудь магазинчик готовой одежды в самом начале торговых рядов.

О том, что ее планы могут не осуществиться, она не думает.

Тьяцла бредет меж постепенно редющей толпы, чудом держась подальше от чужих локтей, норовящих отпихнуть подальше, желательно в самую толчею. В след слышатся гневные оклики, но она не обращает на них внимания — нужно быстрее все завершить, уже чувствуется приближение очередной волны слабости.

Когда она собирается свернуть к приглянувшейся палатке, в глазах у нее темнеет, ноги

подкашиваются и ей приходится всем весом повиснуть на бортике близстоящей телеги, оказавшейся здесь как нельзя вовремя.

Транспортное средство кренится на бок.

Раздается громкое ворчание, которое не смог перекрыть даже гомон толпы. Телега вздрагивает, когда с козел спрыгивает возница. Сквозь звон в ушах слышатся шаги.

Девушка несколько раз моргает, сгоняя темную пелену заставшую взгляд, и смотрит на, представшего перед ней, мужчину. Уже довольно преклонного возраста, необычайно высокого, с длинной седой бородой и волосами свободно распущенными по плечам. На лице выделяются синие глаза, жуткие, слишком молодые. В жилистой руке он держит простой посох, от которого исходят волны мощной энергии, заставившие эхиллку болезненно поморщиться. Одет он в льняную рубаху, на воротах и рукавах которой пестреет яркая вышивка, и черные штаны, заправленные в короткие сапоги.

Он останавливается в трех шагах от нее и опирается на посох.

— И кто это у нас покусился на мою телегу? — негромко произносит он, окидывая открывшуюся ему картину тяжелым взглядом.

Тьяцла мысленно содрогается, когда этот взгляд проходит по ней, появляется ощущение, что ей перебрали все косточки, все жилки, все клеточки. Неприятное чувство проходит внезапно, когда синие глаза мага, а это именно маг, неотрывно устлавляются в ее. Появляется еще более отвратительное ощущение, будто в ее череп запускают руки и копошатся в мозгу.

Ей хочется с диким визгом унести прочь от этого человека, но, накатившая с новой силой, волна слабости не позволяет даже отцепиться от телеги. И взгляд мага не отпускает. Приходится только кривить гримасу отвращения, когда невидимые руки начинают перебирать очередной ворох воспоминаний и умозаключений.

Внезапно по всему телу проходит озноб, заставляя по коже пробегать целые толпы мурашек, и мерзкое ощущение пропадает, как будто его и не было. Вместе с ним уходит и общая слабость. Руки разжимаются, ноги подкашиваются. Тьяцла падает на камни и остается сидеть в неудобном положении, пока неизвестный маг из доброты душевной не протягивает ей руку и помогает встать на ноги.

— Что делает третья дочь матриарха вдали от семьи? И почему она не отсиживает положенный недельный срок в клетке, по старым обычаям эхилл? — интересуется мужчина, складывая руки на груди.

У девушки складывается впечатление, что он обнимает посох. На ее лице появляется неловкая улыбочка, ведь она не подготовила ничего, на случай, если слухи все же достигнут Нормана. Хотя нет, тут скорее не они, а воспоминания о последних восьми днях поработали или даже за более продолжительный период. Тут все зависит от того, насколько далеко он смог проникнуть. А сплетни будут только о том, что куда-то пропала мать матриарха, никто, кроме Крома, не знает, в чем заключается план третьей дочери. Точнее так было раньше.

— А... я... — лепечет она, при этом пытаясь скрыть нервную дрожь, убрав руки за спину и поочередно потирая запястья. От того, что стало совсем неловко, опускает голову, в этом движении невольно устремляет взгляд в сторону и замечает отражение в витрине. Как же она нелепо выглядит!

Внезапно, долго сдерживаемые, эмоции вырываются наружу в долгом всхлипе, на глазах наворачиваются слезы, и первая из них быстро скатывается по щеке к подбородку и шлепается вниз. Потом она содрогается в очереди громких всхлипов и проваливается в

неконтролируемую истерику.

Мужчина некоторое время наблюдает за происходящим, пока не ловит на себе укоризненные взгляды проходящих мимо зевак. Подходит к ревущей в три ручья девушке, обнимает ее и прижимает к себе, чтобы посторонние не видели чужой истерики. Тьяцла, возмущенно пискнув сквозь рыдания, пытается вырваться, но безрезультатно.

— Прошу прощения, моей внучке настолько понравился город, что она не хочет уезжать, — бормочет маг нелепое оправдание очередной порции укоризненных взглядов зевак. — Что же ты реवेशь? Успокойся. Не позорь меня, я здесь, в конце концов уважаемый маг, — шепчет он, двигаясь ближе к телеги, чтобы не мешать прохожим.

— Я не хочу умираааать! — девушка тянет последнюю 'а' довольно долго, прерывая ее всхлипом 'ть'.

— А, потише... Ты что несешь? — произносит он и тут вспоминает, что увидел в ее воспоминаниях: — черт, тебе же никто не объяснил толком, что бывает после того, как срежешь волосы... — он прерывается на очередное оправдание: — не обращайтесь внимания, она что-то услышала, теперь... вот...

Тьяцла чувствует, как он пожимает плечами на чей-то вопрос, который она не расслышала.

— Взбирайся на телегу, выведу тебя из этого места, там и поговорим, — произносит он тихо и отпускает ее, помогает взобраться на, груженную мешками с овощами и фруктами, телегу, взбирается на козлы и убирается подальше от любопытных зевак, подгоняя лошадь тихим ворчанием.

После непродолжительной тряски и вида медленно проплывающих мимо невысоких зданий, Тьяцла готова целовать мощный камнем тротуар, когда маг останавливает телегу неподалеку от северных ворот, в одном из нескольких богатых районов города, где когда-то обитали в основном маги. Сейчас же заселяются все, кому не лень и кому это позволяет финансовое состояние.

Где-то здесь стоит трехэтажный дом, принадлежащий Атцле, но не используемый из-за того, что в Норман не пускают эсхиллок. Вспомнив об этом, девушка тяжело вздыхает, сколько ее родственница потратила на это средств, она не знает, но по виду окружающих фасадов видно, что очень и очень много.

Мужчина спрыгивает с телеги, помогает девушке спуститься и ведет ее к одному из высоких зданий с белым фасадом с колоннами, статуями и барельефами в стиле рококо.

Эсхилка, слишком занятая размышлениями о нормализовавшемся состоянии, не замечает происходящее вокруг. Отвлекается она только тогда, когда за ее спиной захлопывается тяжелая дверь из ларнейского дуба.

Тьяцла оказывается в центре большого гулкого холла. Позади нее дверь, которую она вряд ли сможет открыть сама, перед ней широкая изящная лестница с перилами из того же дуба, на середине разделяющаяся и ведущая в два противоположных крыла дома. И паркет слишком скользкий.

Маг, удаляясь в одну из боковых дверей, кричит:

— Норн! Нооорн! Когда ты уже вернешься к реальности?! Принимай гостью!

Девушка осталась стоять одна посреди помещения.

Слышится перестук каблучков по мраморным плиткам пола и на лестнице появляется, запыхавшаяся от бега, девица. Типичная иллиорка. Бледная, с белоснежными волосами. Выраженная в ярко-розовое платье с белыми кружевными оборками и столь же розовые

аккуратные туфельки на невысоких каблучках. Она цепляется за перила, чтобы по инерции не слететь с последних ступенек, и смотрит на Тьяцлу широко распахнутыми, неестественными для иллиоров, насыщенно-зелеными глазами.

Девушка радостно улыбается и вопит:

— Мел, ты нашел ее! — во мгновение ока она оказывается перед опешившей эсхиллкой и начинает вертеть ту из стороны в сторону, приговаривая: — но как? Ведь они ее никогда не выпускали из Флиоса без присмотра!

Через несколько минут подобных вращений, у Тьяцлы начинается головокружение, будто почувствовав состояние девушки, иллиорка оставляет ее в покое, при этом повернув к себе правым ухом, и громко кричит куда-то в сторону:

— Мел, так как же это у тебя получилось поймать ее?!

Ко всему прочему еще и оглушенная воплем, эсхиллка медленно оседает на холодные плиты пола, удивленная иллиорка пытается ее поднять, но безрезультатно.

За этим занятием их и застал, вышедший из боковой двери, маг.

Переход через эсхильский портал оказывается еще более болезненным, чем полог невидимости сотканный Фьяцлой.

Кром кулем вываливается из темного проема и твердо обосновывается на каменном полу в горизонтальном положении. Секундой позже сворачивается в калачик, чтобы подавить рвущийся из груди крик. Он никогда даже не имел представления о настоящей боли, теперь же чувствует ее каждой клеточкой тела.

И это чувствуют все, кто не относится к эсхилл.

Но утешает Крома то, что на эсхиллку так же действует иллиорская магия, только на порядок более разрушительно.

Пол под щекой содрогается от тяжелых шагов, подхватив за шиворот, его вздергивают на ноги и, когда крик уже готов был вырваться наружу, затыкают рот.

— Только не кричи, твоя сестра уже здесь... — слышится шепот Фьяцлы.

В подтверждение ее слов слышатся гулкие шаги, но более легкие, чем у той же эсхиллки.

В поле зрения показывается бледная в окружающей темноте женская фигура. Глори не стала брать с собой факел, в это время дня в подземелье уже гаснут некоторые из них, и ориентировалась только по внутренним ощущениям. Да здесь и заблудиться-то невозможно, коридоры все, в большинстве своем, прямые и без ответвлений.

На некоторое время перед глазами темнеет от очередного всплеска враждебной магии и Кром, уже в который раз, делает попытку поздороваться с полом, но его снова подхватывают, водружают на ноги. На этот раз, руки, проделывающие все эти действия, оказываются не такими мощными, как до этого.

Маг в тихом ужасе оборачивается, готовясь ко всему, но то, что он видит перед собой, заставляет замереть в удивлении.

— Ну что стоишь? Пойдем за ней. Иначе пропустим все самое интересное, — ворчит миниатюрная брюнетка, подталкивая его туда, где скрылась Глори. При последних словах губы ее растягиваются в широкой предвкушающей ухмылке. — Не терпится увидеть второй, самый большой, провал в жизни моей бабули...

— Ты уверена, что так и будет? — спрашивает маг, недоверчиво взирая на девушку.

— На все сто. — Самоуверенно произносит Фьяцла и идет вперед. — Главное — не отставай, полог не резиновый. Мне даже пришлось пойти на это, ради того, чтобы нас не заметили, — она обводит руками фигуру: — это чревато последствиями.

— И какими же? — произносит Кром, плетясь позади эсхиллки и постепенно отставая.

— Не знаю, — она пожимает плечами, останавливается, дожидается, когда иллиор доковыляет, подхватывает его под руку и ведет уже со своей скоростью. — Но это очень удобно, если нужно внедриться во враждебно настроенное общество.

Весь оставшийся путь они идут молча: в какой-то момент перед ними предстает силуэт Глори, которая по какой-то причине мешкает и, по мере приближения к искомой темнице, замедляется, но все равно продолжает продвигаться дальше.

Иллиорка останавливается перед дверью последней темницы, о чем-то переговаривается со стражами и заходит в помещение.

Стражи оставляют дверь открытой, что позволяет Крому с Фьяцлой беспрепятственно

проникнуть следом за вошедшей.

Когда они заходят, в темнице разыгрывается довольно примечательное действие: Глори, присев на корточки и очень близко наклонившись к решетке, о чем-то тихо шепчется с Атцлой, потом встает, обходит клетку по периметру в поисках двери, найдя искомую, она указывает на нее пальцем, что-то шепчет и замирает в ожидании. Через некоторое время замок щелкает, она снимает его и отворяет дверь.

Атцла медленно вываливается из клетки, щелкая суставами, потягивается, наклоняется к уху предательницы. Они снова некоторое время шушукуются и выходят из темницы, которую тут же захлопывают и закрывают на замок.

Что случилось со стражами, Кром думать не хочется, у него и так уже темнеет перед глазами, а все мысли тонут в паническом мельтешении.

Фьяцла еле слышно разочарованно вздыхает и тихо произносит:

— А я думала, все будет на порядок зрелищней... — немного помолчав, этот момент выбрали сообщницы, чтобы пройти мимо, она добавляет: — возможно, в кабинете будет поинтересней. Только вот придется переноситься прямо отсюда, ты же не успел навесить все те охранки обратно?

Мысленно простонав, Кром отвечает как можно более твердым голосом:

— Нет, ты в портал меня забросила быстрее, чем я успел что-либо обдумать.

— Вот и чудесно. Сейчас доставлю прямиком в пункт назначения, да еще и раньше тех, кто потопал пешочком, — расплывается в улыбке Фьяла.

Перед Кромом снова открывается портал, в который его даже не собираются заталкивать. Немного потоптавшись на месте, он все-таки делает шаг вперед и его накрывает темная пелена жуткой боли. Впрочем, ощущение, что в его тело вонзаются миллионы тонких и очень острых игл быстро проходит. Он теряет сознание.

Кром приходит в себя от хлестких болезненных ударов по щекам, за которыми следует тихое ворчание:

— Неженка, блин... Гм... Совсем забыла... О разнонаправленное™ сил...

Снова последовали шлепки по лицу, после которых просто неприлично продолжать находиться в бессознательном состоянии, так как в этом случае есть вероятность, что ему просто в один прекрасный момент одним из ударов снимут голову.

Открывать глаза не хочется, под смеженными веками уже пляшут разноцветные круги, а если он откроет их, то будет еще хуже.

Но все-таки приходится и глаза открыть и встать на ноги.

В кабинет, как к себе домой, вваливается всей своей необъятной тушей Атцла, за которой протискивается Глори. Порядком потрепанная сестра останавливается за спиной экс-матриарха, которая открывает шкаф и начинает рыться в нем, пытаясь что-то найти. При этом она громко ругается и периодически в отчаянии хватается за голову.

Иллиорка, молчавшая до этого, вдруг подает голос:

— Я же вам говорила, что никакого кулона здесь нет, а вы...

Она не успевает договорить.

Кром отворачивается, когда Атцла кое-как поворачивается и начинает замахиваться. Раздается сочный шлепок.

Он краем глаза смотрит в их сторону: Глори, пошатываясь, стоит перед эсхиллкой, шея ее неестественно вывернута, а голова повернута под большим углом, чем положено природой.

Она передергивает плечами, руками возвращает голове необходимое положение и смотрит в глаза Атцле бесстрастным взглядом.

Маг забывает обо всей своей немогости и пихает Фьяццу локтем в бок:

— Вот сейчас будет интересно.

— Что это с ней? Она должна была рассыпаться после этого удара...

— Как думаешь, кто эту немочь бледную пестовал?

Она недоверчиво косится на него, в свою очередь он утвердительно кивает.

— Теперь у нее появилось одно преимущество над Атцлой, — продолжает Кром, внимательно осматривая тесное помещение, удивительно, как сюда смогло поместиться столько народа, при том, что здесь еще и мебель стоит. — Магия иллиор. Хотя это не особо может помочь ей — она новичок, у ее противницы несколько сотен лет опыта. Интересно, кто кого побьет?..

— Ты о чем вообще? Моя бабуля сейчас твою сестру по стенке размажет, если та не одумается, а ты «кто кого побьет»!.. — восклицает эхиллка, округляя в ужасе глаза и передразнивая Крома.

— Да ладно тебе... — отмахивается он и сосредотачивается на происходящем.

Пока они переговариваются, Глори продолжает сверлить Атцлу взглядом. Эхиллка начинает закипать. Она порывается приблизиться к противнице, но только дергается и замирает на исходной позиции; прищурив глаза, наблюдает за недвижимой белой фигурой, контуры которой постепенно смазываются.

Кром отчетливо видит, как сестра плетет сеть запрещенного заклятия, и порадовался, что этого не могут видеть присутствующие здесь. Его пихает локтем в бок Фьяццла, которая пытается взглянуть в происходящее:

— Что сейчас происходит? Я ничего не вижу, — и корчит обиженную мордочку.

Маг про себя отмечает, что сейчас она вполне может себе позволить проделать такое, но в ее обычной форме — это выглядело бы очень устрашающе.

— Глори плетет запрещенное заклятье, за которое, если об этом узнает кто-нибудь помимо нас, ее казнят. Могут без суда и следствия, а могут и провести слушание, но ее голос, как и голоса родственников, не будет иметь там веса. Заклятье называется Белый Саван, одно из немногих смертельных.

— Немногих? — переспрашивает эхиллка.

— У нас, по сравнению с вами, не так много смертельных заклятий. Большинство плетений, относящихся к боевым, — шокеры, транквилизаторы и т. д. В общем, то, что имеет воздействие на нервную систему.

— А как действует Белый Саван? — любопытствует девица, придвигаясь ближе к Крому, хотя они и так уже стояли слишком близко друг к другу, так как в кабинете даже развернуться негде.

Маг не на долго задумывается.

— Насколько я знаю, он высасывает из противника все жизненные соки. Оставляет иссохшую мумию.

— Оооо... — ее глаза приобретают странный блеск, как у эхиллок на той поляне, на которой Ахрон устроил вчера погром, при виде «чудовища из Темного леса». — С удовольствием посмотрела бы на это.

— Возможно, увидишь, если она успеет его доплести, — говорит Кром и после недолгих раздумий добавляет: — Думаю, пока Атцла разберется, что к чему, она уже

завершит.

— А как это выглядит? — окончательно перевоплощается в почемучку Фьяцла.

— Как большая белая сеть с мелкими ячейками. Для плетения необходим большой ресурс силы, она быстрее высасывает ее из создателя, чем потом из его противника, поэтому и запретили в использовании. А все носители информации о запрещенных заклятиях уничтожили. Интересно, где она почерпнула эти знания?

— Может у кого-то в личной библиотеке? — как бы невзначай, тихо произносит девушка, неотрывно наблюдая за замершими у входа женщинами.

— Надо будет провести внеплановую инвентаризацию в ахроновой энциклопедии, как пить дать там не хватает тома об иллиорах, — Кром закатывает глаза к потолку.

— Может они все-таки передумают, и я начну проверять наличие пропажи?

Но в это мгновение Глори дергает руками по направлению к Атцле, с рук ее срывается белая сияющая смертоносная сеточка, которая быстро опутывает эсхиллку. Экс-матриарх взывает не своим голосом от пронзившей боли. Объемы ее тела стремительно начинают уменьшаться. Прикладывая невероятные усилия, она напрягает мышцы и разрывает легкое полотно заклятья.

Она сжимает руки в кулаки, делает шаг к иллиорке, которая завидев неудачу отшатывается назад и врезается спиной в стену.

— Что происходит? — на этот раз вопросами заваливать готов Кром, который ничего не видел, но чувствовал воздействие эсхилльской магии.

— Бабуля использует свой коронный удар — Кулак Смерти. Если твоя сестра вовремя не выставила щит, останется только горстка пепла. У нас нет ничего запрещенного, но, похоже, скоро будем вводить некоторые запреты, когда матушка все же возьмется за голову, и не будет слушаться во всем Атцлу. Уже давно не в степи кочуем, а до сих пор существуем некоторые изжившие себя традиции и не только.

— Ну да, — бормочет маг и вглядывается в клубы пара, образовавшихся там, где затеяли борьбу женщины.

— Угу, — откликается Фьяцла, беря его пример.

Пар медленно развеивается и оказывается, что Глори все же выставила щит до того, как до нее добрался массивный кулак.

Она стоит, прижавшись спиной к стене и в руке, в тусклом свете, поблескивает лезвие кинжала.

— Что она творит, вот дура... — приложившись со всей силы ладонью по лицу, сдавленно шепчет Кром.

Атцла снисходительно смотрит на девицу. Раздается смешок, рокошущий, как раскат грома, следом за которым звучит зычный голос экс-матриарха с издевательскими нотками:

— Деточка, убери зубочистку, они детям не игрушки. Иди лучше займись делом. Ты мне итак уже порядком задолжала...

Пристыженная иллиорка убирает кинжал в ножны и смиренно опускает взгляд. Довольная эсхиллка произносит:

— Ступай, у тебя еще много дел. — Когда Глори уже собирается удалиться из кабинета, она добавляет: — и не забудь найти этого зловредного мага. От него необходимо избавиться.

Сестра выходит из помещения, и, избавившись от препятствия, Атцла продолжает рыться в шкафу, самозабвенно предаваясь поиску того, чего здесь уже и след простыл.

— И это все?.. — спрашивает опешившая Фьяцла, дергая Крома за рукав.

— Получается, что так. Наверное, не хочет потерять ценные кадры. Сколько же она потратила времени, чтобы уговорить мою неприступную, как скала, сестрицу работать на нее? Что посулила? — задумчиво пожимает плечами маг, наблюдая за потугами эсхиллки найти то, чего нет. — Подождем, когда она закончит здесь и позаимствуем у Ахрона список томов энциклопедии. Необходимо проверить догадки, найти пропавшую книгу.

И он, под тяжестью заново навалившейся слабости, опускает на пол.

Фьяцла следует его примеру, ведь неизвестно, сколько времени Атцла собирается переворачивать полочку за полочкой.

Фьяцла выходит из портала.

Скептически посмотрев на распластанного по полу Крома, она вздыхает. Медленно подходит к нему и, подхватив за шиворот, вздергивает на ноги. Понимая, что сейчас тот возопит во все горло от боли, девушка затыкает ему рот рукой.

— Только не кричи, твоя сестра уже здесь... — шепчет вторая дочь, прислушиваясь к гулким шагам.

Через некоторое время в поле зрения появляется бледная фигура сестры мага. Иллиорка не стала брать с собой факел.

Фьяцла быстро осматривает коридор, простирающийся по обе стороны от нее, и отмечает, что большинство факелов уже давно погасли и в подземелье царит полумрак. Видно, что ответвлений здесь нет, так что им не грозит заблудиться, тем более все, кроме нее, отлично знают путь.

Даже не размышляя, она свертывает свои мышцы, чтобы скрыть грузное тело, как ее учила мать, приговаривая при этом, что это может понадобится в будущем для некоторых дел. Оказывается, что она была права. В конце добавляла что-то о том, что это чревато некоторыми последствиями, если злоупотреблять, до подобного такую удобную, но, по каким-то причинам, опасную способность, девушка доводить не собирается.

Она отвлекается от доведения своей внешности до идеала и видит, что иллиор, закатив глаза, начинает сползать на пол. Тяжело вздохнув, она подхватывает его за подмышки и возвращает в адекватное вертикальное положение. Кром, заметив изменения, в ужасе замирает в ее руках, оборачивается. Фьяцла замечает, как быстро сменяется страх на удивление, пока он все так же находится в оцепенении.

— Ну что стоишь? Пойдем за ней. Иначе пропустим все самое интересное, — тихо ворчит девушка, подталкивая Крома туда, где скрылась его сестра. Она медленно растягивает губы в ухмылке. — Не терпится увидеть второй, самый большой, провал в жизни моей бабули...

— Ты уверена, что так и будет? — спрашивает маг, недоверчиво взирая на нее.

— На все сто. — Уверено произносит Фьяцла и идет вперед. — Главное — не отставай, полог не резиновый. Мне даже пришлось пойти на это, ради того, чтобы нас не заметили, — она обводит тонкими руками, прямо руками ее мечты, стройную фигуру:

— это чревато последствиями.

— И какими же? — произносит Кром, плетясь позади и постепенно отставая.

— Не знаю, — она неуверенно пожимает плечами, откуда ей это знать, если даже родная мать не смогла толком объяснить. Заметив, что иллиор постепенно отстает, девушка останавливается, дожидается, когда он доковыляет, подхватывает его под руку и ведет уже со своей скоростью. — Но это очень удобно, если нужно внедриться во враждебно настроенное общество.

Оставшийся путь они проделывают в тишине. В какой-то момент Фьяцла замечает впереди светлый силуэт глупой иллиорки, которая повелась на увещевания ее бабули. Та, по какой-то причине, мешкает и постепенно замедляет шаги, но продолжает идти вперед. Эсхиллка начинает потирать руки, может облом ждет ее родственницу еще здесь. Вдруг эта Глори передумает и повернет назад.

Иллиорка останавливается перед дверью последней темницы, о чем-то переговаривается со стражами и заходит в помещение.

Стражи оставляют дверь открытой, что позволяет преследователям беспрепятственно проникнуть следом за вошедшей.

Первое, что бросается в глаза эсхиллки, слишком близко сидящая у клетки иллиорка, которая наклоняется еще ближе, чтобы что-то сказать узнице. Ей никто не объяснял элементарные правила безопасности в обществе подобных Атцле?

Когда диалог завершается, сестра мага встает, обходит клетку по периметру в поисках двери и, найдя ту, делает некие пасы, что-то произносит. В следующий миг, замок щелкает. Глори снимает его и отворяет узкую дверцу.

Бабуля проталкивается в проем, с хрустом потягивается, наклоняется к уху иллиорки. Они шепчутся. Выходят из темницы и закрывают дверь на замок.

Фьяцла разочарованно вздыхает. До сего момента, она думала, что произойдет хоть что-нибудь интересное, но не тут-то было. Она тихо произносит:

— А я думала, все будет на порядок зрелищней... — немного помолчав, этот момент выбрали сообщницы, чтобы пройти мимо, она добавляет: — возможно, в кабинете будет поинтересней. Только вот придется переноситься прямо отсюда, ты же не успел навесить все те охранки обратно?

Кром отвечает твердым голосом:

— Нет, ты в портал меня забросила быстрее, чем я успел что-либо обдумать.

Эсхиллка только дивится его стойкости. Ведь она прекрасно знает, что для иллиора значит и портал, и полог невидимости созданные с помощью магии ее народа.

— Вот и чудесно. Сейчас доставлю прямиком в пункт назначения, да еще и раньше тех, кто потопал пешочком, — она улыбается.

Фьяцла открывает портал. Кром, немного потоптавшись на месте, все-таки самостоятельно заходит в него.

Она проходит следом за ним.

Фьяцла выходит из портала и осматривается по сторонам. Крома нигде не видно. Она опускает взгляд и замечает его распростертым на полу кабинета. Прямо на том месте, куда и вывалился.

Девушка вздыхает, присаживается рядом с бессознательным телом, и начинает приводить его в чувство единственным способом, которому ее учила мать — со всей силы дубасить пострадавшего по щекам. При этом она порадовалась, что в данный момент она не так сильна, как на самом деле.

Минут пять она с ожесточением, безрезультатно, хлещет иллиора по лицу, останавливается, со злостью шипит:

— Неженка, блин... — потом вспоминает, в чем проблема: — гм... Совсем забыла... О разнонаправленности сил...

И продолжает незатейливые действия вплоть до того момента, пока Кром не открывает глаза.

Когда он уже вставал на ноги, открывается дверь кабинета и на пороге появляется Атцла, которая тут же начинает пропихиваться в помещение. Следом за ней заходит иллиорка, которая выглядит порядком потрепанной, по сравнению с тем, какой они видели ее в последний раз. Она останавливается за спиной бабули. Единственная мысль, мелькнувшая в этот момент в голове Фьяцлы, была о том, что Глори по дороге сюда чем-то не угодила экс-матриарху.

Эсхиллка подходит к шкафу, открывает дверцу и начинает рыться по полочкам, пытаясь что-то найти. В процессе она громко ругается и в отчаянии хватается за голову.

Сестра Крома, которая до этого все время молчала, начинает:

— Я же вам говорила, что никакого кулона здесь нет, а вы...

Девушка не успевает договорить.

Фьяцла краем глаза замечает, как Кром отворачивается, когда Атцла медленно поворачивается и замахиваться. Эсхиллка размашисто бьет по лицу иллиорку. Раздается звонкий шлепок, и шея Глори неестественно выворачивается.

Она передергивает плечами, в ручную возвращает шее, положенное природой, положение и смотрит Атцле в глаза, каким-то беспристрастным взглядом, в глубине которого кипела ярость.

Вдруг Фьяцла чувствует, как ее довольно энергично пихают в бок. Голос Крома возвещает:

— Вот сейчас будет интересно.

— Что это с ней? Она должна была рассыпаться после этого удара...

— Как думаешь, кто эту немочь бледную пестовал?

Она недоверчиво косится на иллиора, который в свою очередь утвердительно кивает.

— Теперь у нее появилось одно преимущество над Атцлой, — продолжает Кром. — Магия иллиор. Хотя это не особо может помочь ей — она новичок, у ее противницы несколько сотен лет опыта. Интересно, кто кого побьет?..

— Ты о чем вообще? Моя бабуля сейчас твою сестру по стенке размажет, если та не одумается, а ты «кто кого побьет»!.. — восклицает Фьяцла, от одной мысли, что в чем-то бабуля может сегодня оказаться в выигрыше, округляя в ужасе глаза и случайно передразнивая Крома.

— Да ладно тебе... — отмахивается тот и следит за происходящим.

Она тоже возвращается к наблюдениям.

Медленно закипая, Атцла порывается подойти ближе к иллиорке, которая так и не отводит от той сверлящего бесстрастного взгляда, но при первом же движении дергается и возвращается на исходную позицию. Прищуриив глаза, она наблюдает за недвижимой белой фигурой, которая постепенно смазывается.

Фьяцла пытается разглядеть хоть что-нибудь в том, что делает иллиорка, но не может продраяться через туманный полог, который все время скрывает их плетения от эсхилл. Приходит ее очередь пихать Крома в бок, что она и делает.

— Что сейчас происходит? Я ничего не вижу, — шепчет она и корчит обиженную гримасу.

— Глори плетет запрещенное заклятье, за которое, если об этом узнает кто-нибудь помимо нас, ее казнят. Могут без суда и следствия, а могут и провести слушание, но ее голос, как и голоса родственников, не будет иметь там веса. Заклятье называется Белый Саван, одно из немногих смертельных.

— Немногих? — переспрашивает эхиллка. Это становится для нее новостью.

— У нас, по сравнению с вами, не так много смертельных заклятий. Большинство плетений, относящихся к боевым, — шокеры, транквилизаторы и т. д. В общем, то, что имеет воздействие на нервную систему.

— А как действует Белый Саван? — в Фьяцле просыпается любопытство. Она раньше никогда не слышала о подобных заклятиях. Все, чему ее учили, сводилось только к общим понятиям об иллиорах, а разновидности плетений их заклятий как-то не упоминались. Девушка придвигается ближе к Крому, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Насколько я знаю, он высасывает из противника все жизненные соки. Оставляет иссохшую мумию, — после недолгого раздумья произносит маг.

— Оооо... — тянет эхиллка, внутри нарастает предвкушение чего-то интересного. Она бы с удовольствием посмотрела бы на это. Последнее она сообщила в слух.

— Возможно, увидишь, если она успеет его доплести, — произносит. — Думаю, пока Атцла разберется, что к чему, она уже завершит.

— А как это выглядит? — окончательно перевоплощается в почемучку Фьяцла, блестя глазами в сторону иллиорки.

— Как большая белая сеть с мелкими ячейками. Для плетения необходим большой ресурс силы, она быстрее высасывает ее из создателя, чем потом из его противника, поэтому и запретили в использовании. А все носители информации о запрещенных заклятиях уничтожили. Интересно, где она почерпнула эти знания?

— Может у кого-то в личной библиотеке? — вспоминает эхиллка свое похождение по личной библиотеке Темного. Произнесено это было совсем будничным тоном.

— Надо будет провести внеплановую инвентаризацию в ахроновой энциклопедии, как пить дать там не хватает тома об иллиорах, — Кром закатывает глаза к потолку.

— Может они все-таки передумают, и я начну проверять наличие пропажи?

В то мгновение, когда он договаривает, его сестра дергает руками в сторону Атцлы, которую оплетает белесое марево. Та взывает не своим голосом от боли и объема ее тела начинают стремительно уменьшаться. Прикладывая невероятные усилия, напрягает мышцы и разрывает, оплетающий ее, белый туман.

Она сжимает руки в кулаки, делает шаг к иллиорке, которая завидев неудачу, отшатывается назад и врезается спиной в стену.

— Что происходит? — на этот раз задает вопросы Кром, который ничего не видит, но чувствует воздействие эхилльской магии.

— Бабуля использует свой коронный удар — Кулак Смерти. Если твоя сестра вовремя не выставила щит, останется только горстка пепла. У нас нет ничего запрещенного, но, похоже, скоро будем вводить некоторые запреты, когда матушка все же возьмется за голову, и не будет слушаться во всем Атцлу. Уже давно не в степи кочуем, а до сих пор существуем некоторые изжившие себя традиции и не только, — отвечает девушка, озвучивая свои давешние мысли. Это заклятье она видела множество раз, Атцла надевает на правую руку сплошную черную перчатку из множества смертельных плетений.

— Ну да, — бормочет маг и вглядывается в клубы пара, образовавшихся там, где затеяли борьбу женщины.

— Угу, — откликается Фьяцла, беря его пример.

Пар медленно развеивается и оказывается, что иллиорка все же выставила щит до того, как до нее добрался массивный кулак.

Она стоит, прижавшись спиной к стене и в руке, в тусклом свете, поблескивает лезвие кинжала.

— Что она творит, вот дура... — сдавленно шипит Кром, производя какие-то странные телодвижения. Фьяцла чуть не забеспокоилась о том, не проломил ли он себе череп, с такой силой бить по голове.

Атцла снисходительно смотрит на девицу, таким взглядом она обычно провожает Амуцлу с неудачной

тренировки и им постоянно достаивается Тьяцла. Раздается смешок, рокочущий, как раскат грома, следом за которым звучит ее зычный голос с издевательскими нотками:

— Деточка, убери зубочистку, они детям не игрушки. Иди лучше займись делом. Ты мне итак уже порядком задолжала...

Фьяцла чуть слышно хмыкает. С этой все понятно. Как и многие проигралась. Пристыженная иллиорка убирает кинжал в ножны и смиренно опускает взгляд. Довольная Атцла произносит:

— Ступай, у тебя еще много дел. — Когда Глори уже собирается удалиться из кабинета, она добавляет: — и не забудь найти этого зловредного мага. От него необходимо избавиться.

Девушка настораживается. Бабуля даже не заметила фантом. Это же теперь придется от них по всему замку скрываться, а полог она долго не продержит.

Сестра мага выходит из помещения, и, избавившаяся от препятствия, Атцла продолжает рыться в шкафу, самозабвенно предаваясь поиску того, чего здесь уже и след простыл.

— И это все?.. — спрашивает опешившая Фьяцла, дергая Крома за рукав.

— Получается, что так. Наверное, не хочет потерять ценные кадры. Сколько же она потратила времени, чтобы уговорить мою неприступную, как скала, сестрицу работать на нее? Что посулила? — задумчиво пожимает плечами маг, наблюдая за потугами эсхиллки найти то, чего нет. — Подождем, когда она закончит здесь и позаимствуем у Ахрона список томов энциклопедии. Необходимо проверить догадки, найти пропавшую книгу.

Он опускает на пол.

Фьяцла следует его примеру, ведь неизвестно, сколько времени Атцла собирается переворачивать полочку за полочкой.

В скором времени эсхиллке надоедает переворачивать весь хлам, хранящийся в шкафу. Она выныривает из него, закрывает дверцу и выталкивается из кабинета, приговаривая на ходу:

— Если я не могу выбраться из этого княжества, и мои девочки не могут сюда проникнуть, то буду ждать тебя здесь, отродье Темного леса.

Как только Атцла скрывается в коридоре, Фьяцла и Кром встают с пола и скидывают полог невидимости.

Маг бросается к столу, из которого выуживает кипу листов.

Фьяцла медленно подходит к двери и выглядывает в щель, которую оставила ее бабуля, прикрывая дверь. В конце коридора медленно переваливается с ноги на ногу огромная туша.

Она отходит от двери и направляется к столу, возле которого Кром уже всю листал список.

— Открывай портал в комнату Ахрона... — произносит он, оторвавшись от чтения и обреченно уставившись на нее.

Фьяцла удивленно спрашивает:

— Ты сам предлагаешь мне открыть портал? Что-то, наверное, в Темном лесу сдохло. А

вдруг они полезут туда?

— Не полезут. Не смогут снять охранки. Их еще пять тысяч лет назад установили при деде Ахрона, с помощью человеческих заклятий. Работал над ними сам Мелиас Многомудрый.

После этих слов, девушка перестает задавать вопросы. Она открывает портал, в который тут же вваливаются оба, так как послышался скрип двери.

Тьяцла замечает мага краем глаза. Сразу бросается отсутствие бороды и седины, перед девушками оказывается довольно молодой мужчина с темными волосами. По прикидкам эсхиллки — человек, как и первоначально, но уже не перешедший черту глубокой старости, а лет так тридцати от роду. Она никогда не была мастером определения возраст, так как в обществе никогда не появлялась и пребывала только в своей комнате, помимо тех моментов, когда ее выпускали из нее в сопровождении Атцлы, Арицлы или одной из их служанок, которые хорошо ориентировались в коридорах замка-лабиринта.

Девушка сидит с отвисшей челюстью на полу, руками зажимая уши, в которых до сих пор раздается эхо вопля Норн. Иллиорка останавливает потуги поднять с пола, не желающую вставать эсхиллку, и отпускает ее локти.

Мужчина долго с негодованием взирает на представшую картину и, в конце концов, произносит:

— Норн, ты же оглушила ее... Зачем надо было так визжать? — он медленно подходит к ним, подхватывает Тьяцлу за подмышки и водружает на ноги. Она тут же порывается сползти обратно, но ей не позволяют совершить новый маневр. Маг, придерживая эсхиллку, продолжает: — иди наверх и приведи себя в порядок. Ты выдвигаешься первой, мы с ней следом, — подготовишь все, что необходимо для передачи.

Тьяцла с еще большим удивлением смотрит на этих двоих и только ртом беззвучно хлопает. После сказанных магом слов, мысли мельтешат мушиным роем, стремительно и не останавливаясь, чтобы быть полностью осмысленными.

— Куда?.. Зачем?.. — только и выдавливает она, повисая на держащей ее руке.

Маг ничего не отвечает, а девица по имени Норн пожимает плечами, надувает губы и уносится туда, откуда пришла.

Эсхиллка, наконец, твердо встает на ноги, скидывает с себя чужеродную конечность, разворачивается к мужчине и спрашивает:

— Ну, так куда и зачем?

Удивленный, таким быстрым изменением в ее поведении, маг отвечает:

— Нас просто наняли найти и довести тебя до заброшенной хижины в Ардарском лесу...

— Хм... — задумчиво хмыкает Тьяцла, переводя взгляд с лица собеседника на пол под его ногами. — Кто нанял?..

— Ирион Лангарский... — просто отвечает маг, имени которого она так пока и не узнала, и выпучивает глаза: — как?..

— Стало быть, папочка... — произносит девушка и разъясняет: — наверное, вам много чего обо мне рассказал, но он не знает одного, что в меня все-таки вбили некоторые навыки присущие вторым дочерям. — Она поднимает взгляд, смотрит на вытягивающееся лицо мага и добавляет: — вы оба не сможете этому противостоять, тем более с открывшимся источником.

— Черт, и почему он об этом не знал?

— Матушка к тому времени с ним развелась.

Мужчина ничего не отвечает.

Тьяцла в тишине начинает бродить по залу, рассматривая все, что попадалось ей на пути. Просто чтобы занять себя чем-нибудь. Через некоторое время она снова говорит:

— Мне нужно научиться контролировать это, да и свои новоприобретенные силы тоже... — оборачивается к магу, внимательно смотрит на него. — Вы смогли бы взяться за мое обучение? Тогда бы похищение оправдало себя... Тот мужчина итак знает что отвечу и я, и моя мать, и все члены моей семейки: не видать ему родительских прав, как своих ушей — развод они оформляли по законам эсхилл...

Маг так же неотрывно и внимательно, будто оценивая ее способности, впрочем, так оно и было, смотрит на нее, а потом отвечает:

— В дороге я помогу тебе с освоением контроля. А там как получится, зависит от того сколько дней будем добираться до этой хижины.

Девушка задумчиво склоняет голову к плечу. Ну, хоть что-то. В ином случае ей пришлось бы искать кого-то другого. То, что сделал этот маг, не позволило бы ей долго проходить в неконтролируемом состоянии.

Новость о том, что ее похищают, не так поражает ее, как та, что ее все-таки согласились обучать. Хоть, как ей кажется, и непродолжительный промежуток времени, но за него ее научат контролю. И не надо будет бояться, что ее в один прекрасный или не очень день, вдруг разорвет на части.

Тьяцла хочет еще что-то сказать, но ее прерывают медленные шаги. По лестнице степенно спускается женщина. Внешне ей можно дать лет двадцать пять. Но эсхиллка быстро замечает, что ее черты лица очень схожи с Норн. Да и телосложение осталось то же самое.

Наверное, она никогда не выйдет из состояния потрясенного удивления — это и правда Норн. Только на десяток лет старше и в черной амазонке, а не в платьице с рюшами.

Она медленно подходит к магу и, капризно надув губки, произносит:

— Ты все испортил, Мел. Я, может, хотела последние пять минут пребывания здесь побыть более молодой, чем положено.

— Все равно после того, как ты обратишься обратно в человека — будешь выглядеть на свой настоящий возраст: древней пяти тысячелетней старушкой, — с беззлобной издевкой отвечает маг, которого зовут Мел, явно в сокращении.

— А это уже оскорбление, — она отворачивается от него и обращает внимание на эсхиллку, которая за это время уже успела подобрать челюсть и создать видимость невозмутимости. Она подходит к Тьяцле и внимательно осматривает со всех сторон, обходя ее вокруг. — Первый раз за последние триста лет вижу эсхиллку, которая связала себя с кем-то нерушимыми узами... — подумав немного продолжает: — хотела сбежать, но получилось наоборот...

— О чем вы? — в недоумении спрашивает девушка. Она даже не подозревала о чем-то таком. Когда она продумывала план, она думала только о том, что будет абсолютно свободна ото всех, но, оказывается, у тех ритуалов было двойное дно.

— Придется тебе ждать неделю, чтобы удостовериться в правильности моих наблюдений, девочка, — отвечает иллиорка, не желая ничего разъяснять. — Поверь, то, что ты узнаешь, тебе не очень-то и понравится. Поздравляю с появлением первой ученицы, Мел.

Усмехнувшись, она отворачивается ото всех, идет к двери и, махнув на прощание

ручкой, выходит.

— Тьфу ты, — раздраженно произносит маг, смотря иллиорке в след: — она в своем репертуаре... Пойдем.

Он подталкивает Тьяцлу к выходу.

Девушка бредет следом за ним, продолжая на ходу осматривать помещение, которое в общем-то уже все успела обследовать.

На улице безлюдно, у тротуара стоит знакомая телега.

Норн, которая покинула дом минутой ранее, нигде не наблюдается. Маг, не замечая этой странности, как будто, так и надо, но которые не может обойти своим вниманием Тьяцла, медленно идет к транспорту и влезает на козлы.

Эхиллка еще раз осматривается вокруг и спускается по ступеням, бредет к телеге и громоздится на облучок, свесив с края ноги.

Маг, убедившись, что она заняла свое место, дергает за поводья. Лошадь, прядая ушами, трогается с места.

Тихим шагом они продвигаются в сторону ближайших ворот.

Вот уже неделю Ахрон в лесных дебрях и лабиринтах городов пытается разыскать Тьяцлу. Но безрезультатно. Где бы он ни бывал, никто не видел девицы, единственным опознавательным знаком которой были неестественные металлические волосы. О том, что она могла их обстричь, он как-то не подумал. Так как он видел ее всего пару раз, больше ничего особенного в глаза не бросилось.

Ее след потерялся сразу после Нормана.

Сейчас Ахрон въезжает в очередной лес, отделенный от предыдущего широкой полосой полей, вдоль которой тянется узкая ухабистая дорога.

Вокруг него возвышаются высокие толстоствольные древние деревья, кроны которых почти не пропускают солнечный свет, и чахлые кусты и молодые деревца представляют собой здесь полусгнившие остовы. Копыта коня глубоко увязают в сырой подтопленной почве, при каждом шаге раздается глухой шелест тяжелой мокрой листвы.

Темный внимательно осматривает узкую тропинку, протоптанную кем-то, кто проезжал тут до него. Или пробегал: в гниющих листьях виднеется цепочка еле видных следов.

Скрюченные сухие ветки цепляются за ворот, разрывают ткань одежды и больно бьют по голове, рукам, спине.

Спешившись, Ахрон берет коня под уздцы и идет в чащу, на ходу изучая полустертые отпечатки крупных лап. Слишком больших, чтобы быть волчьими, но, несомненно, принадлежащих именно этому животному.

Передвижение не стало удобным, но сухая растительность уже не так мешает пробираться вперед. Стелящиеся по сырой земле кусты громко хрустят под сапогами, а чахлая трава чавкает. Остающиеся за ним следы сразу напитываются водой.

Сквозь промежутки между широкими стволами деревьев, вдалеке виднеется просвет. Темный спешит туда, ведя упирающегося коня за собой. Животине с самого начала не понравилась идея идти в этот лес.

Они выходят на небольшую поляну, поросшую невысокой, свежей травой и живыми кустами.

Ахрон стреноживает коня и отпускает его пастись. Сам усаживается на бревно, которое так удачно здесь лежит, как будто кто-то до него здесь уже останавливался.

Тропка, по которой он сюда добрался, ведет через поляну к противоположной стороне, где скрывается среди деревьев. Видно, что там нет сырости и деревья не столь велики. Передвигаться будет легче.

В течение всего путешествия он много раз думал о том, как там, в княжестве, справляется Кром, от него всю неделю не было никаких вестей. Вроде бы и беспокоиться не о чем, маг всегда хорошо справлялся с делами в его отсутствие, но внутреннее чутье подсказывает, что что-то за это время случилось. Да и сейчас происходит. С ним.

Внутри появляется дискомфорт. В горло медленно поднимается ком, по телу разливается жар, а левую руку до локтя медленно охватывает кольцо боли, которая с каждой секундой все усиливается и усиливается. Ахрон медленно встряхивает рукой, думая, что так избавится от напасти, но от нехитрого движения становится хуже.

Темный вскакивает с бревна, но тут же опускается обратно. Перед глазами темнеет, голова кружится, а где-то в глубине сознания поднимается что-то дикое и разъяренное. Что-

то, что не дает ему провалиться в темноту. Что-то, что держит в сознании, которое медленно преобразовывается в нечто иное, чем есть на самом деле.

Помутившимся взглядом он смотрит на руку и видит, как на запястье, там, где оно не было прикрыто манжетой, на коже начинают проявляться серые линии, уходящие под ткань. Закатывая рукав выше, замечает, что эти бледные спиралевидные полосы тянутся до локтя, где плавно прерываются. С каждым мгновением цвет их становится темнее, пока не наливается угольной чернотой.

Ахрон с ужасом взирает на весь процесс преобразования чужеродного явления, когда за спиной раздается громкий шорох, хруст веток и тихие причитания со всхлипами. Он вскакивает со своего наместа, не обращая внимания на вертящийся и мигающий перед глазами мир, и поворачивается к источнику шума.

В это мгновение он понимает, что лучше бы он этого не делал

У самой кромки леса, согнувшись пополам и прижимая к себе покрытую тонкими черными линиями руку, стоит короткостриженная тощая девица, которая не сразу замечает на поляне чужое присутствие. Она поднимает голову, отбрасывает с лица жесткие темные волосы и смотрит на Ахрона. Глаза медленно округляются от страха, а на лице застывает гримаса ужаса. Эсхиллка что-то вопит на своем языке и улепетывает в лес, проламывая в кустарнике широкую тропу.

Этого хватило Темному, чтобы узнать в беглянке сбежавшую невесту. Он хочет окликнуть ее, но из глотки вырывается яростный рык. В бешенстве от того, что не может внятно выразить мысли, он бросается вслед за Тьяцлой. Ломая попадающиеся на пути кусты и молодые деревья, он со всех лап пытается догнать девицу, которая, вопя во все горло, несется куда глаза глядят.

Погоня длится долго, пока девица, запыхавшись и сгибаясь пополам, не выскакивает на большое пустое пространство, на котором ютится одинокая телега, запряженная единственным конем. Неподалеку от нее разожжен небольшой костерок и рядом с ним расположился некий мужчина. Увидев, что из леса чуть ли не выползает эсхиллка, он вскакивает на ноги и бросается ей на помощь. Но когда видит, причину плачевного состояния девушки, останавливается, как вкопанный.

Ахрон, увидев новое действующее лицо, останавливается. Медленно обводит взглядом присутствующих и пытается что-то сказать, но слышит все тот же рык. Он опускает взгляд на руки и тяжело вздыхает, когда видит вместо них покрытые шерстью когтистые лапы.

Темный снова смотрит на человека и понимает, что где-то его видел... или слышал о нем. Приходит к выводу, что и видел его, и слышал о нем. Только слухи все не особо-то и лестные, в основном о любовных похождениях, которые обычно разносят придворные дамы и их мужья-рогоносцы. Медленно, но верно в памяти всплывают его многочисленные прозвища: Мелиас Многомудрый — появившееся спустя примерно тысячу лет магической практики; Пройдоха Мелиас — одно из первых, когда тот сбежал из дома, чтобы поступить в магическую академию и зарабатывать себе на жизнь воровством, грабежом, шулерством и многим другим, и это не смотря на то, что вырос он в семье, род которой простирает свои корни еще в те времена, когда только появились зачатки Темной империи; следующими были Развратник Мелиас, Мелиас Распутник и далее, и далее. В последнее время новостей о нем не было, вроде как поговаривали, что он, спустя пять тысяч лет, остепенился, женился и вообще ведет праведный образ жизни.

Сейчас же последние слухи как-то сразу отодвигаются на второй план. Даже те, в

которых говорится, что он давно и благополучно женат. Ведь он находится в обществе очередной дамочки.

Полукровка переводит взгляд на эхиллку, которая выглядывает из-за телеги, и что-то рычит.

Тьяцла в ответ шипит:

— Нормально говори...

И прячется еще дальше.

Ахрон недоумевая, переводит взгляд на мага. Из-за телеги раздается невнятное бормотание. На что Мелиас разводит руками. Иллиор вздыхает и пытается вспомнить, что там советовал Кром, когда он обратился второй раз. Успокоиться или что?

Подтверждая его мысли, маг произносит:

— Успокойся, подумай о чем-нибудь хорошем...

Темный фыркает, но совет принимает на заметку. Мысли возвращаются в прошлое, когда он наконец-то избавился ото всех недоброжелателей, которые позарились на его Темное княжество. По спине, вдоль позвоночника, пробегает волна дрожи. Он медленно и болезненно возвращается в прежнее обличье.

Пока Темный корчится, свернувшись калачиком на земле, Мелиас, ползав в телеге, выуживает из-под чего-то, в далеком прошлом похожем на тюк сена, огромную рубаху. Подходит к страдальцу и накидывает на него найденную одежду.

Тьяцла пребывает за телегой ровно до того момента, пока Ахрон полностью не возвратился к нормальному облику. Как только процесс превращения завершается, она выходит из-за укрытия и садится на бревно, подальше от внезапно появившегося из неоткуда мужа. Который медленно приходит в себя и пытается сесть. Как только это действие получается, он снова осматривает место действия и присутствующих, в том числе и клячу с телегой. Они в свою очередь произвели его детальный осмотр.

Мелиас, который с самого появления на поляне Темного догадывался о том, кто это и кем приходится улепетывавшей от него девице, обращается к Тьяцле:

— Это не тот, случаем, от которого ты сбежала, устроив уморительное представление? Похоже, ему понравился твой подарок...

Договорить он не успевает, Ахрон перебивает, подозрительно на него косясь:

— Думаю, это не особо важно... — он тыкает пальцем в сторону эхиллки: — ты... как ты посмела уйти, не подумав о том, что барьер висит на тебе?!

— Я отлично знаю, что Кром привязал его ко мне... — шипит Тьяцла, подобравшись так, как будто готова броситься на иллиора и выцарапать ему глаза. — Но я и думать не смела, что они подстроят такую подлянку. Ты мне совершенно не нужен, и я собираюсь продолжить свое путешествие... — она складывает руки на груди и демонстративно отворачивается. — Меня, между прочим, похитили.

— Уж не он ли? — спрашивает Ахрон, указывая подбородком на молчаливо стоявшего в стороне мага. — А я думаю, с чего это ты разгуливаешь посреди леса со знаменитым Развратником Мелиасом...

Тьяцла заинтересованно смотрит на Мелиаса:

— О! Так вы мне не все рассказали...

— Что? — одновременно спрашивают мужчины.

— Ничего... — коротко произносит эхиллка, поворачиваясь к Темному, в голосе слышится неприкрытое раздражение: — он ведет меня на встречу с отцом. В конце концов,

ему нужно раскрыть глаза на то, что он никогда не имел права лезть в мою жизнь... И может уже оденешься?..

Ахрон осматривает себя, закутывается чуть ли не с головой в рубаху, встает и бредет в лес. На ходу бросает через плечо:

— Только попробуйте куда-нибудь уйти...

Он долго бредет до своей стоянки. Достает из седельной сумки запасной комплект одежды и натягивает ее. Отвязывает коня и ведет на поводу к поляне, на которой оставил беглянку и ее похитителя.

Когда он выходит из зарослей, поляна предстает перед ним в том же виде, в котором была при первом его появлении здесь. Все, кого он здесь оставил, так и пребывали здесь.

Вот уже неделю Тьяцла в компании Мелиаса, она все же удосужилась узнать его имя, пробирается лесами и долами куда-то, куда она не знает. За эти дни маг обучил ее контролю над магическим источником и некоторым трюкам, самым легким, которые еще помнил с молодости. Постепенно обучение набирало обороты и с каждым разом задания, которые он ей давал, были все сложнее и сложнее. Помимо эсхилльских, она узнала несколько иллиорских и используемых людьми плетений, которые не смогла бы освоить, если бы пребывала в том же состоянии, как и до блокировки источника — полной силы эсхилл.

Все путешествие проходит по определенному магом графику: ранний подъем, до полудня продвигаются дальше, после стоянка. Час занятий по магии, час физических упражнений, для укрепления тела. Обед и снова в дорогу. И так до захода солнца, поиск места для ночлега, ужин и сон.

В таком темпе они уже меньше чем через пять дней должны добраться до бывшей границы Темной империи. Туда, где начинаются степи Эсхилл, в прошлом постоянное обиталище народа Тьяцлы. Сразу за ними, за тонкой полосой леса, начинается королевство Эрдолл, небольшое пространство земли, целиком и полностью принадлежащее вампирам.

Как еще в начале пути сказал Мелиас: обитатели королевства не пускают через границу никого, хоть как-то отличающегося от них. Они останутся в небольшой хижине на границе леса, где их будет ждать Норн, или, если не сокращать, Норножетта. Там и произойдет встреча, на которой девушка собирается высказать все о том, что думает об отце и о его поддержке, которую он намерен ей оказать в борьбе с несносными родственницами. Последнее тоже со слов мага.

Конечно же, Тьяцла в этом даже ни минуты не сомневалась, еще он попытается предъявить свои права на нее, как несовершеннолетнюю, по меркам вампиров, дочь. Ей такого счастья не надо. Тем более, из-за особенностей эсхилльской магии ему будет практически невозможно доказать отцовство. Она перекраивает все, в том числе и пол ребенка, но тут бывают все же сбои и рождаются мальчики, которых бросают на произвол судьбы, серые и невзрачные и, если правильно обученные, смертельно опасные.

И все-таки она в некоторой степени была благодарна за то, что родилась именно эсхиллкой и именно третьей дочерью матриарха. Вот только эта ситуация с "похищением" все омрачает и рушит планы.

Девушка тяжело вдыхает и сползает с телеги, которая минутой ранее остановилась на обширной поляне, окруженной густым лесом. Она понимает, что устроилась с комфортом, но все же досками отбила себе все, что только можно. Да еще и длительность пути, и скорость передвижения не позволяют ей хотя бы немного пройти пешком. Удивительно, что транспортное средство при такой интенсивности движения еще не развалилось и даже не

думает почтить в завалах всякого барахла, которым нагрузил его маг перед отъездом.

Первое, что решает сделать Тьяцла, когда оказывается твердо стоящей на земле, — потянуться, со вкусом и хрустом. Иначе затекшие конечности двигаться не собирались. Второе, доковылять до коряги и плюхнуться на нее. Желание сбежать от мага подальше с новой силой гложет ее. Этот человек раздражал ее своей манерой обращаться с ней. Девушка уже несколько дней в своих думах приходит к выводу, что он ничем не лучше представителей ее семейки.

Она выполняет все его требования, задания и вообще, как может, старается в учебе, ведь за неделю она смогла освоить почти все, что касается контроля источника, а он... она обиженно надувается и исподлобья наблюдает, как нехороший человек спускается с козел, осматривает место стоянки и идет собирать хворост для костра. Ее брови медленно в удивлении ползут на лоб — обычно за растопкой он посылает ее, а тут сам идет. Что-то подсказывает, что более солидные ветки пойдет собирать она.

Намек понят, она пойдет их искать, прямо сейчас, только отсидится немного. Жаль, что нельзя использовать для костра корягу, на которой устроилась она, ведь иначе не на чем будет сидеть. Конечно, ей не привыкать к неудобствам, — ведь жила раньше как-то с матерью-деспотом, которая держала ее в здравии и при себе только из желания заполучить черное золото, — но не на холодной же земле сидеть?

Девушка встает с сучковатого поваленного дерева и бредет на поиски дров. Бродить ей пришлось долго, то ли ветки не падают, то ли до них здесь кто-то был, но в итоге долгих блужданий и неожиданных, из-за этого не менее страшных, столкновений с Мелиасом, все же находит большую ветвистую корягу.

Дотянув ту до поляны, девушка застает уже разведенный костер и мирно сидящего, на перетащенном туда бревне, мага.

Зыркнув в ее сторону, Мелиас произносит:

— И где тебя носило? Уже давно могла бы отыскать все, что нужно. Я ведь тебе объяснял, что нужно делать.

Тьяцла медленно начинает закипать — скоро точно сорвется и кинется избивать древнего мага. Одновременно с этим, щеки девушки заливают краска стыда, маг и правда рассказывал, как можно искать потерянные вещи и все необходимое намного быстрее. Но у нее это благополучно вылетело из головы еще во время их продвижения, так ее растрясло.

Опустив голову и уставившись на обувь, она тихо отвечает:

— Забыла я.

— Будем повторять, — говорит маг, подкидывая в костерок очередную ветку.

— Я... Я бы хотела немного отдохнуть для начала... — неуверенно произносит Тьяцла, упрямо складывая на груди руки.

Мужчина долго смотрит на нее, а потом выдает:

— Не веди себя как ребенок, ты итак уже отдохнула в дороге. Так что сейчас мы должны быстро пробежаться по изученному и продолжить путь.

— Но... ведь... на этой неделе... — чуть не плача выдавливают девушка. Она хочет сказать еще что-то, но замолкает. Внезапно левую руку пронзает болью. Тьяцла, прикусив губу, бормочет: — я сейчас вернусь. Я не на долго.

Разворачивается к лесу, срывается с места и скрывается за кустами.

Мелиасу остается только недоуменно пожать плечами и вернуться к костру.

Тьяцла несется через густые заросли кустов. Руку с новой силой терзает боль. К этому

она с детства привыкла, но именно эта... эта заставляет скулить, как побитая собака, и мечтать о том, чтобы свернуться в калачик под каким-нибудь деревом, думая о том, как бы не сдохнуть прямо сейчас же.

Она, сгибаясь в три погибели, выбегает на опушку одной из множества полян и останавливается, чтобы отдышаться. Но не тут-то было. Ее смущает чужое присутствие. Подняв взгляд от жухлой листвы под ногами, девушка встречается со взглядом темно-карих глаз на огромной медвежьей морде. Чудовище стояло далеко, ровно в центре свободного пространства, не узнать его с такого расстояния было невозможно. Она судорожно сглатывает, вопит во всю глотку что-то, что сама не разбирает, разворачивается и, не обращая внимание на гложащую руку боль и расплывающийся перед глазами мир, несется обратно. Дорогу она не запомнила, но как-то надо удирать от новоиспеченного мужа.

За спиной раздается чудовищный животный рев.

Тьяцла успела заметить на, еще не полностью трансформировавшейся, руке Ахрона спиралевидные черные линии, покрывающие все предплечье, такие же как и у нее.

Баюкая левую руку в правой, спотыкаясь и цепляясь одеждой за низкие ветки, она несется что есть силы к оставленной недавно поляне. На этот забег открывается второе дыхание, хоть уже и чувствуется покалывание в боку. Голова начинает кружиться с новой силой и еще больше хочется, как до этого, свалиться, реветь и уморить преследователя стенаниями о бездарно прожитой жизни и невозможности осуществить желаемое. Только вот, нельзя. Не заметит еще в зарослях — затопчет.

Она продолжает бежать через силу, впереди уже маячат просветы в густых ветвях и долетает далекий еще запах дыма.

Тьяцла облегченно вздыхает, ускоряет бег и, буквально, вылетает на поляну, где, пробежав мимо вскочившего с коряги мага, прячется за телегу.

Уже из-за укрытия она наблюдает за странными переглядываниями Мелиаса и оборотня. Будто приняв какое-то решение, Темный переводит взгляд на, выглядывающую поверх набитых чем-то тюков, девушку и рычит.

Она же, в свою очередь, в долгу не остается и шипит, как заправская змея:

— Нормально говори...

И забивается еще дальше за телегу, было бы возможно — уже давно под нее забралась.

Бормочет:

— Почище бабули рычит, матушка бы позавидовала.

Несколько минут тишины и за пределами ее спасительного островка раздается:

— Успокойся, подумай о чем-нибудь хорошем...

Ответом следует тихое фырканье.

А Тьяцла в самом деле задумывается. О хорошем. Как она избавляется от лишнего элемента в своей жизни, как отправляется в путешествие без дополнительного груза и как, в конце концов, избавляет мир от тлетворного влияния родственничков. Последнюю мысль она все же отменяет — лишняя. Да и не получится у нее ничего. Нечего противопоставить их общей силе, и по одиночке они слишком опасны.

Из размышлений ее выводит шорох соломы в телеге. Выждав еще немного, она выходит из-за телеги.

Настороженно косясь в сторону новоприбывшего, девушка бочком пробирается к бревну, садится и продолжает исподтишка высверливать взглядом дыры в Темном. Огромная, просто необъятная рубаха, — у кого ее Мелиас утащил? — придает ему

совершенно нелепый вид, но при этом никоим образом не портит врожденную аристократичную красоту. Только вот парадная форма ему больше к лицу. Она вздыхает, лучше б был какой-нибудь урод, легче было бы избавиться.

— Это не тот, случаем, от которого ты сбежала, устроив уморительное представление? Похоже, ему понравился твой подарок...

Ахрон перебивает его:

— Думаю, это не особо важно... — он уличительно тыкает пальцем в сторону Тьяцлы, которая недоуменно хлопает ресницами: — ты... как ты посмела уйти, не подумав о том, что барьер висит на тебе?!

— Я отлично знаю, что Кром привязал его ко мне... — шипит Тьяцла. Сейчас ей очень хочется броситься на полукровку, но приходится держать себя в руках, иначе последствия будут необратимы. — Но я и думать не смела, что они подстроят такую подлянку. Ты мне совершенно не нужен, и я собираюсь продолжить свое путешествие... — она складывает руки на груди и демонстративно отворачивается. — Меня, между прочим, похитили.

— Уж не он ли? — спрашивает Ахрон, пренебрежительно указывая подбородком на, молчаливо стоявшего в стороне, мага. — А я думаю, с чего это ты разгуливаешь посреди леса со знаменитым Развратником Мелиасом...

Тьяцла заинтересованно смотрит на Мелиаса, мысленно расчлняя иллиора:

— О! Так вы мне не все рассказали...

— Что? — округлившиеся глаза мужчин заставляют ее мысленно посмеяться, и ведь она рассчитывала именно на такую реакцию, теперь хотя бы замолчали.

— Ничего... — коротко произносит эхиллка, поворачиваясь к Темному, в голосе слышится неприкрытое раздражение: — он ведет меня на встречу с отцом. В конце концов, ему нужно раскрыть глаза на то, что он никогда не имел права лезть в мою жизнь... И может, уже оденешься?..

Тьяцла с Мелиасом наблюдают за тем, как Ахрон осматривает себя, закутывается, чуть ли не с головой в рубаху, встает и бредет в лес. На ходу бросает через плечо:

— Только попробуйте куда-нибудь уйти...

Девушка на это только хмыкает, а маг пожимает плечами.

Медленно, но целенаправленно, Кром карабкается по отвесной стене к крыше, куда пожелала вывесить красные панталоны бабули Фьяцла. Откуда она их стянула и как смогла подбить его на эту авантюру, маг не знает, но умудряется в своем незавидном положении посмеиваться над сложившейся ситуацией.

А все произошло так.

Всю неделю он занимается сверкой списка книг энциклопедии, изредка прерывая работу на короткий сон. Эхиллка все эти дни проводит в вылазках: успевае пробираться в те места, о которых даже он не подозревал, будучи постоянным обитателем резиденции Темного. Что вводит его в недоумение, так это то, что она пребывает в своем немного сдутом облике всю неделю и никакие последствия не спешат проявить себя каким-либо образом. Хотя, возможно, для этого нужно больше времени. Как прирожденный экспериментатор он продолжает ждать момента, когда наконец-то они начнут проявляться.

Кром, сверяясь со списком, пролистывает очередную книгу, когда в комнату Ахрона на всех парах влетает, размахивая необъятным полотнищем, девушка. Счастливая улыбка до ушей и лихорадочный блеск в глазах наводят его на мысль, что эхиллка снова успела нагрять в винный погреб, который смогла собственноручно вскрыть. Погреб этот уже с

десяток лет не вскрывали, так как однажды забыли заклинание-ключ, о нем знает только неуловимый Мелиас Многомудрый, которого днем с огнем не сыщешь. Так что, вновь открытый погреб заставил изрядно поудивляться слуг, которые тут же совершили несколько плановых набегов под шумок, пока Атцла старательно делала вид, что не замечает происходящее.

При эсхилке тут же находится и доказательство поползновения в долгое время недоступную часть замка — заткнутая за пояс початая бутылка, вполне вероятно, не первая.

Кром некоторое время внимательно смотрит на Фьяцлу, обреченно вздыхает и вопрошает:

— И какую блажь ты на этот раз придумала?

Он уже ничему не удивляется, за прошедшую неделю чего только не пережил, благо она не отвлекала его от основной работы. Про эсхилку он знает много, с легкой подачи все той же Тьяцлы, но таких он видит впервые или это из-за того, что раньше он не особо горел желанием общаться с вторыми дочерьми матриарха? Неусидчивая, неугомонная, срывающаяся с места при каждом заинтересовавшем шорохе, от каждой новой идеи... Не такой он себе раньше представлял первоклассную шпионку и убийцу.

Она, продолжая усиленно улыбаться, после непродолжительной паузы отвечает:

— А я тут трофеей раздобыла! — заплетающийся язык портит четкую дикцию, от чего все звучит как змеиное шипение. Она растягивает резинку гипертрофированного красного безобразия руками. — Бабулины. Эксклюзивные.

Маг чувствует как начинает дергаться глаз. Перед мысленным взглядом встала картина несоразмерности броненюбочки с красным полотнищем, притащенной эсхилкой. Как?! Как она смогла под металлическими микропластинами скрыть ЭТО?!

Пока он пребывает в протрации от такой новости, Фьяцла швыряет трофеей ему на колени и произносит:

— У меня, вдруг, появилась идея... — ухмылка, расплзшаяся по лицу эсхилки, не внушает Кром ни одной мысли о светлом будущем.

Тем более, со слов Тьяцлы он знает — спорить с пьяной эсхилкой все одно, что бодаться с бешеной виверной за новые ворота. Совершенно бессмысленно и бесполезно. Ему ничего не остается, как согласиться на эту авантюру до объяснения ее сути. Здоровье дороже.

Лучше бы он рискнул здоровьем и отказался, чем карабкался по стене, чтобы вывесить чужие панталоны на шпиле башни.

Когда он собирается идти на попятную, девушка переходит к тяжелой артиллерии, выуживает бутылку из-за пояса, откупоривает ее и подходит вплотную к, сидящему на полу, магу. Все с той же ухмылкой на губах, присаживается перед ним.

Подозревая что-то неладное, Кром порывается встать и поспешно сбежать от явной опасности, но его останавливает внезапно нависшая над ним эсхилка в своей основной форме. Мужчина вжимается спиной в стеллаж, пытаясь увеличить разделяющее их расстояние, при этом он инстинктивно плотно сжимает губы и неотрывно следит за рукой с бутылкой. Поэтому он и пропускает тот момент, когда другой рукой она зажимает ему нос.

Он продолжает упрячиться, сжимать губы. Но воздух заканчивается и он открывает рот, чтобы глотнуть его, но Фьяцла бдит и подставляет к его губам горлышко бутылки.

Все так же продолжая натягивать на лицо ухмылку, эсхилка внимательно наблюдает за тем как Кром жадно глотает древнее крепленное вино, которое по вкусу только таким же

древним, как и оно, индивидам, и только успевают наклонять бутылку.

В ушах начинает звенеть, тиски сдавливать тисками, перед глазами поплыли темные круги. Маг конвульсивно дернул рукой, пытаясь безрезультатно отстраниться от почти пустой емкости. Но воительница сама убирает бутылку, зашвырнув куда-то. Единственное, что говорит об этом действии, оглушительный звон бьющегося стекла.

Наконец-то он свободно через рот вдыхает воздух, а не хлебает отвратительное пойло, которое только эхилке и пришлось по вкусу. Та выпускает его нос из захвата, встает на ноги и замирает в ожидании.

Чего она ждет, Кром понимает спустя пару секунд, которые еще пребывает в адекватном состоянии. Как только они проходят, на него наваливается головокружение, в ушах начинает звенеть с новой силой, невидимые тиски вновь вцепляются в виски, а в желудке волнуется выпитое.

С губ срывается тихое "ик" и маг выпучивает глаза на Фьяцлу.

— Ээээ?.. — тянет он, пытаясь сформулировать вопрос, заплетающийся язык отказывается действовать. На связную речь он не способен.

— Нужно же было как-то разрешить проблему, — пожимает плечами эхилка, которая снова приняла менее брутальное обличье. — Тем более, сама я не смогу взобраться наверх. А тебя сейчас самого потянет на подвиги.

Маг глубоко вдыхает, выдыхает, пытаясь смириться с произошедшим, прикрывает глаза, облокачивается спиной на стеллаж. Но тут же возвращается в исходную позу. Даже перед закрытыми глазами скачут черные круги, шум в голове становится невыносимым и не отпускает ощущение, что он сидит на какой-то карусели, которая вертится с невероятной скоростью. Ко всем прочим чудесным ощущениям, добавляются сонливость и тошнота.

Расфокусированным взглядом он смотрит на эхилку, которая продолжала, стоя в сторонке, наблюдать за ним.

— При...ик...дворным ма...гам за...прещен...но у...ик...потреб...пять аааа...пчхи... коголь... — поминутно прерываясь на икоту, а иногда и на чихание, выдавливает из себя Кром. — А у меня еше и эта... как... ик... там ее?..

И он начинает чесать все открытые участки тела.

Фьяцла с ужасом смотрит на Крома, который активно почесывает где-то в районе густой светлой шевелюры.

— Только не говори, что аллергия... — тихо произносит девица. А Кром активно кивает головой, да так что она чудом от плеч не отваливается.

— Ага! — кричит, при этом улыбается во все тридцать два, и активно почесывается. — Она самая!

Эхилка вздыхает, швыряет магу панталоны, которые тот ловит одной рукой, другой активно расчесывая нос, который из-за интенсивности движений начинает наливать красным цветом.

Кром встает и медленно передвигается поближе к окну, из которого еще совсем недавно выпрыгнула, чтобы покинуть негостеприимный замок, эхилка. Ему бы сейчас выбраться из этой духоты и вдохнуть свежий воздух, не хочется знать, какие последствия его ждут после, но это необходимо.

Он в очередной раз громогласно чихает, открывает окно, взбирается на подоконник и, обернувшись, произносит, смотря куда-то в сторону Фьяцлы, которая была уже не одна:

— Садюга!.. — обличительно тыкает пальцем в сторону одной из идентичных эхиллок.

Обе смотрят куда-то в сторону, при том одну, и недоуменно синхронно пожимают плечами.

Кром только досадливо сплевывает на пол из ларнейского дуба. Досадливо морщится, когда, через дебри хмеля, до него доходит, что совершил. Внезапно проснувшаяся совесть тут же уползает в дальний уголок, после понимания, что Ахрона в ближайшее время не предвидится и содеянное может до поры до времени оставаться безнаказанным.

Он вылезает из окна и почти без усилий карабкается по стене.

Медленно, но целенаправленно, Кром карабкается по отвесной стене к крыше, куда пожелала вывесить бабулины красные панталоны Фьяцла. Как она их стянула и смогла подбить его на эту авантюру, маг не помнит, но умудряется в своем незавидном положении посмеиваться над сложившейся ситуацией. Или она так и не сказала, как раздобыла свой трофей?

Периодически зависая на одной руке, он активно почесывается, посматривает вниз, где из окна выглядывала голова эхиллки и следила за его передвижением, а потом продолжает карабкаться.

Крыша все приближается, в голове начинает с новой силой шуметь, поднявшийся ни с того ни с сего ветер норовит сбросить, спасает только удерживающее на отвесной стене заклинание, которое он умудрился активировать без ошибок.

Как только у него получается перекинуть ногу через невысокое ограждение, расположенное по периметру крыши, ему приходится вцепиться в перекладину со всей силы. Здесь от шквального ветра магия не спасает. Быстро, но неловко, перебирая руками, он передвигается к подветренной стороне и отпускает железный прут, предоставляя ветру самому зашвырнуть его к высокому шпилю, на котором под стремительными потоками воздуха развевался флаг с гербом семейства Темных.

Кром, смеясь невпопад, так как свои же действия кажутся ему забавным развлечением, и проносясь при этом мимо металлической трубы, успевает зацепиться за холодную поверхность и повиснуть в горизонтальном положении, как тот же флаг.

Где-то в стороне сверкает молния, и маг, подавив приступ неуместного веселья, приступает к делу, иногда прерываясь, чтобы почесаться или самозабвенно чихнуть.

Родовой стяг Ахрона был снят и заменен на, надувшееся ветром словно парус, красное нижнее белье.

Когда Кром собирается спускаться с крыши, с неба падают первые капли дождя.

Протрезвевший под холодными потоками воды маг перелезает через подоконник комнаты Темного и, заливая дождевой водой пол из ларнейского дуба, валится с ног, когда внизу кто-то надрывно вскрикивает.

Приподнявшись на локтях, он осматривается и видит, свернувшуюся калачиком на деревянном полу, эхиллку. Та пребывает не в лучшем состоянии. Бледная, обливается холодным потом, болезненно морщится и вздрагивает при малейшем шорохе. Левая рука откинута в сторону, что-то сжимая, а на костяшках пальцев красуется влажный след. Место, куда он, не заметив, наступил.

Тяжко вздыхая, Кром встает с порядком нагретого и довольно удобного пола, подходит к скорчившейся девушке и садится рядом. Та приоткрывает один глаз, с ненавистью смотрит на него и разжимает кулак.

Маг долго с недоумением взирает на плотный скатанный комок бумаги, лежащий на ладони, и долго не решается взять его.

— Чего ты ждешь? Бери... я сейчас от перенапряжения помру... — хрипит Фьяцла. — И передай Темному, что у него не замок, а проходной двор... Эсхилл табунами ходят...

После произнесенных слов, девушка теряет сознание.

Кром, вместо того, чтобы взять бумажку, развернуть ее и рассмотреть содержимое, недоуменно хлопает глазами, пребывая в ступоре. Кто это ее до такого состояния довел?

Он встает с пола, подхватывает эсхиллку на руки и несет к кровати Ахрона, на которую укладывает ее, а сам возвращается к сиротливо лежащему на полу комочку бумаги.

Развернув и разгладив лист, он вчитывается в текст и понимает, что это страница из тома об иллиорах. Маг в очередной раз уверяется в том, что энциклопедию нужно было давно проинспектировать. Мало ли, что еще могло пропасть.

Он возвращается к стеллажу и принимается за прерванную работу. В скором времени он засыпает, сидя на полу в обнимку с увесистым томом.

Фьяцла крадучись подбирается к толстой дубовой двери покоев, которые выбрала для обитания бабуля. Из помещения не доносится ни звука, даже малейшего шороха не слышно.

Девушка подходит ближе и прикидывает ухом к замочной скважине, чтобы окончательно удостовериться в том, что родственница отсутствует на месте, и никто не застанет ее в неподобающем месте. Тем более, по уразумению той, она не должна здесь находиться.

В этом месте она открывает для себя много нового, не то, что во Флиосе, где она знала каждый уголок замка-лабиринта. Например, совсем недавно, во время вылазки в подвалы, она обнаружила никем неиспользуемую комнатку, которая оказалась винным погребом. Удивительно то, что там не было ни единого следа пребывания живых существ.

Естественно, она воспользовалась моментом и откупорила одну из запыленных бутылок. И до сих пор надеялась, что никто так и не заметил следы ее буйного празднования, хоть и относительной, но свободы от родственниц.

Перед тем, как наведаться к покоям бабули, она успела сбегать за парочкой бутылок и одну из них осушить до дна. Вторая пребывает за поясом — на потом. Возможно, в ближайшем будущем пригодится. Ведь не зря же ее посетила интересная мысль, которая пощекочет нервишки ей и взбесит бабулю, а экс-матриарх в бешенстве совершенно не дееспособное существо способное только размахивать руками, как ветряная мельница.

Фьяцла аккуратно поворачивает ручку, все в том же полусогнутом положении отходит и заглядывает в щелку. Только когда все видимое пространство комнаты было просканировано пытливым взглядом, девушка прокрадывается в помещение, тихо прикрыв за собой дверь.

Замок звонко щелкает, заставляя ее вздрогнуть от неожиданности. Она настороженно оглядывается и облегченно вздыхает, когда видит, что в помещении кроме нее больше никого.

Переведя дух, новоявленная партизанка крадется к шкафу. Останавливается, после недолгих раздумий открывает дверцу и теряется в его недрах, перебирая какие-то тряпки, железки и много чего еще.

Найдя то, зачем сюда пришла, девушка выбирается из предмета интерьера и, тяжело вздыхая о том, во что превратила за эту неделю шкаф бабуля, порывается идти к выходу, но останавливается.

За стеной слышны шаги, которые замирают перед дверью. Ручка начинает поворачиваться.

Фьяцла затравленно осматривает комнату в поисках укрытия. Единственное возможное оказывается шкафом, из которого она несколькими минутами ранее умыкнула красные

экслюзивные панталоны родственницы, которые та безумно любила и нежно лелеяла.

Единственное, что радует девушку в момент, когда она дельфинчиком ныряет в недра свалки на дне шкафа — если ее идея осуществится, то Атцлу парализует от бешенства минимум дня на три. Главное, чтобы за это время никто не вычислил местопребывание Крома.

Как только она притворяет за собой дверцы, погрузив тем самым пространство вокруг во мрак, в комнату стремительно врываются, со всей силы хлопая дверью. Разъяренной фурией носятся по помещению, переворачивая все вокруг и вопя во всю глотку голосом Атцлы:

— Как?! Как еще не нашли?! Я требую чтобы вы немедленно привели его сюда! А тут уж я сама решу, что с ним делать!

Последнее она произносит с особой злорадностью, моментально продумав последовательность попыток, которым подвергнет мага.

По крайней мере, Фьяцле кажется, что прозвучавшее отномилось именно к Крому, который сейчас пребывает в абсолютной безопасности.

— Но... мы уже весь замок обошли, а его нигде нет... — промямлил другой голос робко-робко, будто говоривший боится, что на него сейчас падет жестокая кара за неповновение.

Увесистый кулачище бабули со всей силы впечатывается в дверцу шкафа. Тот поскрипел, пошатался, но устоял. Фьяцле в это мгновение кажется, что ее временное пристанище сложится, как карточный домик.

Она пытается еще сильнее вжаться в стенку, за чьими-то старыми плащами, на случай, если родственница решит порыться в арсенале, который здесь устроила, но стремительно падает в темноту.

Девушка шлепается на каменный пол по среди обширного зала, освещенного четырьмя факелами. Четыре колонны, на которые они крепятся, поддерживают высокий свод, теряющийся в темноте.

Фьяцла приподнимается на локтях и осматривается вокруг. Тяжело вздыхает и, после непродолжительных усилий, встает на ноги. Ощупывает себя на предмет повреждений, проверяет бутылку на целостность.

И осматривается еще раз.

В центре зала находится высокий, ей по грудь, постамент из черного камня. Она медленно с опаской подходит к нему, не стоит спешить, когда есть впрямьность, что ропала в ловушку.

Гладкая поверхность камня отполирована до блеска, только в самом центре находится углубление неправильной формы, будто кусок просто взяли и выдрали из общей массы.

Зайтересованная эсхиллка порывается прикоснуться к находке, но тут же отдергивает руку, когда под кожей проскакивает разряд.

Иллиорская магия.

Девушка облегченно вздыхает, вовремя она среагировала, иначе осталась бы от нее небольшая кучка пепла. И ее задумку некому было бы реализовать.

Она еще раз обходит вокруг постамента, может что-то не заметила. Ненайда ничего нового, Фьяцла идет на поиски выхода.

Долго искать не приходится. В расположенных окружностью стенах, зияют темные провалы ходов, по одному на каждую сторону света.

Сопоставив в уме расположение выходов из странного подземелья и изученных комнат в замке, она направляется в северный тоннель.

Сколько она преодолела лестниц и поворотов, Фьяцла не знает, но к подходу к нужному месту успевает порядком устать. Потайная дверь открывается прямо напротив двери покоев Темного, что заставляет ее облегченно вздохнуть. Лишний раз никуда не надо плестись.

Немного отдышавшись, девушка расправляет добытые панталоны и на всех парах, открыв дверь с пинка, влетает в покои. Сверкая глазами и усиленно растягивая губы в улыбке, — на самом деле ей хотелось сейчас упасть прямо на пол и заснуть дней на десять, — размахивает над головой красным полотнищем.

Кром некоторое время смотрит на нее тяжелым взглядом и спрашивает:

— И какую блажь ты на этот раз придумала?

Эсхиллка, продолжая усиленно улыбаться, отвечает:

— А я тут трофей раздобыла! — заплетающийся язык портит четкую дикцию, от чего все звучит как змеиное шипение. Она растягивает резинку гипертрофированного красного безобразия руками. — Бабулины. Эксклюзивные.

Она, наблюдая в этот момент за магом, замечает, как у того начинает дергаться глаз. Она мысленно сочувствует ему, понимая о чем он думает. Ей тоже порой трудно представить как это полотно смотрится с бронюбочкой бабули. Хотя она уже давно должна была привыкнуть к этому.

Пока тот пребывает в прострации от такой новости, девушка швыряет трофей ему на колени и произносит:

— У меня, вдруг, появилась идея... — в этот момент Фьяцла понимает, что все ресурсы лицевых мышц исчерпаны и она не сможет ухмыльнуться еще шире. Вот сейчас и пригодится вторая бутылка!

Как ни странно, но Кром соглашается на авантю еще до того, как она успевает озвучить условия. Неужели Тьяцла ее расписала во всех самых мрачных красках? Ну и чудесно, можно не церемониться.

Вот она и не церемонясь с нежной иллиорской психикой рассказывает план:

— Итак, ты берешь эти панталоны, лезешь наверх и цепляешь их вместо флага. А что, мило будет смотреться, — добавляет она, замечая испуганный взгляд Крома.

Как она и предполагала, Кром идет на попятную. Только уже поздно брать слова назад.

Фьяцла выуживает из-за пояса бутылку, откупоривает ее и подходит вплотную к магу, который продолжает сидеть на полу. Присаживается перед ним.

Кром пытается сбежать, но она принимает более тяжеловесный облик и нависает над ним, заставляя тем самым вжаться спиной в стеллаж. Маг инстинктивно сжимает губы, косясь на руку с бутылкой. Заметив это, эсхиллка другой другой рукой зажимает ему нос и, когда у того не остается воздуха, вливает ему в рот все вино разом. Отняв емкость от его губ, она зашвыривает ее подальше и наслаждается звоном бьющегося стекла. Замирает в ожидании.

Маг икает и выпучивает на девушку затуманенные глаза.

— Ээээ?.. — тянет он, пытаясь сформулировать вопрос, заплетающийся язык отказывается действовать.

— Нужно же было как-то разрешить проблему, — пожимает плечами Фьяцла, снова принимая свою более сдутую форму. — Тем более, сама я не смогу взобраться наверх. А тебя сейчас самого потянет на подвиги.

Кром вздыхает и закрывает глаза.

Фьяцла отходит в сторонку и продолжает наблюдать за магом, который внезапно уставился на нее расфокусированным взглядом.

— При...ик...дворным ма...гам за...прещен...но у...ик...потреб...пять аааа...пчхи... коголь... — поминутно прерываясь на икоту, а иногда и на чихание, выдавливает он из себя. — А у мменя ешше и эта... как... ик... там ее?..

И он начинает чесать все открытые участки тела.

Фьяцла с ужасом смотрит на него, почесывающего где-то в районе густой светлой шевелюры.

— Только не говори, что аллергия... — тихо произносит она. Кром активно кивает.

— Ага! — кричит, при этом улыбается во все тридцать два, и активно почесывается. — Она самая!

Девушка вздыхает, швыряет магу панталоны, которые тот ловит одной рукой, другой активно расчесывая нос, который из-за интенсивности движений начинает наливаться красным цветом.

Кром встает и медленно передвигается поближе к окну, из которого еще совсем недавно выпрыгнула, чтобы покинуть негостеприимный замок, эсхилка.

Он в очередной раз громогласно чихает, открывает окно, взбирается на подоконник и, обернувшись, произносит:

— Садюга!.. — обличительно тыкает пальцем в сторону от Фьяцлы.

Эсхилка проследила взглядом до того места, куда он указывает, но не увидела там никого.

Когда маг скрывается за стеной, Фьяцла вздыхает спокойно и перестает растягивать лицевые мышцы.

В течении пяти дней Ахрон постоянно терпит монотонное бубнение новоиспеченной жены. Она практически без отдыха что-то бормочет под нос, при этом бросая в его сторону злые взгляды. Он бы и рад заткнуть уши, но воспитание не позволяет. И в отличии от девицы, которая восседает на телеге, он передвигается верхом.

Как говорит Мелиас, им осталось проехать до нужного места всего ничего. К вечеру они уже будут на месте. Это значит, что он скоро сможет отдохнуть от монотонного гула.

Когда началась вся эта история, он не подозревал на какие муки подписывается, но слово Атцлы не нарушали последние двести лет, а ранее несогласные погибали слишком изощренно. Поэтому ему пришлось согласиться, тем более требование было слишком ультимативным.

Мужчина уныло смотрит на девицу, которая сидит на телеге немного впереди и вздыхает. Как будто услышав этот вздох девушка поднимает взгляд и смотрит в ответ исподлобья. Как он охарактеризовал ее ранее? Слишком серая? А с таким взглядом вообще смахивает на волчонка. Мужская одежда висит на ней бесформенными мешками. Иллиор за время совместной дороги успел рассмотреть ее с ног до головы и мысленно раз десять прибить новоявленную родственницу, которой проигрался отец. Хотя, не совсем и новоявленную с учетом того, что ее дочь успела некоторое время побыть его мачехой. Он до сих пор с каким-то не здоровым умиротворением вспоминает как взащей выгнал Арицлу из Темного княжества и приказал Кромю, ко всему прочему, поставить на границе щит от вторжения эсхиллок.

И эта Тьяцла, как и говорили Грон с Кромом, больше похожа на парня, чем на девушку.

Ахрон отвлекается от размышлений и трет запястье, на котором спустя пять дней продолжают саднить темные спирали. Кто предложил провести древний ритуал, который подразумевает под собой абсолютную связь супругов. Не только физическую, но и духовную. Совершенно не разрывную, связывающую души и после смерти. Если он точно помнит, то когда он, разнервничавшись чуть не швырнул один из томов энциклопедии на пол, тот который об эсхилл, самым спокойным был маг. Возможно он с кем-то договорился, сам бы не догадался, сборник этот на дух не переносит и не заглядывал ни в одну книгу.

Он снова смотрит на баюкающую руку девицу. А ведь ее бормотание и постоянные взгляды исподлобья выглядят подозрительными. Уж не с ней ли Кром сговорился?

— Чертов маг, пора его сослать в Темный лес... — бормочет Ахрон.

Заслышав постороннее бормотание эсхиллка подпрыгивает на деревянном дне телеги и возмущенно вскрикивает:

— Что?!

— Помолчи, не с тобой говорю, — отмахивается иллиор и пытается вновь вернуться к размышлениям.

— Что? Не со мной? Да ты... да ты... да я тут самая пострадавшая! — задыхается возмущением Тьяцла.

— А не ты ли и виновата во всем этом? — спокойно спрашивает Ахрон. — Не мни только себя пострадавшей, мы оба в одной лодке.

— Нас трое в ней! — вспыхнула девица. — Избавившись от Крома, избавишься и от нас. Щит хоть и на мне привязан, но поддерживает-то его твой друг.

— И когда вы успели сговориться? — ледяным тоном спрашивает он.

— Когда моя бабуля решила устроить его судьбу, с последующими пышными похоронами. Собиралась заставить его жениться на Фьяцле любым способом, в том числе и излюбленным, опробованным на тебе. Его отец тоже любил пораскинуть картишки. — С издевкой в голосе произносит эсхиллка и замолкает.

— Что им нужно? — спрашивает наобум.

— Не знаю. Думаю, по этому вопросу тебя смогут просветить только Фьяцла с Амуцлой, но не я. Хоть и слушала каждый их разговор, но они никогда не упоминали из-за чего все начали. В конце концов, зачем мне что-то знать. Они хотели избавиться и от меня тоже, перед тем разрушив мои планы.

— А зачем древний эсхилльский ритуал?

— Так у меня появилось время сбежать подальше и посадить бабулю под замок. Теперь нужно еще и матушку надежно запереть.

— Может сдашь ее вампирам? Чем не решение проблемы? — как бы невзначай вносит предложение иллиор.

— Обрато папеньке. Вот это будет подарочек. — На лице девушки расплывается предвкушающая улыбка.

Ахрон с нескрываемым любопытством разглядывает ее. Вот теперь интересно, дай ей волю, что она сделает со своими родственницами и как ее действия повлияют на других? Стоит натравить эсхиллку на своих же. А он побудет сторонним наблюдателем.

— Так и быть, Крома я не трону. А вот со своими сама разбирайся...

— Что?! — восклицает Тьяцла, подпрыгивая так, что чуть не валится с телеги.

— Всю кашу заварили твои, так тебе ее и расхлебывать, — не моргнув глазом, переводит стрелки иллиор. При этом продолжая наблюдать за девицей, которая поудобнее устраивается и смотрит на него как на душевнобольного.

— Темный, — Ахрон морщится, не нравится, когда называют по фамилии. — Я все понимаю, но ты видел их, — Тьяцла очерчивает в воздухе очертания чего-то огромного. — И меня, — на этот раз она сводит указательный и большой палец вместе. — А теперь подумай, как я с ними справлюсь, если они чудом не узнали о том, что я их подслушиваю, собираюсь сбежать и специально подстроила, чтобы на свадьбе все было согласно эсхилльским древним традициям. И откуда мне было знать, что будут такие последствия. — И уязвленно добавила: — если бы не это, я развелась бы с тобой и вышла замуж за Крома. Уж он-то мне более приятен, чем твоя злобная морда.

Как только она заканчивает свой монолог, отворачивается от иллиора и перебирается на козлы рядом с Мелиасом.

Ахрон на это только пожимает плечами и посылает коня вперед.

— Вот и поговорили, — в замешательстве бормочет себе под нос.

Ахрон не сразу замечает, что они приближаются к небольшому лесному домику, из трубы которого вверх поднимаются клубы белого дыма.

— О, Норн уже на месте, — говорит Мелиас, почему-то смотря на Темного. — Иногда завидую ее способностям. Думаю, вы найдете общий язык. Она подучит тебя контролировать вторую сущность.

— Оборотень?.. — не подумав ляпает иллиор, с удивлением косясь на домик.

— Хуже того, обращенный. Пойдем, сам увидишь, — произносит человек, спрыгивая с козел. За ним следом телегу покидает эсхиллка.

Темный наблюдает за тем, как они заходят в домишко, а потом и сам спрыгивает с коня, привязывает его к нижней ветке ближайшего дерева, и идет ко входу.

Он только открывает дверь и переступает порог, а его тут же подхватывает белый вихрь, который вполне внятно вопит:

— Ой, Мел, у нас еще гости?! Где ты по среди леса откопал иллиора-полукровку?!

И еще миллион вопросов заданных в одной тональности и на одном дыхании.

Ахрон с удивлением смотрит на типичную иллиорку, слишком белую, какими им и положенно быть. Единственное, что его смущает — цвет глаз. У чистокровных представителей этого народа блекло-голубой цвет, у этой же он яркий, почти синий.

Он пытается что-то произнести, но иллиорка перебивает:

— Эх, хотела бы я быть полукровкой, а не обращенной, не было бы проблем с диетой. Не так ли, Мел? — она подхватывает Темного за руку и, с несвойственной ее сородичам, силой затягивает в глубь небольшой комнаты. И бормочет при этом: — нечего на пороге стоять, как не родному. В конце концов, Мел обучает твою жену контролю, так что вы автоматически вписываетесь в нашу небольшую буйную семейку.

Улыбаясь во все тридцать два она усаживает его за стол, а сама отходит к, натопленной не смотря на жару, печи и возится там. К этому моменту к столу, что-то обсуждая между собой, подходят Мелиас с Тьяцлой.

Девушка плюхается на стул напротив Ахрона, буравит его тяжелым взглядом и зло выдает:

— Зачем ты вообще сюда приперся, а? Сидел бы в своем Темном, а я спокойно...

Договорить ей не дает оборотень. Водрузив в центр стола выдавшую виды кастрюлю, она уперает руки в бока и строгим голосом начинает:

— Вообще-то, ничего бы спокойно ты не сделала. Связавшие себя древними нерушимыми узами уже никогда не смогут расторгнуть брак, а находиться порознь будет настоящей мукой для них. Поэтому я и сказала тогда, что давно не видела эсхилл повязавших себя с кем-то навеки. — Она пристально смотрит на Тьяцлу. — Думаю, ты даже не подозреваешь, что эти узы будут связывать вас даже после смерти.

Ахрон, пока вкрадчивым голос произносит это, наблюдает за эсхиллкой, которая, по мере поступления информации, медленно впадает в шоковое состояние, потом вскакивает со скамьи, зло смотрит на него и выбегает из дома, громко хлопнув дверью.

— Зря вы так... — произносит Ахрон, переводя взгляд от входа на иллиорку.

— Пусть подумает о том, как будет расхлебывать все, что натворила. Ей это будет полезно. Как я поняла, кроме этого, — она указывает на спиралевидные черные линии на левой руке Темного: — на ней висит еще много провинностей?

— Скорее на Атцле и Арицле, — отвечает полукровка.

Оборотень садится на скамью, задумчиво разглядывая свои руки.

— С этими уже давно необходимо что-то сделать. Совсем заигрались. — Вдруг она резко вскидывает взгляд на Ахрона и произносит: — кулон с тобой?

— Д-да, — неуверенно отвечает он.

— Никогда не снимай его и никому не передавай. Хоть в руках посторонних он действовать не будет, но все же не стоит рисковать таким сильным артефактом.

— О его существовании знают от силы десятков существ, а о свойствах... остался только я, — тихо произносит Мелиас, отрываясь от блокнота, в который записывает что-то важное.

Ахрон удивленно смотрит на древнего мага, который каким-то непостижимым образом

дожил до нынешних времен, и его странную спутницу жизни, имени которой он еще не знает.

— А какие у него свойства? — задает он вопрос, но иллиока, прислушивающаяся к чему-то, вдруг прикладывает палец к губам и предостерегающе шепит. Ахрон замолкает.

Дверь натужно скрипит, заставляя его перевести взгляд на вход, туда же повернулись и Мелиас с оборотнем.

В проеме показывается угрюмая Тьяцла.

— Норн, только не говори, что этот позер мой отец, — лепечет она, указывая большим пальцем себе за спину.

— Ага, — отвечает та, смотря на вошедшего следом за эсхиллкой высокого мужчину в черном длинном плаще.

Ахрону хочется в экстренном порядке побиться головой о стену от открывшегося зрелища. Отец Тьяцлы, на которого она, слава всем богам, не была похожа ни единой черточкой, очень высок, неестественно бледен даже для вампира, — так напозадался белилами, что больше смахивает на свежего упыря, — в нелепой одежде, как будто сбежал с бала-маскарада, и с выражением безграничного идиотического счастья на лице, естественно несвойственного кровососам.

Высоченный дядька повисает на плечах Тьяцлы с воплями: "Доча, наконец-то я тебя нашел!"

Ахрон отворачивается от разыгравшейся комедии к Мелиасу, который посмеивается, наблюдая за воссоединением семьи.

— Ирион Лангарский?.. — спрашивает он у мага, когда тот поворачивается к нему.

— Да, довольно эксцентричный экземплярчик и, наверное, единственный кто питает искренние чувства к Арицле. Многие до сих пор питают надежду на то, что они снова будут вместе. Он ее хоть как-то контролировал. Но Атцла...

— Так вот о чем говорила Тьяцла!.. — на Темного снисходит озарение.

— О чем? — деловито спрашивает Мелиас.

— Она хочет сдать ее Ириону. — Произносит Ахрон.

— Интересная идея, — вклинивается Норн и, понизив голос до шепота, продолжает на другую тему: — тем более не говори о кулоне вампирам, слишком сильно они жаждут власти. Мел, я надеюсь, ты позже разъяснишь нашему доброму другу, как пользоваться камешком?

— Всенепременно, — отвечает маг с тяжелым вздохом. — Только придется возвращаться в Темный.

Вот уже пять дней, как их сопровождает этот полукровка, который теперь, якобы, считается ее мужем. Тьяцла в очередной раз исподлобья смотрит на Ахрона и бормочет новую порцию проклятий. Когда их взгляды встречаются, девушка, с затаенным злорадством, замечает в карих глазах неподдельную муку.

Эсхиллка опускает лицо, смотря на примятую траву под копытами коня Темного. Долго смотреть ему в глаза она не может, все-таки чувствует свою вину во всей этой истории. Но как же ее раздражает то, что он едет верхом, а ей приходится трястись на телеге. Радует, что не весь день, и режим, к которому она успела привыкнуть за прошедшие несколько дней, с появлением нового члена компании, не изменился. Так же ранний подъем, до полудня продвигаются дальше, после стоянка. Час занятий по магии, час физических упражнений, для укрепления тела. Обед и снова в дорогу. И так до захода солнца, поиск места для

ночлега, ужин и сон.

А Темный, пока Мелиас проводит занятия, прохлаждается в теньке. Видите ли все он знает, все умеет. А способностей к магии у него как не было, так и нет.

Она снова смотрит на Темного, который о чем-то размышляет, и продолжает бормотать набившие оскомину от постоянного повторения проклятия. Вдруг, ее нехитрое занятие прерывают донесшиеся словно из далека слова:

— Чертов маг, пора его сослать в Темный лес...

Иллиор пытается тихо пробормотать это себе под нос, но выходит слишком громко.

Внутри Тьяцлы моментально поднимает голову возмущение, заставившее ее подскочить на деревянном дне и вскричать:

— Что?!

— Помолчи, не с тобой говорю, — отмахивается от нее Темный. И она понимает, что сейчас он снова погрузится в свои нелегкие думы.

— Что? Не со мной? Да ты... да ты... да я тут самая пострадавшая! — Ее возмущение взмывает до невиданных высот. Девушка захлебывается воздухом.

— А не ты ли и виновата во всем этом? — спокойствие Темного окончательно выводит ее из себя. — Не мни только себя пострадавшей, мы оба в одной лодке.

— Нас трое в ней! — кричит Тьяцла. — Избавившись от Крома, избавишься и от нас. Щит хоть и на мне привязан, но поддерживает-то его твой друг.

— И когда вы успели сговориться? — Ледяной тон Темного заставляет ее немного прийти в себя. Но теперь к возмущению прибавилась злость на родственниц, и она отвечает с толикой издевки в голосе:

— Когда моя бабуля решила устроить его судьбу, с последующими пышными похоронами. Собиралась заставить его жениться на Фьяцле любым способом, в том числе и излюбленным, опробованным на тебе. Его отец тоже любил пораскинуть картишки.

— Что им нужно? — Вопрос Ахрона ставит ее в тупик.

— Не знаю. — Пожимает эсхиллка плечами. — Думаю, по этому вопросу тебя смогут просветить только Фьяцла с Амуцлой, но не я. Хоть и слушала каждый их разговор, но они никогда не упоминали из-за чего все начали. В конце концов, зачем мне что-то знать. Они хотели избавиться и от меня тоже, перед тем разрушив мои планы.

— А зачем древний эсхильский ритуал?

Вопрос заставляет ее смутиться, что после тесного общения с эсхиллками в принципе невозможно. Те не сильно жалуют условности. И Тьяцла честно отвечает:

— Так у меня появилось время сбежать подальше и посадить бабулю под замок. Теперь нужно еще и матушку надежно запереть.

— Может сдашь ее вампирам? Чем не решение проблемы? — как бы невзначай вносит предложение иллиор.

Такой вариант она никогда не рассматривала. Сдать матушку в руки вампира, в которого та до сих пор в тайне от всех по уши влюблена. Уж это-то будет держать глупую, своенравную эсхилку, находящуюся под колпаком Атцлы, в ежовых рукавицах.

— Обрато папеньке. Вот это будет подарочек. — Эта мысль заставляет ее предвкушающе улыбнуться.

Тьяцла замечает с каким любопытством смотрит на нее Темный, явно уже что-то придумывает. Наслышана она о том, как он подавил восстание. Хоть эсхилл и не могут проникнуть через щит, но слухи до них доходят.

Девушка отводит взгляд от полукровки с мыслью о том, что ей стоит держаться от него на безопасном расстоянии, чем дальше, тем лучше. Из размышлений ее выводят слова:

— Так и быть, Крома я не трону. А вот со своими сама разбирайся...

— Что?! — свернувшееся было в клубочек, как змея, возмущение воспряло с новой силой. Тяцла от такого заявления подсакивает слишком высоко и чуть не падает с телеги. Вернув равновесие, она смотрит на Темного обвиняющим взглядом.

— Всю кашу заварили твои, так тебе ее и расхлебывать, — не моргнув глазом, переводит стрелки иллиор.

Эхиллка смотрит на него как на душевнобольного, и вылечить невозможно, и жалко.

— Темный, — Ахрон морщится при упоминании фамилии. Тяцла же, не обращая на его недовольство внимание, продолжает с нескрываемой иронией: — Я все понимаю, но ты видел их, — она обводит в воздухе очертания чего-то огромного. — И меня, — на этот раз сводит указательный и большой палец вместе. — А теперь подумай, как я с ними справлюсь, если они чудом не узнали о том, что я их подслушиваю, собираюсь сбежать и специально подстроила, чтобы на свадьбе все было согласно эхилльским древним традициям. И откуда мне было знать, что будут такие последствия. — И уязвленно добавила: — если бы не это, я развелась бы с тобой и вышла замуж за Крома. Уж он-то мне более приятен, чем твоя злобная морда.

Как только она заканчивает свой монолог, отворачивается от иллиора и перебирается на козлы рядом с Мелиасом.

Мелиас указывает куда-то в гущу леса рукой, и Тяцла с удивлением замечает за плотной порослью кустов очертания домика, из трубы которого валит густой дым.

Первым делом, когда пересела к нему на козлы, она все-таки поинтересовалась, почему дом стоит в лесу. Ответ оказывается прост. Когда маг строил дом, вокруг была небольшая деревенька, которая за долгое время, он не упомянул насколько, обезлюдил и стала частью леса, сейчас даже фундаментов не различишь под корнями деревьев. А свой дом он строил с применением магии, что позволило тому неплохо сохраниться. Вот и получается, что посреди леса стоит единственный небольшой домик.

Как только телега останавливается, говорит что-то Ахрону, который выглядит очень удивленным, и спрыгивает с нее. Девушка не прислушивается к разговору, сползает со средства передвижения и топает к домику. Останавливается около входа, памятуя о том, что произошло в особняке мага, открывает дверь и тут же ее подхватывает белый вихрь.

— Тяцлочка!!! — вопит Норн, втягивая ее в дом следом за собой: — наконец-то! Я так по тебе соскучилась!

И начинает что-то без умолку тараторить, бегая от печи к столу и обратно.

Войдя следом за Тяцлой, маг прерывает словоизлияния Норн:

— У нас еще один гость...

Та тут же срывается с места и несется навстречу Темному, который замешкавшись только заходит в дом. Под глухие смешки эхиллки, оборотень обегает несколько кругов вокруг опешевшего иллиора с воплями:

— Ой, Мел, у нас еще гости?! Где ты по среди леса откопал иллиора-полукровку?!

Тяцла, продолжая стоять в сторонке, наблюдает за тем, как Ахрон пытается вернуть дар речи, ошарашенно смотря на гиперактивного оборотня.

Он пытается что-то произнести, но та его перебивает:

— Эх, хотела бы я быть полукровкой, а не обращенной, не было бы проблем с диетой.

Не так ли, Мел? — она подхватывает его за руку и увлекает вглубь комнаты. Громко бормоча: — нечего на пороге стоять, как не родному. В конце концов, Мел обучает твою жену контролю, так что вы автоматически вписываетесь в нашу небольшую буйную семейку.

Иллиорка усаживает Темного за стол, возвращается к печи.

Мелиас подходит к Тьяцле и шепотом спрашивает:

— Почему именно Темный?

Девушка пожимает плечами:

— Не знаю. Сын должника. Они что-то ищут. Да мало ли, что послужило причиной

Мне бы теперь избавиться от него.

Они подходят к столу. Мелиас аккуратно усаживается на скамью, эсхиллка же со всего маху плюхается на стул напротив полукровки, буравит его злым взглядом и выдает:

— Зачем ты вообще сюда приперся, а? Сидел бы в своем Темном, а я спокойно...

Договорить ей не дает Норн. Водрузив в центр стола внушительную старую кастрюлю, она уперает руки в бока и строгим голосом начинает:

— Вообще-то, ничего бы спокойно ты не сделала. Связавшие себя древними нерушимыми узами уже никогда не смогут расторгнуть брак, а находиться порознь будет настоящей мукой для них. Поэтому я и сказала тогда, что давно не видела эсхилл повязавших себя с кем-то навеки. — Она пристально смотрит на Тьяцлу. — Думаю, ты даже не подозреваешь, что эти узы будут связывать вас даже после смерти.

От поступившей информации, девушка впадает в прострацию. Это что же получается, ее так нежно лиеемые планы никогда не осуществляются? Она вскакивает с места, бросает короткий злой взгляд на Ахрона, попутно пожелав ему подавиться раз десять, и выбегает из домика, напоследок громко хлопнув дверью.

Она некоторое время бесцельно бродит вокруг избушки, раздраженно всплескивая руками и шипя себе под нос проклятия, адресованные иллиору, который так невовремя ворвался в ее жизнь. А ведь она могла отправиться в путешествие до того, как родственницы вызвали ее в свои покои, но... они все равно бы рано или поздно нашли ее и последствия самоуправства обещали быть страшны.

Тьяцла проходит еще несколько кругов по изрядно протоптаной тропинке и углубляется в лес. Может все-таки слова Норн далеки от истины и ничего с ними не случится, если они будут порознь?

Она медленно, но целеноправлено пробирается через очередные колючие кусты, когда внезапно перед глазами, вперенными в землю, возникают налакированные до блеска черные сапоги.

Эсхиллка медленно поднимает взгляд от новообразования в местной флоре и изучает черные брюки, длинный балахон, который должен исполнять функцию плаща, на помаженное белилами лицо, темные заплетенные в хвост волосы. Она даже от любопытства встала на носочки и заглянула ему неизвестному за плечо, чтобы увидеть прическу, уж больно он прилизан.

Нообразование при виде ее широоо улыбается, показывая внушительные клыки, и радостно восклицает:

— Доченька, Тьяцлочка, вот я тебя и нашел!

Расставляет в стороны руки, намереваясь на радостях задушить ее в объятиях, но Тьяцла успевает отскочить от внезапно возникшего родителя и на несвойственной ей скорости несется к, затаившемуся за зарослями, домику.

Так как папочка значительно отстал, она заходит в дом спокойным шагом. Но сразу же понимает, что спектакль не прошел и все обратили внимание на ее угрюмость, тыкает большим пальцем себе за спину и спрашивает:

— Норн, только не говори, что этот позер мой отец.

Все, сидя за столом, рассматривают что-то за ее спиной.

— Ага, — отвечает та.

Тьяцла не успевает повернуться, как на ее плечах неподъемным грузом повисает новоприобретенный отец с воплем:

— Доча, наконец-то я тебя нашел!!!

Она с тоской наблюдает за тем, как все снова возвращаются к обсуждению чего-то интересного.

К такой встрече она была не готова.

Кром сладко потягивается, открывает глаза, перед которыми тут же начинают плясать разноцветные круги, и недоуменно уставляется в потолок.

Он смутно, но точно помнит, что перед тем как заснуть устроился у стеллажа и пытался, продравшись через похмелье, проштудировать очередной том энциклопедии в поисках отсутствующих листов и еще чего-нибудь, чего в нем не предусмотрено. Сейчас же он не скукожившись в позе эмбриона пребывает на полу под полками, а удобно вытянувшись лежит на кровати Темного. При этом его кто-то совсем по собственнически обнимает руками и ногами, прижимаясь к себе.

Маг, подавляя болезненный стон от внезапно нахлынувшей головной боли, поворачивается на бок. При этом чьи-то руки совершенно не собираются убираться с него. И оказывается нос к носу со спящей эсхиллкой.

Он ненадолго закрывает глаза, пытаясь осознать, как он мог перебраться сюда. Только через несколько минут приходит осознание, что его перенесла Фьяцла, сам он добраться был не в состоянии. А когда открывает сталкивается со, светящимся энтузиазмом, взглядом эсхиллки, которая тут же хриплым со сна голосом произносит:

— О! Ты вовремя, сейчас начнется самое интересное. Вставай, давай.

Сама же перелезает через него, больно отдавливая руками и ногами все до чего может дотянуться, и бежит к окну, при этом призывно помахивая рукой.

Магу ничего не остается, как с трудом встать с постели и пошатываясь подойти к окну, встать рядом с Фьяцлой и посмотреть во внутренний двор замка.

В центре небольшой площади стоит Атцла, что-то крича, размахивая руками, а иногда срываясь на бешенные прыжки на месте.

Кром, отодвинув эсхиллку в сторону, открывает окно. Его сметает с места звуковой волной истеричного вопля.

— Зря ты это сделал, — как бы невзначай произносит Фьяцла, когда громогласный ор на несколько минут утихает. — Она еще полчаса будет возвышенно материть неведомые силы, заставившие ее любимые панталоны забраться на верх самой высокой башни. Вот когда она выговорится, начнется то, о чем я говорила.

Кром поспешно пытается затворить окно, но девушка останавливает его:

— Не стоит, сейчас послушаем, как будет оправдываться твоя сестрица. Надеюсь, тебе не жалко ее, — она оборачивается и Кром отмечает, что на ней не осталось следов безудержного веселья предыдущего вечера. Даже появились следы поползновения по шкафу Ахрона.

Видеть себя ему совершенно не хочется, тем более, что по ощущениям примерно представляет на что похож.

— Только придется прислушиваться к разговору естественным путем, — Фьяцла тяжело вздыхает, не отрываясь от созерцания происходящего во дворе. — Ни ты, ни я, после вчерашнего выброса, использовать плетения не можем.

Мужчина пожимает плечами, морщась от боли. Значит та, разыгравшаяся во время его поползновения на башню, буря вызвана всплеском магического источника под действием более, чем крепленого, вина. Ладно, сейчас выслушает, что там будет говорить его ненавистная сестрица-предательница и пойдет приведет себя в порядок.

К возобновившей вопли эсхиллке бросилась Глори, как всегда выглядящая сияющей в своем форменном белом костюме. Иллиор мысленно завидует сестре. Совсем не этично плюет в ее сторону из окна, отворачивается и прислушивается к разгорающемуся скандалу, поглядывая на Фьяцлу, которая, только заслышав голос Атцлы, умиленно улыбается.

— Ты говорила, что проверила все!!! Абсолютно все!!! — во всю глотку кричит Атцла в лицо иллиорке. Кром невольно оборачивается и радуется, что там присутствует не он. — Так почему же мои красненькие висят там?!

Она тыкает пальцем, предположительно, в шпиль, где флагом с вечера развевается ее нижнее белье.

Кром наблюдает за тем, как Глори медленно поднимает взгляд наверх, как он скользит по окну, как останавливается на его лице и больше не продвигается. Он отстраненно наблюдает, как медленно открывается ее рот, как она пытается выдать его присутствие в покоях Ахрона эсхиллке.

Но та хватает ее по обе стороны головы, не обращая внимания на попытки вырваться из мертвой хватки, и задирает так, чтобы она обратила внимание на плещущиеся на ветру труселя.

Маг облегченно вздыхает, когда понимает, что его пока не собираются разоблачать. Он даже не замечает, что до этого мгновения задерживал дыхание.

Из далека заметно, как перекашивает лицо Глори. Она с усилием вырывается из рук экс-матриарха, отскакивает в сторону некультурно тычет в сторону окна, за которым стоят Кром с Фьяцла:

— Спроси это у моего братца и той девицы рядом с ним! — на одном дыхании кричит иллиорка и, растянув губы в ехидной улыбочке, смотрит Кром в глаза.

Маг краем уха слышит слова Фьяцлы, заставившие его перевести взгляд с сестрицы на эсхиллку:

— Оооо! Девочка навредила самой себе. Посмотри на Атцлу. Какой взгляд. Знаешь, Кром, а ведь твоя сестра сыграла нам на руку, моя бабуля теперь не скоро придет в себя.

Иллиор не сразу понимает о чем она говорит. Только когда Глори подходит к оцепеневшей экс-матриарху, машет рукой перед ее лицом, а, не добившись реакции, пинает в голень, зло смотрит на брата далеко в окошке и идет ко входу в замок. У массивных ворот она останавливается, оборачивается проводит большим пальцем под подбородком и заходит в здание.

Он вздрагивает, когда Фьяцла кладет на плечо руку и с нервным смешком спрашивает:

— Надеюсь, она не сможет взломать защиту на двери? Иначе нам придется или давать ей отпор, или прятаться по всем углам.

— Ей не зватит опыта взломать плетение созданное человеком, — отвечает Кром, не

сводя взгляда с недвижимой эсхиллки во дворе. Он интересуется: — и долго она так будет стоять?

— Обычно долго. У тебя есть идеи?

Краем глаза он замечает огонек любопытства в глазах второй дочери нынешнего матриарха. Иллиор усмехается и произносит:

— Нам нужно пробраться в подземелье. Надеюсь, ты разведала уже все ходы? — он поворачивается к эсхиллке и замечает тень ухмылки.

— В замке есть кандалы из черного металла? — деловитым тоном спрашивает девушка.

— Угу, — задумчиво угукает маг, — Ардор распорядился выковать. Вот только ни разу не использовал. Специально для Арицлы. В конце концов, она ни разу не проявила своего буйного нрава на публике, только втихую любила поиздеваться над Ахроном. Думаю, сейчас настало время использовать их по назначению. А потом Атцлу можно сдать на руки оборотням из Темного леса.

— О, да. У тебя далекоидущие планы... — тянет Фьяцла.

По лицу девушки понятно, что она уже предвкушает нечто очень интересное.

— Надеюсь нас не будет ожидать очередной облом? — смотрит она Кром в глаза.

Он пожимает плечами. Все-таки это только для нее все самое интересное заканчивается так и не начавшись, а ему это безразлично. Главное, чтобы получилось осуществить задуманное без осечек, а уже на втором плане — получится ли это интересным или, как выразилась эсхиллка, обломом.

— Главное, чтобы все получилось, — озвучивает свои мысли Кром, толком не отвечая на легкомысленный вопрос. — Ну, так что там с ходами?

— Я как раз сегодня ночью обнаружила один. В шкафу... — маг замечает, что последнее она зло цедит сквозь зубы. Становится понятно, как добывались красные панталоны.

— Показывай, — требует иллиор, отходя от окна.

Он бы мог и через дверь выйти, и пройти по коридорам, не опасаясь мага-новичка, но сейчас не в состоянии даже послать поисковые плетения, чтобы обнаружить пропавшую лабораторную крысу, которую до сих пор периодически пытается безрезультатно найти. Сейчас он способен только на поиск неодушевленных предметов и то еле-еле. Маг так же понимает, что Фьяцлу с ее "сейчас начнется самое интересное" больше нельзя выпускать из комнаты в одиночку. Только и только под присмотром.

Эсхиллка доводит его до шкафа, открывает дверцы и указывает на нижнюю панель:

— Здесь. Полежай. Я следом, — коротко с паузами произносит она. Заверение, что она полезет следом, звучит не очень уверенно.

Кром не придает внимания сказанному, заходит в недра огромного шкафа и тут же проваливается куда-то вниз.

Лучше бы он этого не делал.

Кром приходит в себя на каменном полу, придавленный сверху увесистой тушкой эсхиллки.

Теперь ему становится понятно, почему она решила лезть второй, чтобы смягчить падение. Маг усмехается, только врядли у нее это получилось, так как она приземлилась оккурат поперек него, хорошенько приложившись о пол головой и коленями.

Простонав что-то нечленораздельное, девица все же решает сползти с неудавшейся подушки, мстительно потоптавшись по Кром побитыми коленями.

— Можно аккуратней... — шипит маг, пытаюсь одновременно сесть и пнуть эсхиллку.

Та отползает на безопасное расстояние и совсем по детски показывает ему язык. Взгляд ее перемещается в сторону. Она болезненно морщится и переводит взгляд на него.

— Только не говори мне, что я снова здесь... Сюда что ли все ходы ведут? — почти скулит эсхиллка, заводя глаза к потолку.

Кром пожимает плечами и ничего не говоря, оборачивается. Завидев высокий постамент из черного камня, он вскакивает с пола, со всех ног несется к нему и, квохча как насадка, обнимает.

Через миллионы восторженных восклицаний, он все же находит в себе силы выразиться более внятно:

— Этот камень хранился в Нормане... Я думаю, ты знаешь, что Норман некогда был столицей Темной империи, — последнее он произносит, деловито осматривая и ощупывая теплый камень черного цвета, испещренный древними иллиорскими рунами. — Это единственный оставшийся из девяти, поддерживавших границы государства. Активировать их можно с помощью девяти ключей из того же материала.

Он проводит ладонью по горизонтальной верхней поверхности, с виду совершенно ровной. И когда один из пальцев проваливается в небольшое отверстие в центре, он оборачивается к Фьяцле и говорит:

— А вот и сквпжина, — Кром на минуту замолкает, размышляя о находке. А потом выдает: — кулон Ахрона такой же формы и величины. Хм... Не зря я ему не позволил его оставить. Но, и у Атцлы ничего не получилось бы.

Он отнимает руки от постамента, который все это время нежно поглаживал по шероховатой поверхности, подходит к продолжающей сидеть на полу эсхиллке и протягивает ей руку, чтобы помочь встать. Та хватается за конечность и он тянет, заставляя ее принять вертикальное положение.

Как только она встала и отряхнулась от пыли, сразу задает вопрос:

— А почему у нее ничего не получится?

— Во-первых, ей не подойти к этому артефакту, — начинает объяснять маг, — сконцентрированная в нем сила иллиорских магов размажет ее тонким слоем по полу. Ты сама прочувствовала его воздействие. Во-вторых, кулон никак ни меньше фонит, чем камень. Ну и в-третьих, повелевать этой силой могут только потомки самого первого, создавшего эти девять артефактов, Темного Властелина — Идриса Темного.

Он даже не замечает, что к концу поучительной речи для несведущей в делах иллиоров Фьяцлы, задействовал толику пафоса и патетические жесты. А все потому, что этот Идрис был его кумиром с детства.

— А... понятно... — равнодушно вздыхает девушка, разбив вдребезги ожидания бурной радости Крома.

Маг раздраженно передергивает плечами и спрашивает, подавив обиду и рассматривая темные провалы окружающих выходов:

— Ну, так куда нам идти?

— Туда, — коротко произносит эсхиллка, указывая куда-то направо.

Кром прослеживает движение ее руки и следует в том направлении. Вспоминает об эсхиллке, разворачивается, возвращается к ней, хватается под локоть и тянет за собой.

После долгого блуждания по лабиринтам темных переходов, Кром не удосужился прихватить с собой факел, они выходят в тускло освещенный коридор подземелья.

До того, как дверь затворилась, скрыв за собой темные недра застенья, маг оборачивается, чтобы запомнить ее местоположение.

— Не трудись, все равно потом не найдешь, — отрешенным голосом бормочет эсхиллка, осматривая коридор. — В любом случае, где-нибудь найдется еще один.

Иллиор пожимает плечами и, не выпуская локтя Фьяцлы, идет в сторону развилки, которая виднеется в самом конце. Дотащив девушку до расширяющейся части коридора, он отпускает ее и, делая вид, что не замечает вздоха облегчения за спиной, сплетает еле заметную тонкую поисковую сеть, как раз такую, колебания магического фона которой не заметит Глори, взбирающаяся, скорее всего, на этаж, где они были несколько десятков минут назад. И эсхиллке, рядом с ним, не причинить вреда. И сил не растратить.

Плетение улавливает, что они находятся довольно далеко от выхода из подземелий, пустующие темницы позади, а помещения, где хранятся искомые кандалы из черного металла, впереди, в левом ответвлении коридора.

Он оборачивается к Фьяцле и произносит, указывая на темный провал слева от них:

— Нам туда, в самый конец.

Эсхиллка обреченно закатывает глаза к потолку, пожимает плечами и позволяет ему снова вцепиться мертвой хваткой в руку.

— А нельзя было позаботиться об освещении. — шипит она, когда в темноте запинается за приподнятый порог арки.

Кром же на это ничего не отвечает. Он протягивает руку перед собой и упирается в каменную стену. Он раздосадованно шипит что-то на иллиорском. Потом произносит в полный голос на всеобщем:

— Ахрон все-таки приказал заложить вход в эту часть подземелья, — маг скрипит зубами, сжимает руку Фьяцлы и говорит: — здесь я бессилен. Только если ты как-нибудь воздействуешь на камень.

Отпускает ее руку и, всматриваясь в темноту, он краем уха улавливает шорох, тяжелые шаги и басовитое бормотание:

— Почему всегда как нужна грубая сила, так сразу Фьяцла?..

Через некоторое время раздается звук удара, и камни, перекрывающие коридор, медленно с грохотом осыпаться.

Фьяцла открывает глаза и смотрит в потолок, пытаясь вспомнить, что произошло. Голова нещадно трищит и из памяти на поверхность поднимаются ращрозненные отрывки о минувшем вечере.

Первым всплывает как она осуществляла план по выведению из строя бабули. Как стянула у той панталоны, как добралась до комнаты. Следующие воспоминания были о том, как пьяный в стельку Кром лезет на башню, как разыгрывается буря вызванная магией. Она пытается прикрыться щитом, ро это не помогает, и плетение отнимает много сил; сползает на пол и замирает, когда замечает скомканную бумажку, хватает ее.

Потом она что-то бормотала магу, разжимая кулак и окончательно теряя сознание.

Эсхиллка резко садится, осматривается в поисках Крома, нужно же узнать, что она нашла. И замечает спящего мага у стеллажа, к которому он прислоняется спиной. В руках очередной том. Удивительно, что после поползновения на башню он снова вернулся за прерванное дело.

Она вздыхает. И кто ее тогда дернул напоить его, ведь сама могла справиться, но нет, обязательно нужно вовлечь в дело как можно больше народу, чтобы было интересней.

Никогда бы из нее не вышла образцовая вторая дочь матриарха. Не любит она действовать тихо.

Кряхтя и скрепя, как несмазанное колесо, Фьяцла с невероятными усилиями заставляет себя встать с постели, принимает облик брутальной красотки и топает к лежбищу иллиора. Необходимо его переложить, от деревянного пола исходит пронизывающий холод, больной маг — катастрофа практически такого же масштаба как и пьяный. Может не с таким размахом, но мало ли, что может выкинуть именно этот. Тем более, из изученных перед отправкой на задание материалов, она отлично знает, что именно этот экземплярчик за всю жизнь так ни разу и не подхватил простудной заразы.

Она подхватывает его на руки и тащит к кровати. Аккуратно водружает его на нее, садится рядом и самыми кончиками пальцев проводит по волосам, всматриваясь в черты бледного лица и размышляя о том, как все сложилось, если бы планы родственниц осуществились. Если бы она тогда не струсила и унесла книгу.

Неизвестно сколько бы она так просидела, но отвлечься ее заставляет шорох, донесшийся из шкафа. Фьяцла вздрагивает и прислушивается. После непродолжительной тишины раздается тихое поскребывание. Эсхиллка вскакивает и крадучись идет к помпезному сооружению, столь же огромному как и тот, который стоит в занятой Атцлой комнате. Как только она оказывается рядом нащупывает в темноте ручку и резко открывает дверцу.

Внутри никого. Она даже подходит ближе и засовывает голову в недра хранилища всякого хлама. Пустота, только развешенная одежда, какие-то коробки, но никакого постороннего присутствия. Удовлетворившись осмотром и прихватив с собой пару вещичек, она совсем было уже собирается выбираться оттуда, но какая-то невидимая преграда не дает ей этого сделать.

Эсхиллка в безотчетном страхе оборачивается и не видит ничего, что могло бы хоть отдаленно напоминать препятствие. Она в панике пытается прорваться сквозь невидимую стену, но ее отталкивает назад. Попытка встать только усугубляет положение: нижняя панель под ногами пропадает. Фьяцла, истошно визжа, ухает вниз. Следом ей несется злорадный писк.

Под гулкое эхо мерзкого попискивания, девушка приземляется на пол в пресловутом зале с постаментом, с которым успела ознакомиться ранее. И естественно из-за исходящей от артефакта иллиорской силы ее начинает мутить.

Она сильнее сжимает в кулаке прихваченные вещи и потрясает им в адрес неведомого обидчика. При этом о том, что можно было это сделать и свободной она, она не задумывается.

Способность мыслить, которая от страха забила в дальний угол, возвращается только когда эсхиллка еще раз детально осматривает помещение. Благо здесь постоянно есть освещение.

Наблюдения, которые она делает при осмотре, несказанно радуют ее. Она находится ближе к нужному выходу и не надо будет идти мимо опасной шгуковины возвышающейся посреди комнаты.

Все так же сжимая в руке добытые штаны с рубашкой, Фьяцла встает с пола, разворачивается к ходу, который все это время находился за спиной, и бредет под свод арки. Переодеться решает в комнате, где не так холодно, а с неудобствами в виде дополнительной ноши можно на время смириться.

Она беспрепятственно бредет по темным коридорам, запоминая каждый поворот, вдруг эти знания еще пригодятся, пока не оказывается в тупике, одна из стен которого выход. Выбравшись из застенков, переходит коридор и вваливается в покои Темного.

Поменяв привычную личину на более компактную, быстро переодевается и плюхается на кровать рядом с Кромом, чудом не прибив того локтем.

Последней мыслью перед погружением в сон мелькает, что пора завязывать с приключениями.

Ее будит какое-то шебуршание под боком с сдавленный болезненный стон. Она продирает глаза и с недоумением взирает на то, как руки и ноги облапили несчастного мага, так еще и прижимают к ней. Определенно пора бросать вредную привычку попивать крепленое иллиорское и спаивать остальных. Ни к чему хорошему это не приведет, если, конечно, у Тьяцлы не было вполне определенных планов насчет них. Надо будет ей весточку отослать, узнать как она там, да и поделиться проделанной работой. А о ночном приключении она никому ничего не скажет, так как страх — позор для второй дочери матриарха.

Она закрывает глаза, на несколько минут проваливается в беспамятство, а когда снова открывает, то встречается взглядом с Кромом. В этот момент она чувствует, что где-то поблизости находится ее бабуля, и решает, что необходимо поделиться этой новостью с магом, ведь сейчас начнется нечто интересное.

— О! Ты вовремя, сейчас начнется самое интересное. Вставай, давай, — хрипит она и перебирается через него к краю кровати.

И она честно не хотела делать ему больно, но без жертв не обходится.

Как только эхиллка добирается до края, сразу же со всех ног несется к окну, которое выходит во внутренний двор, где уже во всю голосит Атцла.

Она наблюдает за тем, как пошатываясь ковыляет к наблюдательному пункту иллиор, как он становится рядом с ней, а потом открывает окно, предварительно отодвинув ее в сторону. Она не успевает остановить его. Мага сметает с места звуковой волной истеричного вопля бабули.

Когда крик ненадолго смолкает, девушка как бы невзначай произносит:

— Зря ты это сделал. Она еще полчаса будет возвышенно материть неведомые силы, заставившие ее любимые панталоны забраться на верх самой высокой башни. Вот когда она выговорится, начнется то, о чем я говорила. — А когда Кром поспешно пытается затворить окно, она останавливает: — не стоит, сейчас послушаем, как будет оправдываться твоя сестрица. Надеюсь, тебе не жалко ее.

Она оборачивается к Кром, который явно заметил следы ее поползновения по ахрону шкафу.

Фьяцла же отмечает его общую помятость и, в очередной раз, делает вывод, что пора заканчивать поползновения по винному погребу.

— Только придется прислушиваться к разговору естественным путем, — тяжело вздыхает она, вернувшись к созерцанию происходящего во дворе. — Ни ты, ни я, после вчерашнего выброса, использовать плетения не можем.

Маг, морщась от боли, пожимает плечами. И эхиллка возвращается к созерцанию бурно развивающихся внизу событий.

К возобновившей вопли Атцле со всех ног бросается сестра Крома в ослепительно белом строгом костюме. Она краем глаза замечает, как маг, зло смотря на Глори, плюнул за

окно и отворачивается. А ей ничего не остается как умилено улыбнуться, наконец-то кричат не только на нее.

— Ты говорила, что проверила все!!! Абсолютно все!!! Так почему же мои красненькие висят там?! — бабуля вопит во всю глотку иллиорке и тыкает пальцем вверх, где на шпиле живописно развевается на ветру ее нижнее белье.

Сестра мага медленно скользит взглядом по стене и останавливается на их окне. Выдать их ей не дает нетерпеливая экс-матриарх, которая хватается за голову иллиорки и силком задирает ее лицо до нужной точки.

Она слышит как Кром шумно с облегчением выдыхает и следует его примеру. Хотя до этого была вполне уверена в том, что стабильно дышала и не задерживала дыхание ни на секунду.

Лицо Глори перекашивает. Она вырывается из мертвой хатки эсхиллки, отталкивает ее и указывает на окно, за которым стоят Фьяцла и Кром.

— Спроси это у моего братца и той девицы рядом с ним! — на одном дыхании кричит иллиорка, растянув губы в ехидной улыбочке.

Фьяцла чуть слышно вздыхает. Вот и тот момент ради которого все затевалось: Глори, сама того не ведая, добила экс-матриарха. Теперь та будет стоять недвижимым истуканом весь день, а то и два. Если же оскорбление, нанесенное ей, совсем уж невыносимо, она может пребывать в таком состоянии и дольше. Раньше вторая дочь нынешнего матриарха частенько пользовалась этой особенностью родственницы.

Эсхиллка тихо говорит:

— Оооо! Девочка навредила самой себе. Посмотри на Атцлу. Какой взгляд. Знаешь, Кром, а ведь твоя сестра сыграла нам на руку, моя бабуля теперь не скоро придет в себя.

Она наблюдает за манипуляциями иллиорки, которая безрезультатно размахивает руками перед лицом Атцлы, а недобившись реакции топает в замок. И что-то ей подсказывает, что через некоторое время та будет ломиться в покои Темного. Это видно по тому жесту, который явно адресован Крому.

Девушка кладет на плечо магу руку, чувствует как тот вздрагивает от неожиданности и с нервным смешком спрашивает:

— Надеюсь, она не сможет взломать защиту на двери? Иначе нам придется или давать ей отпор, или прятаться по всем углам.

— Ей не зватит опыта взломать плетение созданное человеком, — отвечает иллиор, не сводя взгляда с недвижимой эсхиллки. Он спрашивает: — и долго она так будет стоять?

— Обычно долго. У тебя есть идеи? — она отрывает взгляд от бабули и заинтересованно косится на мага.

Кром усмехается и произносит:

— Нам нужно пробраться в подземелье. Надеюсь, ты разведала уже все ходы?

Губы Фьяцлы растягиваются в предвкушающей ухмылке, в Темном после пребывания здесь мамочки должны были остаться некие приспособления, с помощью которых можно усмирить буйствующую эсхилльскую воительницу.

— В замке есть кандалы из черного металла? — она решает прощупать почву. Может, есть еще что-то, о чем она не знает.

— Угу, — задумчиво угукает маг, — Ардор распорядился выковать. Вот только ни разу не использовал. Специально для Арицлы. В конце концов, она ни разу не проявила своего буйного нрава на публике, только втихую любила поиздеваться над Ахроном. Думаю, сейчас

настало время использовать их по назначению. А потом Атцлу можно сдать на руки оборотням из Темного леса.

— О, да. У тебя далекоидущие планы... — тянет Фьяцла, предвкушая очередную интересную вылазку и ее последствия. Единственное, что омрачает взлетевшее до небес настроение — возможность в очередной раз оказаться в том зале с иллиорским артефактом. — Надеюсь нас не будет ожидать очередной облом? — смотрит она Крому в глаза.

Тот пожимает плечами.

— Главное, чтобы все получилось, — произносит маг, толком не отвечая на вопрос. — Ну, так что там с ходами?

— Я как раз сегодня ночью обнаружила один. В шкафу... — цедит эсхиллка, сжав челюсти.

— Показывай, — требует иллиор, отходя от окна.

Фьяцла, экстренно продумывая план безопасного спуска вниз, доводит иллиора до шкафа, открывает дверцы и указывает на нижнюю панель:

— Здесь. Полезай. Я следом, — с длинными паузами произносит она, понимая, что это звучит очень подозрительно.

Как только Кром скрывается в недрах шкафа, она лезет следом, надеясь, что хоть в этот раз не отобьет себе ничего.

Бормоча проклятия тому мгновению, когда решила прыгать вниз после Крома, Фьяцла сползает с него, мстительно потоптавшись битыми коленями. Она бы приземлилась нормально, если бы в полете ее не развернуло куда-то в сторону. А так упала поперек иллиора и отбила ноги, от души приложила головой.

— Можно аккуратней... — шипит маг, пытаясь одновременно сесть и пнуть ее.

Эсхиллка отползает на безопасное расстояние и совсем по детски показывает магу язык. Она переводит взгляд в сторону и болезненно морщится, заведя ненавистный артефакт. Снова смотрит на Крома.

— Только не говори мне, что я снова здесь... Сюда что ли все ходы ведут? — скулит она, заводя глаза к потолку.

Кром пожимает плечами и ничего не говоря, оборачивается. Как только в поле его зрения оказывается высокий постамент из черного камня, он вскакивает с пола и со всех ног несется к нему. Фьяцла тяжело вздыхает, когда видит, что маг, что-то восторжено квохча, обнимает артефакт.

Эсхиллка ждет, когда он перестанет проявлять телячьи нежности по отношению к бездушному камню. В итоге он выдает:

— Этот камень хранился в Нормане... Я думаю, ты знаешь, что Норман некогда был столицей Темной империи, — последнее он произносит, осматривая и ощупывая находку, испещренную древними иллиорскими рунами. — Это единственный оставшийся из девяти, поддерживавших границы государства. Активировать их можно с помощью девяти ключей из того же материала

Он проводит ладонью по совершенно ровной поверхности, натывается на что-то и оборачивается к эсхиллке, которая изо всех сил пытается скрыть раздражение, вызванное дискомфортом от нахождения рядом с заряженным силой иллиоров предметом.

— А вот и скважина, — он замолкает, а потом выдает: — кулон Ахрона такой же формы и величины. Хм... Не зря я ему не позволил его оставить. Но, и у Атцлы ничего не

получилось бы.

Фьяцла замирает в недоумении. Как так ничего не получилось бы? И ее родственнички столько усилий тратят ни за что?

Маг, заковив обжиматься с камнем, подходит к ней и протягивает руку, чтобы помочь встать с пола. Эсхиллка решает от помощи не отказываться, здесь она что-либо самостоятельно сделать не сможет, при любой попытке встать подгибаются ноги, и чем больше времени они в этом помещении проводят, тем хуже. Она хватается за протянутую конечность, позволяя ему поднять себя в вертикальное положение

Как только она встает и отряхивается от пыли, сразу задает интересующий вопрос:

— А почему у нее ничего не получится?

— Во-первых, ей не подойти к этому артефакту, — начинает объяснять маг, — сконцентрированная в нем сила иллиорских магов размажет ее тонким слоем по полу. Ты сама прочувствовала его воздействие. Во-вторых, кулон никак ни меньше фонит, чем камень. Ну и в-третьих, повелевать этой силой могут только потомки самого первого, создавшего эти девять артефактов, Темного Властелина — Идриса Темного.

От прозвучавшего в голосе Крома пафоса, девушка закатывает глаза, сопровождая это действия тяжелым вздохом, и произносит ничего не значащее, только чтобы закрыть поднятую тему:

— А... понятно...

Маг, явно не довольный тем, что она не выказала ни малейшей радости от получения новой информации, раздраженно передергивает плечами и спрашивает, рассматривая темные провалы окружающих выходов:

— Ну, так куда нам идти?

— Туда, — коротко произносит эсхиллка, указывая направо.

Кром прослеживает движение ее руки и следует в том направлении. Возвращается к ней, хватается за локоть и тянет за собой. Фьяцла тихо шипит, когда рука иллиора с силой сжимает предплечье. В это мгновение единственной ее мыслью было, что на коже останутся синяки.

После долгого блуждания по лабиринтам темных переходов, маг не удосужился прихватить с собой факел, они выходят в тускло освещенный коридор подземелья.

До того, как дверь затворяется, скрыв за собой темные недра застенья, иллиор оборачивается, чтобы запомнить ее местоположение. Фьяцла же на это внимания не обращает, уже порывается идти дальше, но приходится остановиться.

— Не трудись, все равно потом не найдешь, — отрешенным голосом, хорошо скрывая раздражение, бормочет эсхиллка, осматривая коридор. — В любом случае, где-нибудь найдется еще один.

Маг на это пожимает плечами и тянет, смирившуюся с таким положением вещей, Фьяцлу в сторону развилки, которая виднеется в самом конце. Как только они доходят до расширяющейся части коридора, и эсхиллка оказывается на свободе, она с облегчением вздыхает и потирает руку, на которой тут же начинает темнеть новоприобретенный синяк.

Отвлечшись на созерцание пострадавшей конечности, девушка не сразу улавливает колебания магического фона, а когда все-таки замечает, маг уже оборачивается к ней и произносит, указывая на коридор слева:

— Нам туда, в самый конец.

Эсхиллка обреченно закатывает глаза к потолку, пожимает плечами, но позволяет ему

снова вцепиться в руку мертвой хваткой.

— А нельзя было позаботиться об освещении, — шипит она от боли, когда в темноте запинаясь за приподнятый порог арки.

Со стороны Крома ничего на это не слышно, Фьяцла даже решает обидиться, но эту мысль прерывает внезапная остановка. Впереди слышится раздосадованное шипение на иллиорском, а следом маг во весь голос произносит:

— Ахрон все-таки приказал заложить вход в эту часть подземелья, — он скрипит зубами, сжимает руку Фьяцлы, которая готова хоть на стену лезть, только подальше от такого проявления раздражения, и говорит: — здесь я бессилён. Только если ты как-нибудь воздействуешь на камень.

Он отпускает ее руку.

Фьяцла, потирая теперь уже запястье, отходит на несколько шагов, принимает основной облик, подходит ближе к стене и тихо бормочет:

— Почему всегда как нужна грубая сила, так сразу Фьяцла?..

Она наносит по камням удар со всей возможной силой. Те глухо ухнув под ее кулаком, начинают трескаться и осыпаться на пол.

Пока Кром с Мелиасом и Норн обсуждают новоприбывшего, пока тот пытается зажать новообетенную дочь в крепких ребродробительных отеческих объятых, над Тьяцлой с громким хлопком возникает истлевший лоскут материи, который приземляется прямиком на макушку девушки. Та оставляет попытки отбиться от квохчащего что-то восторженно-радостное вампира и замирает.

Все замолкают и смотрят на нее. Ахрон с трудом переводит дух, когда узнает старую тряпку в руках эсхиллки. Он собственноручно приказывал заложить ту часть подземелья, так почему же доказательство того, что там хранится, сейчас перед ним? Полукровка вскакивает со скамьи, чтобы броситься к Тьяцле и отобрать тряпицу. Но ему нужно как-то обойти мага, чтобы выбраться из-за стола.

Эсхиллка долго смотрит на лоскут, переводит растеряный взгляд на Ахрона. Выбирается, поднырнув под руки, из объятий вампира, подходит к столу и протягивает оторопевшему Темному послание. Иллиор вызвывает ветош и рассматривает близко поднеся к глазам. Так и есть — письмо. Слова тускло светятся, написанные магическим пером.

Он продирается сквозь неразборчивый почерк, явно писали в спешке, перечитывает несколько раз и все равно смысл послания из-за беспокойства доходит до него не сразу. А когда все же понимает о чем в нем написано, он спрашивает у эсхиллки:

— Кто это писал? — почерк Крома он знает отлично, тот аккуратный, разборчивый даже в спешке. Этот же корявый и будто виверна лапой писала.

— Фьяцла, она сейчас в Темном, — зачем-то поясняет Тьяцла, рассматривая подсунутый под нос дурнопахнущий лоскут.

— И что она там делает? — цедит сквозь зубы иллиор, зловеще сверкая глазами и понимая, что от него все это время скрывали очень важную деталь.

— За Атцлой приглядывает и... — эсхиллка вздыхает и продолжает признание: — нужно чтобы за ней самой кто-то присматривал. Я попросила об этом Крома.

— Зачем? — спрашивает Ахрон, впрочем, понимая, что задает глупый вопрос и ответ очевиден.

— Атцла или Арицла послали бы ее на мои поиски. И она нашла бы меня. А живая я им не нужна. Просто лишний балласт, от которого они уже давно хотели избавиться, но он понадобился для некоторых целей, — отвечав Тьяцла. — И чем больше мозг Фьяцлы забит посторонними мыслями, тем больше вероятность, что приказ она не получит.

Темный переваривает поступившую информацию, а ведь он что-то родобное и предполагал. Но вот вопрос, как она вообще это все смогла проверить? Разделить двух главенствующих эсхиллок, сделать их уязвимыми, а в том, что армию эсхилл сейчас разгромить раз плюнуть, он более чем уверен, так еще и убийственной сестрице позаботиться. И еще один вопрос, зачем Кром с этой Фьяцлой потащились в ту часть подземелья?

— Какого черта твоя сестра потащила моего придворного мага в подземелье? — произносит Темный, настойчиво тыкая пальцем в обрывок рубахи.

Тьяцла вырывает из его рук тряпку, становится рядом с иллиором и указывая в некоторые строки поясняет:

— Бабулю кто-то выпустил из клетки, она не указывает кто, хочет сама потом разобраться с этим. Так, Фьяцла дезориентировала ее проверенным методом. Молодец, нечего сказать. А в подземелье ее сам маг потащил, у него появилась идея с кандалами из черного камня. Нда, а там оказалось такое... Ты совсем дурной, что хранишь у себя это? — спрашивает она, отшатываясь от Ахрона подальше. — Я в Темный теперь ни ногой! И не пытайтесь уговаривать, никакие нити-связи не заставят согласиться! Не хочу, чтобы меня в один прекрасный день схарчили.

Ахрон раздраженно передергивает плечами. Кто тех двоих вообще надоумил все предпринимать? Сидели бы в его комнатах и сидели, никто бы не проник туда, но им видится ли захотелось самодеятельности. Не могли сложа ручки подольше подождать, когда он вернется. А еще эта тут мешается, слишком много проблем из-за нее.

— А тебя никто и не заставляет в Темном жить. Можешь катиться на все четыре стороны, — шипит в лицо эсхилке полукровка, несмотря на то, что для этого маневра приходится нагнуться.

— Посмотрим, как ты будешь скулить, когда начнешь загиняться, — не остается в долгу Тьяцла.

Эти слова доводят Ахрона до пограничного состояния, которое требуется для перехода в образ животного. Крайняя ярость заполняет сознание, перед глазами все начинает плыть.

Выводит его из транса громкий голос Мелиаса:

— Так, друг мой Ирион, пожалуй, нам стоит оставить их одних, чтобы они могли обговорить и решить все проблемы.

Темный смаргивает и смотрит в сторону выхода, где уже стоит маг, одной рукой обнимая за талию Норн, а другой похлопывая по плечу растерянного вампира. Тот отмахивается от него и с беспокойством смотрит на Ахрона с Тьяцлой.

Девушка поворачивается к новообретенному папочке и ровным успокаивающим тоном произносит:

— Можете идти. Не беспокойтесь, он не посмеет ничего мне сделать. У него теперь есть ряд ограничений и очень жесткие рамки поведения, — она усмехается.

— У тебя, между прочим, тоже, — цедит сквозь зубы иллиор, выпрямляясь и смотря сверху вниз на эсхилку.

— И именно это меня огорчает, — вздыхает Тьяцла, отворачиваясь от двери, переводит взгляд на Темного и пожимает плечами: — тебя в моих планах изначально не было. И я не хотела приближаться к тем, кто меня знает менее чем на полмира, а теперь мне придется возвращаться и спасать эту дурынду вместе с твоим магом. Я ведь не могу ее оставить на произвол судьбы.

Ахрон удивленно смотрит на нее.

— Не верю, что ты можешь так легко отказаться от задуманного ради второй дочери матриарха и какого-то мага, — сварливо произносит он.

— Вторая дочь матриарха моя сестра. И если бы она не выжила тогда с этим сомнительным титулом и репутацией машины убийств щеголяла я. А какой-то маг мой единственный друг, у которого ни разу за время нашего общения не возникло мысли избавиться от меня, — в тон ему отвечает эсхилка. Она мерит его взглядом и продолжает: — а вот ты для меня никто. Просто какой-то оборотень-полукровка, с которым я по воле неугомонных родственниц и собственной глупости, оказалась в одной лодке.

Во второй раз за короткий промежуток времени Темный оказывается в пограничном

состоянии. Перед глазами плывет и темнеет. Погружение в полную темноту прерывает:

— Ты на меня свою зверушку не натравливай. Я медведей не боюсь! — с толикой бравады говорит девушка и шлепает его ладонью по щеке.

Со стороны двери раздается испуганный возглас. Иллиор с эсхиллкой резко разворачиваются к источнику шума, которым оказывается Норн. Оборотень прижимает ладонь ко рту и испугано смотрит на них, а за ее спиной стоят человек и вампир в оборонительных стойках, но как только они понимают, что обращения не придвидится, расслабляются, опускают руки. А Мелиас даже произносит примирительным тоном:

— Если решите возвращаться в Темный, мы с вами, — дернувшемуся было на выход, вампиру в бок попадает локоть мага. — Чтобы не натворили глупостей. И свести старые личные счеты. Можем даже прямо сейчас выдвигаться.

Со стороны Ириона раздается возмущенное сопение.

— Но сначала все-таки пообедаем, — произносит Норн, когда к ней возвращается способность говорить. — А то все совсем остынет.

И подает всем пример, пройдя к столу, при этом по широкой дуге обходит Ахрона, который возмущенно таращится на свидетелей неприятного для него разговора.

— Что. Вы. Все. Здесь. Забыли? — зло цедит он, прищурился глаза и обводя взглядом тех, кто собирался выйти.

— Да мы тут для подстраховки остались. На всякий случай, — произносит оборотень, разливая по тарелкам суп. — А такой бы случай подвернулся, Ахрон. Ты совсем не контролируешь эмоции перед обращением, поэтому и приучается, что обращаешься в безумное животное. Даже не представляю, что случилось бы с Тьяцлой, не окажись мы здесь. Я видела много оборотней, жила в их деревне. Меня саму долго обучали контролю, для обращенных посредством укуса все намного сложнее, чем даже для полукровок. Но ты, — она указывает в его сторону половником: — совсем запущенный случай. Первое обращение произошло очень поздно, никакого элементарного контроля, а все остальные несовершенства можно будет выявить только после продолжительного обучения. Мел, я беру этого в ученики. Нельзя чтобы на свободе находилось столь опасное необученное существо.

Дослушав монолог Норн, иллиор разворачивается, идет к двери и, громко хлопнув ею, выходит из дома.

Во время долгого блуждания по узким тропинкам вокруг лесного дома, Ахрон успокаивается и принимает решение, подавив обиду на слова Норн, все-таки напроситься к ней в ученики. Его самого начинают пугать бесконтрольные взрывы ярости по пустякам, которые и побуждают зверинную сущность выбраться на поверхность. И почему его взбесило предложение Мелиаса Многомудрого отправиться в Темный всем вместе? Ведь сколько плюсов из этого следует: во-первых, Мелиас рассказывает о свойствах кулона и обучает эсхиллку; во-вторых, Ирион Лангарский сможет собственноручно скрутить Арицлу и забрать с собой, скорее всего она со своей армией уже штурмует купол вокруг княжества; в-третьих, Норн будет обучать его контролю. В таком случае, все чудесно, все прекрасно. И обязательно нужно принести извинения.

С такими мыслями он выходит на тропинку, которая ведет напрямиком к домику.

На полпути к жилищу мага, полукровка встречает Тьяцлу, которая медленно бредет, поддевая мыском ботинка жухлую листву и отбрасывая в сторону.

Поравнявшись с ней, Ахрон некоторое время идет молча, а потом произносит:

— Прошу прощения за все, что наговорил и сделал.

— Прощаю, — чуть слышно отвечает девушка и уже громче, потупив взгляд: — это я должна просить прощения. Уж я-то как раз и наговорила, и наделала.

— Прощаю, — говорит Темный, в странном порыве кладет ладонь ей на голову и треплет по волосам.

Эсхиллка возмущенно сопит, но не высказывается по поводу недовольства.

Они подходят к дому. Тьяцла входит первая, Ахрон слышит как она что-то говорит собравшимся там.

Иллиор некоторое время топчется у двери перед тем, как последовать за ней. Все, кроме Тьяцлы, которая, не обращая на него внимания, что-то пишет на клочке бумаги, встречают его настороженно, будто сейчас он накинется и растерзает их. Под выжидательными взглядами Темный проходит к столу и останавливается не доходя нескольких шагов.

Он пристально всматривается в черты умудренных несчетными годами жизни существ и с тяжким вздохом опускает голову:

— Прошу прощения за то, что устроил здесь, — он переводит дух и произносит: — мне очень нужна ваша помощь.

— Ахрон, посмотри на меня, — говорит Мелиас, заставляя полукровку поднять на него взгляд. — Норн готова взять над тобой шефство и обучить контролю над сущностью. Я же помогу всем, чем смогу. В том числе разьясню тебе принцип действия твоего кулона и его составных частей, — после короткой паузы он произносит: — а теперь садись и ешь. Тебе нужно восполнить потерю энергии, ушедшей на частичный оборот.

Встает с места, смотрит на представительницу семьи Фаэтон и указывает на дверь:

— А ты вставай, сейчас будем проводить последний на сегодня урок.

Девушка сглатывает и затравлено смотрит на мага, но поднимается с места, оставив недописанную записку, плетется следом за ним.

Ахрон же плюхается на скамью, тяжело вздохнув, вцепляется в ложку, и только собирается зачерпнуть ей изрядно остывший суп, как его отвлекает голос:

— А я помогу быстро и без потерь добраться до границы княжества.

Он отрывает взгляд от тарелки и смотрит на вампира.

— Думаю, я найду там свою пропажу, — поясняет Ирион, заметив удивление на лице иллиора.

До Темного наконец доходит о ком тот говорит. Слишком много всего связано с определенным родом эсхиллок.

Отбиваясь от новообретенного отца, Тьяцла уже не пытается найти выход из возникшей странной ситуации и ребродробительных объятий папочки в купе с радосино-восторженным вквохчанием. Ахрон с Мелиасом и Норн обсуждают что-то важное и вряд ли отвлекутся на спасение, обретшей еще одного члена семьи, эсхиллки.

Счастливые словоизлияния вампира не прерывает даже громкий хлопок. На голову девушки падает полуистлевший, дурно пахнувший, лоскут материи. Она замирает, больше не делая попыток выбраться. Все вокруг замолкают и смотрят на нее. Темный даже как-то подозрительно бледнеет, воззрившись на тряпицу, вскакивает с места. И что-то ей подсказывает, что если бы не маг и Норн, рассевишиеся по бокам от него, он бы уже отобрал у нее послание, а ничто иное магической почтой не возможно отослать, и разорвал намелкие куски или уничтожил любым другим способом.

Тьяцла снимает с головы тряпку, разворачивает ее и долго всматривается в, тускло светящиеся, строки. Смысл послания доходит до нее сразу — Фьяцла с Кромом вспрыли по

крупному. Что в такой ситуации делать она не знает, переводит растерянный взгляд на Ахрона. Поднырнув по руки вампира, она выбирается из его объятий, подходит к столу и протягивает послание оторопевшему иллиору. Тот хватает ветошь, словно утопающий соломинку и, близко поднеся к глазам, долго вчитывается в слова.

— Кто это писал? — спрашивает полукровка у эсхиллки.

— Фьяцла, она сейчас в Темном, — зачем-то поясняет Тьяцла, рассматривая подсунутый под нос дурнопахнувший лоскут.

— И что она там делает? — цедит сквозь зубы иллиор, зловеще сверкая глазами.

— За Атцлой приглядывает и... — Тьяцла вздыхает и продолжает признание: — нужно чтобы за ней самой кто-то присматривал. Я попросила об этом Крома.

И как бы ей не хотелось раскрывать планы связанные с сестрой, не предвидеть следующий вопрос невозможно:

— Зачем?

— Атцла или Арицла послали бы ее на мои поиски. И она нашла бы меня. А живая я им не нужна. Просто лишний балласт, от которого они уже давно хотели избавиться, но он понадобился для некоторых целей, — отвечав эсхиллка, раздумывая в этот момент о своей незавидной судьбе, реши она остаться на виду у родственниц. — И чем больше мозг Фьяцлы забит посторонними мыслями, тем больше вероятность, что приказ она не получит.

На лице Ахрона отражается работа мысли. Тьяцла думает, что следующий вопрос будет о подземелье, Кроме и ее сестре. Она готовится достойно ответить на него.

— Какого черта твоя сестра потащила моего придворного мага в подземелье? — произносит Темный, настойчиво тыкая пальцем в обрывок чей-то рубахи.

Не такой вопрос ожидает, но вырывает из его рук тряпку, становится рядом и указывая в некоторые строки поясняет:

— Бабулю кто-то выпустил из клетки, она не указывает кто, хочет сама потом разобраться с этим. Так, Фьяцла дезориентировала ее проверенным методом. Молодец, нечего сказать. А в подземелье ее сам маг потащил, у него появилась идея с кандалами из черного камня. Нда, а там оказалось такое... Ты совсем дурной, что хранишь у себя это? — спрашивает она, отшатываясь от Ахрона подальше. — Я в Темный теперь ни ногой! И не пытайтесь уговаривать, никакие нити-связи не заставят согласиться! Не хочу, чтобы меня в один прекрасный день схарчили.

Она настороженно смотрит на Ахрона, который раздраженно поводит плечами, наклоняется так, чтобы быть на уровне ее лица и шипит:

— А тебя никто и не заставляет в Темном жить. Можешь катиться на все четыре стороны.

— Посмотрим, как ты будешь скулить, когда начнешь загиняться, — не остается она в долгу.

В это мгновение девушка понимает, что сказала что-то неприемлемое. Глаза и черты лица Темного меняются, принимая звериные очертания. Эсхиллка отшатывается от него дальше, но это вряд ли помогло бы, если Ахрон кинется на нее. Спасает ее громкий голос Мелиаса, который обращается к вампиру:

— Так, друг мой Ирион, пожалуй, нам стоит оставить их одних, чтобы они могли обговорить и решить все проблемы.

Еще мгновение во взгляде Ахрона, обращенном к стоящей у выхода троицы, плещется животная ярость, которая быстро сходит на нет. Девушка краем глаза замечает

настороженный взгляд отца, поворачивается к нему и ровным успокаивающим голосом произносит:

— Можете идти. Не беспокойтесь, он не посмеет ничего мне сделать. У него теперь есть ряд ограничений и очень жесткие рамки поведения, — она усмехается.

— У тебя, между прочим, тоже, — цедит сквозь зубы иллиор, выпрямляясь и смотря на нее сверху вниз.

— И именно это меня огорчает, — вздыхает Тьяцла, отворачиваясь от двери, переводит взгляд на Темного, пожимает плечами и говорит чтобы окончательно его добить: — тебя в моих планах изначально не было. И я не хотела приближаться к тем, кто меня знает менее чем на полмира, а теперь мне придется возвращаться и спасти эту дурынду вместе с твоим магом. Я ведь не могу ее оставить на произвол судьбы.

Ахрон удивленно смотрит на нее.

— Не верю, что ты можешь так легко отказаться от задуманного ради второй дочери матриарха и какого-то мага, — сварливо произносит он.

— Вторая дочь матриарха моя сестра. И если бы она не выжила тогда с этим сомнительным титулом и репутацией машины убийств щеголяла я. А какой-то маг мой единственный друг, у которого ни разу за время нашего общения не возникло мысли избавиться от меня, — в тон ему отвечает эсхиллка. Она мерит его взглядом и продолжает: — а вот ты для меня никто. Просто какой-то оборотень-полукровка, с которым я по воле неугомонных родственниц и собственной глупости, оказалась в одной лодке.

Во второй раз за короткий промежуток времени Тьяцла замечает во взгляде Темного недобрый огонек. Мысль о том, что сейчас будет безжалостно растерзана, заставляет ее совершить невообразимое, за что иллиор точно по головке не погладит.

— Ты на меня свою зверушку не натравливай. Я медведей не боюсь! — громко говорит девушка и шлепает его ладонью по щеке.

Со стороны двери раздается испуганный возглас. Иллиор с эсхиллкой резко разворачиваются к источнику шума, которым оказывается Норн. Оборотень прижимает ладонь ко рту и испугано смотрит на них, а за ее спиной стоят человек и вампир в оборонительных стойках, но как только они понимают, что обращения не привидится, расслабляются, опускают руки. А Мелиас даже произносит примирительным тоном:

— Если решите возвращаться в Темный, мы с вами, — дернувшемуся было на выход, вампиру в бок попадает локоть мага. — Чтобы не натворили глупостей. И свести старые личные счета. Можем даже прямо сейчас выдвигаться.

Со стороны Ириона раздается возмущенное сопение.

— Но сначала все-таки пообедаем, — произносит Норн, когда к ней возвращается способность говорить. — А то все совсем остынет.

И подает всем пример, пройдя к столу, при этом по широкой дуге обходит Ахрона, который возмущенно таращится на свидетелей разговора.

— Что. Вы. Все. Здесь. Забыли? — зло цедит тот, прищулив глаза и обводя взглядом тех, кто собирался выйти.

— Да мы тут для подстраховки остались. На всякий случай, — произносит оборотень, разливая по тарелкам суп. — А такой бы случай подвернулся, Ахрон. Ты совсем не контролируешь эмоции перед обращением, поэтому и приучается, что обращаешься в безумное животное. Даже не представляю, что случилось бы с Тьяцлой, не окажись мы здесь. Я видела много оборотней, жила в их деревне. Меня саму долго обучали контролю,

для обращенных посредством укуса все намного сложнее, чем даже для полукровок. Но ты, — она указывает в сторону Ахрона половником: — совсем запущенный случай. Первое обращение произошло очень поздно, никакого элементарного контроля, а все остальные несовершенства можно будет выявить только после продолжительного обучения. Мел, я беру этого в ученики. Нельзя чтобы на свободе находилось столь опасное необученное существо.

Тьяцла только презрительно хмыкает, когда Темный выходит, громко хлопнув дверью.

— А кто этот подозрительный молодой человек? Что-то я подобных не припоминаю, — запоздало спрашивает Ирион, смотря отчего-то на эсхиллку.

— Ахрон Темный, собственной иллиорско-высокомерной персоной, — отвечает девушка, садясь за стол и приступая к трапезе. Она решает не ждать, когда явится иллиор. Тем более, ей скоро нужно будет идти принимать очередные тычки и затрещины от Мелиаса.

— Сын Ардора? А что он в такой глуши делает? — задает вампир невинный вопрос, а Тьяцле уже хочется перелезть через стол и выщарапать ему глаза.

— Так вы не знаешь еще?! — удивляется она без притворства. Размах праздненства был такой, что все уже давно должны были узнать о том, что Атцла с Арицлой воплощают в жизнь очередной план. — А вы теперь тоже его родственничек. Тесть, так сказать.

Эсхиллка наблюдает за работой мысли Лангарского, встает с места, берет пустую тарелку и относит ее к тазу, где уже пребывают посуда Мелиаса и Норн. Когда она проходит мимо Ириона в направлении к выходу ее догоняют слова:

— Не забудь привести моего зятя обратно. Заблудится еще. К эсхиллкам попадет. Эсхилльские степи тут не далеко. Сотня шагов с тропинки и все, ты над костром на вертиле, главным блюдом к ужину, — вампир замолкает и после недолгих раздумий произносит: — потом расскажешь, как все произошло.

Последнее звучит зловеще, Тьяцла сглатывает и мямлит:

— Хорошо... обязательно.

И сразу на всех парах вылетает из дома, чтобы не попасть на несвоевременную раздачу.

Эсхиллка долго бродила по лесу в поисках куда-то запропадившегося Темного. А ведь могла провести это время за неспешной прогулкой по тропинкам, любованием природой и размышлениями о дальнейших планах.

Она бредет по подозрительно широкой тропе, на земле без единой травинки виднеются следы подозрительно похожие на отпечатки лап степных виверн.

Тьяцла приседает и рассматривает находку. Благо, ее этому обучали, когда думали, что Фьяцла не выживет. Вот только не задумывались, что знания эти ей в будущем понадобятся. Ее догадки оправдываются. Тем более, что доказательство ее умозаключений поспешило явить себя, хоть и в еле слышном шуме, но постепенно приближающемся.

Девушка успевает нырнуть в кусты на обочине, когда из высоких зарослей, где впереди тропа сворачивает на поляну, выныривает первая эсхиллка верхом на серой степной виверне. Существо размером с крупного тяжеловоза неуклюже передерает лапами не приспособленными для пеших передвижений. Грузная степная воительница смешно переваливается с боку на бок, что-то басовито бормоча. Следом выбралась еще одна. И еще. И еще.

Когда они проползают мимо кустов, за которыми прячется Тьяцла, та уже сбивается со счета, остановившись на ста двух.

Она переводит дух. Стараясь не шуметь, пятится назад, а когда добирается до места, где

ее не заметят, припускает со всех ног.

Замедляет бег Тьяцла только, когда понимает, что находится вблизи к лесному домику Мелиаса.

Она бредет медленно, поддевая мыском ботинка жухлую листву и отбрасывая в сторону. Из раздумий о том, куда направляется большой отряд эхсилл, через почти непролазный лес, так еще и на неуклюжих степных вивернах, ее выводит голос:

— Прошу прощения за все, что наговорил и сделал.

— Прощаю, — тихо отвечает девушка и уже громче, потупив взгляд: — это я должна просить прощения. Уж я-то как раз и наговорила, и наделала.

— Прощаю, — произносит Темный, и треплет ладонью по волосам.

Она возмущенно сопит, но не высказывается по поводу недовольства.

Они подходят к дому.

Тьяцла первая заходит в дом и с порога выдает:

— Я видела эхсиллок. Большой отряд, скорее всего матушка вызвала подкрепление, чтобы штурмовать купол.

Проходит к столу и садится за написание обратного послания сестре.

В помещение входит иллиор, просит прощения, а дальнейший разговор она не слышит, полностью погрузившись в продумывание письма.

Краем глаза девушка замечает, что маг встает с места. Она поднимает лицо от, испещренного аккуратным почерком, клочка бумаги и сталкивается с его серьезным взглядом. Он указывает на дверь:

— А ты вставай, сейчас будем проводить последний на сегодня урок.

Она сплывает и затравлено смотрит на Мелиаса, но поднимается с места, оставив недописанную записку, плетется следом за ним.

Пыль медленно оседает на все, что находится вокруг, в том числе и на Крома с Фьяцлой, которые пристально всматриваются в проступившую в сером мареве контуры арки.

Впереди, из открывшегося коридора, слышится шорох и шлепание босых ног. Темнота озоряется сотнями парных зеленых огоньков.

Маг ширит ругательства на иллиорском, переводя их в нормальную речь:

— Оказывается Ахрон замуровал тут жерт неудачных экспериментов предыдущего придворного мага...

Эхсиллка перебивает его:

— А уничтожить их никак нельзя было?

— Они неубиваемы, — торжественно произносит Кром, выдержав эффектную паузу.

В следующее мгновение он вынужден выдержать натиск Фьяцлы. Девица с истошным визгом мгновенно охлопывается и уже в более компактном виде взгромождается на мага, спасаясь от вытянувшейся из темного провала серой руки. Та совершает хватательное движение и, не поймав ничего кроме воздуха, убирается восвояси.

В голове Крома проносится рой мыслей и воспоминаний. Впечатлительный, но скрывающий эту черту за невозмутимостью, Ахрон после вылазки в другой мир, частенько рассказывал странные ненужные, но интересные истории, которые называются фильмами. Некоторые были про неких зомби. С учетом того, что Фьяцла тоже там периодически бывает, ее следующие слова предсказуемы.

— Они зомби? — с благоговейным ужасом шепчет девушка магу на ухо, цепляясь за него руками и ногами.

— Нет, люди, только Аарон немного пошалил с ними. Жаль, эксперименты прошли неудачно, так бы что-нибудь и получилось бы. Может и мать Ахрона, которая тогда была уже при смерти, еще можно было бы спасти. А там она бы уже разобралась со всем, — Кром горестно вздыхает и пытается отцепить эсхиллку, которая еще сильнее сжимает пальцы на его плечах. Прикладывает немало усилий для этой задачи, но все безрезультатно. Он с обреченностью в голосе произносит: — Может ты уже отцепишься, а?

— Я их боюсь, — напрямую говорит Фьяцла, все-таки отдирая от камзола руку и указывая в сторону светящихся глаз. И выдает нечто совсем абсурдное: — вдруг, я спущусь на пол, а они накинутся на нас! Я не хочу завершить жизненный путь в желудке мутанта!

Иллиор закатывает глаза, шипит очередное ругательство и с новыми силами приступает к освобождению из мертвой хватки.

Девушка верещит во все горло, привлекая большее внимание затаившихся в темноте существ, которые еще не понимают всего свалившегося на их головы счастья.

— Фьяцла, пожалуйста, угомонись уже! — прикрикивает на нее Кром, бросая любые попытки избавиться от балласта. — Если бы ты не была эсхиллкой и, тем более, второй дочерью матриарха, я бы еще понял твое поведение. Но ты та, кто ты есть, изволь соответствовать действительности.

Она замолкает, но плотнее прижимается к магу, чуть не задушив его при этом.

— Пожалуйста, только не отпускай меня, — тихо-тихо шепчет она, почти касаясь губами его уха. — Иначе, я умру от страха.

Кром замирает, как громом пораженный, и не сразу замечает, что их окружают. В чувство его приводит истошный визг, очередная загребущая серая ручка удачно цепляется за ляжку Фьяцлы, и пощечины.

— А! Что?.. — только и выдает дезориентированный еще больше маг.

— Кромушка, милый, прошу тебя, больше не делай так. Я отсюда сама выбраться не смогу, — хрипит эсхиллка сорванным голосом. — И пока ты был не здесь, они успели нас окружить.

После этих слов иллиор сбрасывает с себя оцепенение и осматривается. Все свободное пространство и вдоль стен заполняют серые лыбые существа в лохмотьях. Они опасливо пригибаются ближе к полу, оставаясь на расстоянии прыжка, единственный ретивый уже получил по рукам от эсхиллки и теперь размахивал ими, как ветряная мельница крыльями.

— Ты что, сломала руки этому? — удивленно вопрошает Кром, пытаясь заглянуть в лицо девушки, которая как раз поворачивается, чтобы посмотреть на увечного.

Перехватив его взгляд, она отворачивается и утыкается носом ему в шею.

— Наверное, — тихо хрипит.

Кром только вздыхает, удобнее перехватывает повисшую на нем эсхиллку и осматривает пространство вокруг. Сил должно хватить на один переход. И никто не пострадает. Только если эти серые человечки не соберутся добраться до используемых подземелий и подвалов. Произносит, обращаясь к Фьяцле:

— Потерпи немного, — он приступает к плетению портала, с координатой выхода в темнице, где находятся кандалы из черного металла. — Надеюсь, ты меня потом не убьешь за это. Если, конечно, я не отброшу копыта раньше времени.

Пространство перед ним подергивается мутной рябью открывшегося портала, он делает шаг и сразу же выходит в темнице. На удивление сухой и чистой темнице.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Фьяцла, отцепившись от многотрадального камзола, отползает в угол, бормоча что-то об иллиорах и их порталах. Кром падает как подкошенный там, где и стоит. Переход отнимает все накопленные за короткое время силы.

Приходит в себя Кром внезапно. Просто открывает глаза и смотрит в потолок темницы, иссеченый тонкими и глубокими трещинами. Из угла, в который уползла ранее эсхиллка, исходит ровный тусклый свет. Он переводит взгляд туда и видит склоненную над куском чьих-то штанов девицу. Она быстро водила над лоскутом, магическим пером, светящимся в темноте. Которое, если верить слухам, сам он никогда ими не пользовался, оставляет такое же тусклое сияние на листе.

Маг, прилагая невероятные усилия, садится и скрипит, указывая на то, что заменяет бумагу:

— Ты где это достала?

Эсхиллка оборачивается, смотрит на его палец, переводит взгляд на тряпку, пожимает плечами и отвечает:

— Да тут некоторые ломались, еле-еле отбилась, а трофей решила в дело пустить. Вот, Тьяцле письмоцо пишу.

— А может без нее тут разберемся?.. — неуверенно произносит Кром. — В конце концов, чем она может тут помочь?

— Приведет сюда Темного. Он же за ней поехал? Если я точно поняла, для того чтобы она дала добро на открытие купола... Да, ты тоже натворил делов... Это же надо было концы плетения против эсхилл завязать на эсхиллке.

— Это был единственный возможный на тот момент вариант, — уклончиво отвечает маг и замолкает. Он перебирается ближе к стене и облакачивается на нее. Так намного удобней, не смотря на то, что она холодная.

Он краем глаза наблюдает, как Фьяцла сгребает письмо, встает и идет в его сторону. Садится рядом и протягивает клок полуистлевшей ткани. Пока он вчитывается в корявый, словно виверна лапой писала, почерк, девушка говорит:

— Единственный возможный вариант... Просто ты был влюблен в нее, она в тебя. Я еще думала, что-то серые ее глазки слишком ярко сияют, а тут такое. И знаешь, не каждой эсхиллке рассказывают, что она может менять свою внешность. Ей же, даже не смотря на блокировку магического источника, досталось то, о чем ни одна эсхиллка мечтать не может, по крайней мере та, которая не знает о некоторых возможностях, — нормальная внешность, которая к следующему году выправилась бы полностью.

Кром отрывается от чтения и с удивлением косится на девушку.

— С чего ты это все взяла? — спрашивает он.

Фьяцла тяжело вздыхает, откидывается назад, облакачиваясь спиной о стену, и отвечает:

— А на нее все всегда западают, даже не смотря на ее вполне мужественный подбородок.

— Ты ей просто завидуешь, — констатирует факт маг.

— Угу, наверное, — отвечает она, широко зевнув, и переводит разговор: — ну, так ты дочитал? Если нет, то я здесь, рядом с тобой прикорну, а то совсем устала.

Так и не дождавшись его ответа, она повторно зевает и кладет голову ему на плечо.

А Кром не спешит возвращаться к прочтению. Он погружается в размышления о том, к чему был весь этот разговор, и что это за странная мысль промелькнула там к коридоре, из-

за которой он потом решил сплести портал. Определенно, одна отдельная эсхилка создает очень много проблем.

За пределами темницы раздаются шлепающие шаги, медленно приближающиеся. Маг, отбросив лишние мысли на более благоприятный момент, прислушивается. Скоро этот некто должен подобраться к их темнице. Иллиор комкает будущее послание в ладони и запихивает в карман камзола. Становится темнее, но из того угла, где Фьяцла писала письмо, исходит тусклый свет от забытого пера.

Иллиор, осторожно придерживая за плечи спящую эсхилку, прислоняет ее к стене, встает и, стараясь не шуметь, медленно идет к камню, вывернутому из стены. Поспешно хватая предмет, обжигаясь о его поверхность созданную враждебной магией, и запихивает его в карман. Как раз вовремя. Босые шлепки по камням слышатся уже рядом с их темницей.

Маг перемещается ближе к стене и замирает, чтобы не привлечь ненужное внимание. Шаги останавливаются напротив решетки. В темноте четко вырисовывается серый сгорбленный силуэт. Существо приближается, хватается за прутья крючковатыми пальцами и осматривает темницу зелеными светящимися глазами, сканируя каждый доступный сантиметр стен.

Кром вздрагивает от неожиданности, когда в полной тишине раздается громкое шуршание. Фьяцла медленно сползает на пол, чтобы сразу проснуться и уставиться в голодные глаза серого существа, которое каким-то непостижимым образом наполовину пролезло через узкое пространство. Оно собирается продолжить начатое, но иллиор опережает, выбрасывая в его сторону, первое в жизни смертельное плетение из разряда запрещенных. То, что некогда было человеком, оплетает синее сияние, закрывшее все, что за ним происходит. Когда последние всполохи оподают на пол, прожигая камень, в темном кругу остается небольшая кучка пепла.

Маг по стене сползает на пол, в отчаянии хватаясь за голову и бормоча:

— Все кончено, теперь меня казнят за нарушение закона.

Снова раздается шуршание, заставившее его вздрогнуть, тихие шаги и эсхилка опускается на пол сантиметрах в десяти от него.

— Не убивайся так, может еще пронесет, — после тяжелого вдоха произносит она, подтягивая к себе колени.

— Это у вас не существует запрещенных плетений, а у нас за каждый промах сжигают, — горько усмехается Кром.

— Откуда им знать, что произошло. Промолчал и все, — легкомысленно машет рукой Фьяцла и тут же меняет тон: — страшнее то, что мне дали задание.

— Как? Когда? Какое? — оживляется маг, после смены темы разговора.

— Во сне явилась матушка и приказала убить тебя, — разводит руками девушка. Иллиор определяет это по движению воздуха.

— Ну, и чего ты тогда ждешь? Давай, убивай. Не ты, так магический совет на костер отправит.

— Не, я этого делать не буду. Ты мне слишком нравишься, чтобы лишиться твоего общества, — поспешно произносит эсхилка и надолго замолкает.

Через некоторое время Кром чувствует, как прохладные пальцы Фьяцлы прикасаются к подбородку. Она поворачивает его лицом к себе, притягивает ближе и мимолетно касается губами его губ. Быстро отстраняется. Он же недоуменно хлопает глазами, смотря в темноту, где должна пребывать эсхилка. Разбежавшиеся было мысли собираются в кучу, он

понимает, что уже несколько раз ускользало от него.

Маг вынимает из кармана перо, которое тускло освещает пространство вокруг, кладет его на пол, и поворачивается к Фьяцле. Та пытается в смущении отвернуться, но он протягивает руку и задерживает ее порыв, поворачивая к себе. Склоняется к ее лицу и накрывает ее губы своими. Одной рукой эсхиллка обнимает его, другой зарывается в волосы. Кром притягивает ее ближе к себе.

Около решетки раздается громкое рычание, которое прерывает их. Фьяцла отстраняется от иллиора. Тот недобро косится на серое существо с той стороны темницы и уже собирается повторно пульнуть в него синее нечто, как в поле зрения появляется еще с десяток. Маг переводит взгляд на смущенную и разозленную девушку, произносит слегка охрипшим голосом:

— Похоже пришло время отправлять письмо, иначе мы отсюда никогда не выберемся.

Он вынимает из кармана скомканую тряпицу и передает ее Фьяцле, которая выхватив ее из рук, тут же начинает делать некие пасы, после которых записка исчезает.

Когда пыль немного оседает, Фьяцле удается сквозь серое марево рассмотреть контуры арки, а вместе с ними и, вспыхнувшие мириадами зеленых огоньков, глаза неких существ в темном провале открывшегося коридора. Слышится шорох и шлепанье босых ног по камню.

Рядом Кром что-то зло шипит, переводя сказанное в нормальную речь:

— Оказывается Ахрон замуровал тут жерт неудачных экспериментов предыдущего придворного мага...

Она некультурно перебивает его:

— А уничтожить их никак нельзя было?

— Они неубиваемы, — торжественно произносит Кром, выдержав эффектную паузу.

Эсхиллка не понимает радоваться этой новости или уже начинать впадать в панику.

В следующее мгновение девушка замечает выплывшую из мрака серую конечность. Истошно визжа, она каким-то чудом не забывает принять более компактный вид и карабкается на мага, который стоически выдерживает ее маневр. Рука совершает хватательное движение и, не поймав ничего кроме воздуха, убирается восвояси.

Увидев эту тощую серую конечность, она вспоминает о так полюбившихся ей фильмах о зомби. Ей они нравятся, но столкнуться с таким в реальной жизни. Она решает задать вопрос:

— Они зомби? — с благоговейным ужасом шепчет она магу на ухо, цепляясь за него руками и ногами.

— Нет, люди, только Аарон немного пошалил с ними. Жаль, эксперименты прошли неудачно, так бы что-нибудь и получилось бы. Может и мать Ахрона, которая тогда была уже при смерти, еще можно было бы спасти. А там она бы уже разобралась со всем, — Кром горестно вздыхает и пытается отцепить ее, пока она еще сильнее сжимает пальцы на его плечах. В конце концов, оставив попытки отделаться от эсхиллки, он с обреченностью в голосе произносит: — Может ты уже отцепишься, а?

— Я их боюсь, — без капли смущения произносит Фьяцла, все-таки отдирая от камзола руку и указывая в сторону светящихся глаз. И выдает нечто совсем абсурдное: — вдруг, я спущусь на пол, а они накинутся на нас! Я не хочу завершить жизненный путь в желудке мутанта!

Она немного расслабляется, когда маг прекращает попытки избавиться от нее, но ей тут же приходится вцепиться в него.

Иллиор шипит очередное ругательство и с новыми силами приступает к освобождению из мертвой хватки. Возмущенная такой наглостью, Фьяцла верещит во все горло, привлекая большее внимание затаившихся в темноте существ.

— Фьяцла, пожалуйста, угомонись уже! — не выдерживает и повышает голос Кром, бросая попытки избавиться от вцепившейся мертвой хваткой эхиллки. — Если бы ты не была эхиллкой и, тем более, второй дочерью матриарха, я бы еще понял твоё поведение. Но ты та, кто ты есть, изволь соответствовать действительности.

Девушка, вспомнив о том, что в коридоре они не одни, благоразумно замолкает, но плотнее прижимается к магу, чуть не задушив его.

— Пожалуйста, только не отпускай меня, — тихо-тихо лихорадочно, со спешкой, шепчет она, почти касаясь губами его уха. Она чувствует, как каждая ее поджилка трясется от ужаса. — Иначе, я умру от страха.

Она всегда была труслива, но то, что с эхиллкой происходило во время прошлого пребывания в замке, сейчас заставляет ее трястись при малейшем шорохе. Уж сильно она впечатлительна для второй дочери матриарха.

Кром замирает, после сказанного, и не замечает ничего вокруг, а встревоженная и испуганная Фьяцла бдит. Она по передвижениям светящихся глаз замечает, что их начинают брать в кольцо. Так же видит, как из темноты стремительно выпрыгивает очередная серая конечность, цепляется за ее ляжку и тут же, получив сокрушительный удар по запястью, возвращается в темень.

Эхиллка истошно вопит и начинает раздавать иллиоры звонкие пощечины.

— А! Что?.. — возвращается в реальность маг.

— Кромушка, милый, прошу тебя, больше не делай так. Я отсюда сама выбраться не смогу, — хрипит девушка, сорванным от визга голосом. — И пока ты был не здесь, они успели нас окружить.

Кром осматривается и с удивлением спрашивает:

— Ты что, сломала руку этому?

Он пытается заглянуть в ее лицо, когда она поворачивается, чтобы посмотреть на увечного.

Перехватив его взгляд, Фьяцла отворачивается и утыкается носом ему в шею.

— Наверное, — тихо и неуверенно хрипит.

Кром вздыхает, удобнее перехватывает повисшую эхиллку, осматривает пространство вокруг и роизносит:

— Потерпи немного, — он приступает к плетению портала. — Надеюсь, ты меня потом не убьешь за это. Если, конечно, я не отброшу копыта раньше времени.

Перед глазами эхиллки расплываются цветные пятна, а тело сводит судорогой, когда иллиор заходит в портал. Конечно же она убьет его за это, только немного попозже.

Выходят они в сухой и чистой темнице.

Фьяцла, отцепившись от камзола, отползает в угол, тихо бормоча о том, что точно однажды прибет одного иллиора, если тот попытается открыть еще хоть один портал в ее присутствии.

Кром падает как подкошенный там, где и стоит.

Девушка долго сидит без движения лицом в угол, бормоча под нос проклятия адресованные отдельно взятому иллиору, который все это время пребывает в бессознательном состоянии.

Из оцепенения ее выводит шум приближающихся босых шлепков по каменному полу. Она разворачивается в сторону решетки, замирает и задерживает дыхание, так как босоногий представитель серых мутантов находится рядом с входом. Просто в какой-то момент в темноте возникает светлый силуэт, подсвечивая немного пространства вокруг себя зеленым светом.

Фьяцла терпеливо наблюдает, пока существо ни с того ни с сего не предпринимает попытки влезть в темницу между прутьями.

Истерично взвизгнув, девушка бросается к выходу, хватая внезапного вторженца за ворот полуистлевшей рубахи и несколько раз прикладывает его лицом к железным прутьям со всей силы.

Затащив бессознательное тело в темницу, нельзя оставлять улики, вдруг кто-то из них обнаружит и поднимет панику, мало ли вдруг они полумразумны, если не разумны, кладет его у стены, для пущей надежности пнув его под ребра несколько раз.

Отходит в сторону и садится на пол, рассматривая жертву своего произвола и отмечая, что не слишком сильно он отличается от остальных людей, только серый, тощий и видно, что суставы могут сгибаться в разные стороны. Девушка содрогается от ужаса.

Появляется непреодолимое желание кому-нибудь пожаловаться, но единственная эсхиллка, с которой она теперь может общаться нормально, слишком далеко и придется писать письмо. А где в темнице взять бумагу?

В это мгновение ее взгляд падает на старые, разорванные брюки. Она вскакивает и несет к бездвижно лежащему существу. Отрывает от одной штанины самый большой клочок и замирает, разглядывая мутанта и думая, что с ним делать. Ответа не находит, но швыряет в жертву неудавшегося эксперимента растворяющее плетение и отворачивается. Тело с шипением пузырится, постепенно превращаясь в облачко едкого газа, медленно поднимающегося к потолку. Действие этого заклинания она знает наизусть, одно из арсенала для зачистки места преступления. Газ потом рассеется, не оставив после себя ни единого следа.

Фьяцла отходит к одной из стен, шарит по ней руками, пока один из камней не начинает шататься под пальцами. Прикладывая невероятные усилия, выворачивает его из кладки, тот с грохотом падает на пол.

Она садится, создает магическое перо и приступает к сочинению письма, руководствуясь тем, что чем трагичней будет описана ситуация, тем оно будет действенной.

От творчества ее отвлекает хриплый скрип:

— Ты где это достала?

Эсхиллка оборачивается, смотрит на его палец, переводит взгляд на тряпку, пожимает плечами и отвечает:

— Да тут некоторые ломались, еле-еле отбилась, а трофей решила в дело пустить. Вот, Тьяцле письмецо пишу.

— А может без нее тут разберемся?.. — неуверенно произносит иллиор. — В конце концов, чем она может тут помочь?

— Приведет сюда Темного. Он же за ней поехал? Если я точно поняла, для того чтобы она дала добро на открытие купола... Да, ты тоже натворил делов... Это же надо было концы плетения против эсхилл завязать на эсхиллке.

— Это был единственный возможный на тот момент вариант, — уклончиво отвечает маг и замолкает.

Эсхиллка слышит шорох. Она сгребает письмо, встает и идет в сторону Крома. Садится рядом и протягивает клочок полуистлевшей ткани.

Пока он читает, девушка говорит:

— Единственный возможный вариант... Просто ты был влюблен в нее, она в тебя. Я еще думала, что-то серые ее глазки слишком ярко сияют, а тут такое. И знаешь, не каждой эсхиллке рассказывают, что она может менять свою внешность. Ей же, даже не смотря на блокировку магического источника, досталось то, о чем ни одна эсхиллка мечтать не может, по крайней мере та, которая не знает о некоторых возможностях, — нормальная внешность, которая к следующему году выправилась бы полностью.

Она замечает, что Кром отвлекся от чтения и с удивлением косится на нее.

— С чего ты это все взяла? — спрашивает он.

Фьяцла тяжело вздыхает, откидывается назад, облачиваясь спиной о стену, и отвечает, в душе завидуя сестре:

— А на нее все всегда западают, даже не смотря на ее вполне мужественный подбородок.

— Ты ей просто завидуешь, — констатирует факт маг.

— Угу, наверное, — отвечает она, широко зевнув, и переводит разговор: — ну, так ты дочитал? Если нет, то я здесь, рядом с тобой прикорну, а то совсем устала.

Так и не дождавшись его ответа, она повторно зевает и кладет голову ему на плечо.

Фьяцла просыпается от неясного шума и яркого синего света. Она открывает глаза, понимает, что во сне сползла на пол, вертит головой в поисках иллиора и натывается взглядом на почти потухший синий огонь. Где-то в стороне с шорохом опускается маг и слышится бормотание полное отчаяния:

— Все кончено, теперь меня казнят за нарушение закона.

Эсхиллка встает, бредет в темноте туда, где находится Кром. Она садится рядом, тяжело вздыхает и произносит:

— Не убивайся так, может еще пронесет.

Она ежится от холода и подтягивает колени к себе.

— Это у вас не существует запрещенных плетений, а у нас за каждый промах сжигают, — горько усмехается Кром.

— Откуда им знать, что произошло. Промолчал и все, — обмирая от такой новости всем своим существом, тем не менее легкомысленно машет рукой девушка и тут же, вспомнив фрагмент сна перед пробуждением, меняет тон: — страшнее то, что мне дали задание.

— Как? Когда? Какое? — оживляется маг, после смены темы.

— Во сне явилась матушка и приказала убить тебя, — разводит она руками.

— Ну, и чего ты тогда ждешь? Давай, убивай. Не ты, так магический совет на костер отправит.

— Не, я этого делать не буду. Ты мне слишком нравишься, чтобы лишиться твоего общества, — поспешно произносит Фьяцла и осознает, что отдельно взятый иллиор определенно нравится ей, и, когда она говорила эти слова, ни секунды не сомневалась и не лукавила.

А внезапный порыв, заставляет потянуться к Крому, прикоснуться его лица, повернуть к себе и мимолетно прижаться к губам к его губам. Она тут же смущенно отворачивается и утыкается взглядом в пол.

Маг вынимает из кармана магическое перо, которое тускло освещает пространство

вот круг, и кладет его на пол. Фьяцла старается не подать вида, что вообще заметила этот маневр. Попытки отвернуться пресекаются, когда маг протягивает руку и поворачивает к себе. Склоняется к ее лицу и накрывает губы своими. Одной рукой эсхиллка обнимает его, другой зарывается в волосы. Кром притягивает ее ближе к себе.

Около решетки раздается громкое рычание, которое прерывает их. Фьяцла отстраняется от иллиора. Она замечает, как тот недобро косится на серое существо, возникшее в коридоре, что-то задумал, но его останавливают еще с десятков подоспевших тощих особей. Ей тоже приходится загнать мысли о том, чтобы бросить растворитель, в дальний угол.

Кром смотрит на нее и произносит слегка охрипшим голосом:

— Похоже пришло время отправлять письмо, иначе мы отсюда никогда не выберемся.

Он вынимает из кармана скомканую тряпицу и передает ей, после некоторых манипуляций, письмо отправляется к сестре.

Пока Ахрон размышляет над тем, что спросить у новоявленного высокородного родственничка, тот увлеченно подпиливает длинные черные ногти. Острые до крайности. Он узнал об этом совершенно случайно, когда после глупой ссоры эсхиллки увидел на столе, на том месте, где до того сидел вампир, на изрядно потертой столешнице остались глубокие светлые борозды. Да, нервировать этот образчик вампирьей моды чревато.

Полукровка поднимается со скамьи, относит тарелку в таз и возвращается. Садится напротив собеседника и задает вопрос:

— И как мы туда доберемся?

— Чудесным вампирским порталом! — широко улыбаясь вопит Ирион, разводя руки в стороны.

— Ахрон, мой тебе совет, никогда, слышишь, никогда не соглашайся на сомнительные авантюры предложенные вампирами, — произносит в полголоса Норн, о которой благополучно забыли. — Тем более воспользоваться их порталами. Да, они могут переносить с места на место многотысячные армии, но не все доставляются в пункт назначения в целости и сохранности. Бывают даже летальные исходы.

В этот момент Ахрон понимает, что эти слова заставляют шевелиться волосы на затылке. А по виску медленно сползает большая холодная капля.

— Ой, да не придумывай глупости, — отмахивается от девушки вампир и снова обращается к полукровке: — тебе решать насколько быстро ты хочешь попасть в Темный. Из всех здесь присутствующих только я, на данный момент, могу открыть портал. В ином случае доберешься туда только через неделю.

— Ну-ну, — с толикой ехидства произносит оборотень. — А в этом случае и сдохнуть не жалко.

А иллиор всерьез задумывается над предложением, но понимает, что они что-то упускают.

— А как же Мелиас? Он вполне может открыть переход, — произносит он, переводя взгляд с Ириона на Норн.

— В том-то и дело, что не может. У него все силы уходят на контроль магического источника Тьяцлы и ее обучения. Она еще не может самостоятельно удерживать эсхилльскую суть. Так что этот вариант отпадает сразу.

— В таком случае, мне придется воспользоваться предложением премного уважаемого тестя, — произносит Ахрон, практически моментально приняв решение.

— Я так думаю, ты понимаешь, на что соглашаешься. Могли бы безопасно своим ходом за неделю добраться, а так можем вообще растаться с жизнью, — поджимает губы оборотень.

— Кром неделю в подземелье не выдержит, тем более он там не один, — тяжело вздохнув говорит Ахрон и обращается к вампиру: — когда вы сможете перенести нас ближе к Темному княжеству?

— Приготовления будут длиться до вечера, — отвечает Ирион, бросая на Норн торжествующий взгляд и переводя его на потолок, будто высматривая там что-то. — Нужно собрать группу вампиров, которые смогут дать отпор эсхилл, если это потребуется. А это несомненно потребуется, так как, со слов Тьяцлочки, к границе княжества стягиваются силы

степных эсхилл, — тихо бормочет: — никогда не думал, что она снова призовет остатки кочевых племен.

— Почему? — спрашивает Темный, понимая, что любопытствовать не стоит. Но зачем тогда тот завел, хоть и тихо, разговор на эту тему?

— Хм... Почему? — задумчиво переспрашивает Лангарский. Он вздыхает и произносит: — Атцла еще столетие назад зареклась связываться с кочевницами и запретила это всем оседлым. Там неприятная история с жертвоприношением была, — он вдруг оскаливается в улыбке и указывает на Норн: — а вот и та, кому хотели принести ее в жертву.

Иллиор смотрит на оборотня в недоумении. Та скромно вычерчивает какие-то закорючки на столешнице. На секунду оторвавшись от увлекательного занятия, она быстро кидает ему предостерегающий взгляд, мол никаких вопросов и снова возвращается к прерванному делу.

Ахрон чувствует как после этого взгляда по спине пробегает стадо ледяных мурашек. Он нервно поводит плечами, встает из-за стола и бредет к выходу.

— Во сколько мы выдвигаемся? — спрашивает, остановившись у двери и обернувшись.

— Ближе к закату, — отвечает вампир и замолкает погрузившись в транс.

Темный выходит из домика.

На порядком утопаной полянке около дома, Ахрона встречает презанятная картина. Похоже, что Мелиас решил погонять сегодня эсхиллку основательно, и остановились они как раз на отжимании.

— Раз! — командует маг, пристально наблюдая за тем, чтобы подопечная не халтурила.

Та в свою очередь опускается к земле, сгибая руки в локтях и бормоча себе под нос:

— Вот вызволим мы этих двух остолопов, выберусь я из всех своих передрыг, перережу глотку этому полукровке, чтобы под ногами не пугался и не отсвечивал. А потом...

— А потом ты и сама медленно помрешь, — продолжает за нее Мелиас, складывая руки на груди. — Десять минут.

Он отходит в сторону и садится на корягу.

Темный, заинтересовавшись обрывком диалога, останавливается и прислушивается к разговору.

По прошествии недолгого времени Тьяцла пытается надавить на совесть непробиваемого мага:

— Мелиас, ну пожалуйста! Ну пожалуйста, скажи два! Я не могу уже... Пол тела затекло... Мелиас, ну пожалуйста! Клянусь, резать никого не будуууу! Умоляюууу! Тебе так нравится смотреть на чужие мучения? Ну Мелиас!..

— Надеюсь то, что ты сейчас говорила не просто, выброшенные на ветер, слова. Поразмысли на досуге, что тебя будет ожидать, если вы даже два дня не будете находиться в обществе друг друга... — начинает лекцию маг, вставая с насиженного места и подходя ближе к эсхиллке. Именно в этот момент, первый раз заметив Ахрона, он прерывает, обещающий быть длинным, монолог и произносит: — два!

Девушка падает лицом вниз, распластываясь звездочкой. Приложив немало усилий она перекатывается на спину.

— Неужели мне теперь всю жизнь придется лицезреть его занудное лицо? Да любая эсхиллка удавилась бы на следующий день, увидев эту постную мину.

— Кхм... Мне посчитать сколько дней ты уже находишься в его обществе без единой мысли о том, чтобы удавиться? — с нескрываемой насмешкой спрашивает Мелиас,

присаживаясь на корточки рядом с Тьяцлой. — И заметь, единственная мысль о его убийстве пришла тебе только сегодня... — его взгляд снова останавливается на Темном, он вскакивает на ноги и выдает: — А что это мы развалились-то? Так, давай продолжать! Упор лежа принять!

— Ну Мелиас! Не будь живодером! Я только-только начала в себя приходить!.. — начинает причитать девица, все же переворачиваясь и упираясь в землю ладонями.

Ахрон решает, что разговор окончен, — он видел как маг пару раз нервно косился на него, прерывая самые интересные моменты, — собирается уже уходить, но, прогневшая от сырости, ступенька натужно скрипит под ногами, выдавая его присутствие эсхиллке.

Девушка, наплевав на команду наставника, поднимается, поворачивается и суровым взглядом смотрит на него.

Темный уже собирается извиниться, итак понятно, что он уже давно здесь порог обивает, и уйти, но Тьяцла лучезарно улыбается, срывается с места и со всех ног несется к нему, сопровождая это действие воплем:

— Ахрон, спаси меня пожалуйста от этого живодера!..

Он всерьез задумывается над тем, чтобы удалиться отсюда и куда-нибудь подальше, особенно после услышанного ранее, но так и не сдвигается с места, продолжая замороженно смотреть на эсхиллку. За то время, которое они потратили на обсуждение способа транспортировки, в лице девушки что-то неуловимо изменилось. Он не понимает что, даже в тот момент, когда она со всей скорости врывается в него, обхватывает руками и косится в сторону наставника. Иллиор невольно обнимает ее за плечи и прижимает к груди.

Эсхиллка замирает от неожиданности.

Ахрон отстраняет девушку от себя и, придерживая за подбородок, приподнимает ее лицо, чтобы внимательнее рассмотреть. И сразу же впадает в ступор, когда оказывается, что глаза ее не блекло-серые и маленькие, как он привык считать за арема их знакомства, а большие, яркие, серо-голубые, бездонные. Про себя отмечает, что в таких и утонуть можно. Смещает взгляд вниз, скользнув им по прямому, тонкому носу, задерживает на чуть приоткрытых губах и опускает ниже. И потрясенно смотрит на аккуратный подбородок, придающий ее лицу форму сердца, а не на массивную квадратную нижнюю челюсть.

Эсхиллка смущенно отводит взгляд в сторону, когда Ахрон испытующе уставляется в ее глаза.

— Мелиас решил, что мне пора узнать плетения меняющие внешность, — тихо произносит она, зачем-то оправдываясь перед ним.

— Ах, Мелиас, — тихо рычит он, бросая на того короткий взгляд, который, будь у него такая сила, убил бы древнего мага тут же.

Он чувствует, как девушка, только что пытавшаяся выбраться из его хватки, настороженно замирает. Темный притягивает ее снова к себе, крепко обнимает и зарывается носом в жесткие волосы.

— Ас волосами что? — еле слышно спрашивает, но все равно был услышан:

— Обрезала и продала, — отвечает так же тихо.

— Я не об этом. Они не могли так быстро поменять структуру, — раздраженно разъясняет наблюдения Ахрон, дыша ей в макушку.

— А, ты об этом... Чем больше применяю магии, тем ближе их структура к обычным, — отвечает Тьяцла, испытывая неловкость. Зачем весь этот разговор, когда и так понятно: — связь начинает действовать...

— Похоже на то... — бормочет иллиор, отстраняется от эсхилки и отходит в сторону. Испытывая неловкость, натянуто улыбается, нервно запускает пальцы в волосы, растрепав их при этом, и произносит: — и я все-таки спасу тебя от живодера. Мне как раз нужно поговорить с Мелиасом.

Он замечает как глаза эсхилки вспыхивают благодарностью. Она мимолетно обнимает его и уносится в дом. Темный проводит взглядом по стене и в небольшом окошке наталкивается на удивленные лица Норн и Ириона, которые тут же скрываются из вида.

Ахрон отворачивается от окна, идет к магу, который снова удобно устроился на коряге, и молча садится рядом.

— Благодарю вашу нерушимую связь за то, что не дала ей совершить задуманное. Она мне поведала свои планы относительно тебя. Думаю тебе стоило бы ее бояться, — произносит Мелиас смотря в гущу листвы напротив себя. Иллиор только хочет спросить о том, откуда тот взял такое странное умозаклучение, как маг продолжает: — тебе, наверное, не рассказывали, что пока ее сестра была при смерти, в нее пичкали все знания присущие вторым дочерям? Она опасней Фьяцлы. Ту не доучили, из-за чего провалила задание, а эта... Она бы не остановилась, ни при каких обстоятельствах. И ей сложно постоянно прикидываться той, кем она является для всех. Сама же мне сказала, что если бы не планы родственниц, сначала отправилась в путешествие, а потом пошла бы в наемники.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спрашивает Ахрон, смотря на профиль Мелиаса.

— Затем, что однажды она не сможет сдержаться, а потом сильно пожалеет о содеянном, — отвечает маг, переводя взгляд на иллиора. — Одно из свойств твоего кулона — управление временем. Возможно тебе это поможет.

Темный замирает услышав сказанное. Неужели он сможет еще хоть раз увидеть отца... Но его надежды разрушает тихое:

— Только действует это на живых. Мы с Идрисом пытались. Давно это было.

Иллиор разочарованно вздыхает.

— Скажи мне, каково осознавать симпатию к существу, которое ты изначально ненавидил? — вдруг спрашивает Мелиас, вставая с коряги и смотря на Ахрона. — Как я понимаю, не очень приятно чувствовать тягу к такому. Попробуй воспользоваться артефактом... Пойдем, возможно, Ирион уже собрал группу и пора выдвигаться. Ему свойственно спешить. Все делает раньше оговоренного срока.

Темный пожимает плечами, встает с коряги и идет следом за магом.

Тьяцла выходит следом за Мелиасом из дома и останавливается как вкопанная около порога.

— Мелиас, а это обязательно. Ну, тренировка... — неуверенно переступает с ноги на ногу. — Могли бы мы перенести ее на завтра, например?..

— К сожалению, нет. Я не смогу долго контролировать твой магический источник. Отсюда следует, что тебе необходимо поднапрячься, а не расслабляться. Ты не знаешь последствий выхода из под контроля. То что с тобой происходило в самом начале, только цветочки. Я был свидетелем тому, что происходит потом... малоприятное зрелище, — он не на долго замолкает, предаваясь нерадостным воспоминаниям.

А эсхилка в это время пытается незаметно, несмотря на предостережение мага, скрыться из его поля зрения. Но не тут-то было, Мелиас снова обращает на нее внимание в самый не подходящий момент. Приходится ей резко остановиться и сделать вид, будто размышляет над чем-то.

— О чем задумалась? — спрашивает маг, с подозрением косясь на нее.

— Уж не о том ли, чтобы наплевав на тренировку, маяться дурью и ворон считать? Не, этого я тебе не позволю. У меня самого на это сил не хватит, не удивлюсь, если с твоей совестью случится все с точностью до наоборот.

Тьяцла ничего не отвечает, тяжело вздыхает и морально готовится к долгой и сложной тренировке. Ведь завтра вряд ли выдастся время помучить организм физическими нагрузками. Она на все сто процентов уверена, что обязательно найдется способ добраться до Темного княжества быстрее, чем за неделю. Хотя, она так же уверена и в том, что Фьяцла с Кромом смогут выбраться из западни самостоятельно, если не будет дополнительных препятствий. Так же она может честно признаться, что совсем-совсем не хочет сегодняшней тренировки, но отлынивать ей не позволят, так как надо учиться контролю самой, а не существовать за счет других.

Тренировка идет своим чередом. Тьяцла по приказу Мелиаса завершает пробежку, активно размышляя над тем, что зря рассказала слишком много информации о себе наставнику. Хотя он и до этого многое узнал и это при том, что ее слишком надежно прятали от всех. Не принято у эсхилл показывать в обществе дочерей-недоучек, а тут еще и третью — золотую жилу.

Или не зря? В ином случае, наверное, тренировки были бы еще больше ожесточены. В какой академии магии его обучали, что там такие методы. Явно для мальчиков. Интересно, а как в те стародавние времена обучали девочек?

Девушка, пребывая в размышлениях, не сразу обращает внимание на голос мага. И пока тот пытается донести до нее очередную команду, Тьяцла стоит на месте, смотря в одну точку и странно улыбаясь.

А у Темного вообще нет способностей к магии. Значит с ним, не смотря на возможность обращения и боевые навыки, о которых она наслышана, можно легко расправиться. Не зря, не зря ее обучали тому, что должна знать каждая вторая дочь...

Сквозь грезы доносится громогласный крик:

— Упор лежа принять!!!

Она несколько секунд мешкает и Мелиас еще громче вопит:

— Раз!!!

Эсхиллка бухается на землю, опускается ниже, сгиная руки в локтях и замирает в ожидании следующей команды. При этом ее не отпускают грезы о том, как она расправится с полукровкой. Не замечая за собой ничего странного, девушка громко озвучивает:

— Вот вызволим мы этих двух остолопов, выберусь я из всех своих передрыг, перережу глотку этому полукровке, чтобы под ногами не путался и не отсвечивал. А потом...

— А потом ты и сама медленно помрешь, — дополняет ее мысли наставник, складывая руки на груди. — Десять минут.

Он отходит в сторону и садится на корягу.

А Тьяцла остается на месте, в неудобном положении. Да и руки, к тому же начинают затекать. И спустя короткий промежуток времени она не выдерживает:

— Мелиас, ну пожалуйста! Ну пожалуйста, скажи два! Я не могу уже... Полтела затекло... Мелиас, ну пожалуйста! Клянусь, резать никого не будуууу! Умоляюууу! Тебе так нравится смотреть на чужие мучения? Ну Мелиас!..

— Надеюсь то, что ты сейчас говорила не просто, выброшенные на ветер, слова. Поразмысли на досуге, что тебя будет ожидать, если вы даже два дня не будете находиться в

обществе друг друга... — начинает лекцию маг, вставая с насиженного места и подходя ближе к ней. Он прерывается и мимолетно смотрит куда-то в сторону. — два!

Девушка падает лицом вниз, распластываясь звездочкой. Приложив немало усилий она перекачивается на спину. Да, что будет, она уже представляет. Даже сейчас, когда связь еще не полностью сформировалась, она ощущает как ее тянет туда, где пребывает сейчас Темный, ближе к лесному домику. И это, понимает эсхиллка, будет только усугубляться.

— Неужели мне теперь всю жизнь придется лицезреть его занудное лицо? Да любая эсхиллка удавилась бы на следующий день, увидев эту постную мину, — произносит она, не без лукавства. Не, любая представительница ее народа удавилась бы только за то, чтобы его заполучить, а потом сделала бы из него послушного раба. И сказала эти слова только затем, чтобы понервировать иллиора. Она чувствует, что он где-то поблизости, нет никаких преград, значит он слышит все, с того момента, как она случайно озвучила свои мысли.

— Кхм... Мне посчитать сколько дней ты уже находишься в его обществе без единой мысли о том, чтобы удавиться? — с нескрываемой насмешкой спрашивает Мелиас, присаживаясь на корточки рядом с ней. — И заметь, единственная мысль о его убийстве пришла тебе только сегодня... — взгляд мага снова скользит в сторону: — А что это мы развал ил ись-то? Так, давай продолжать! Упор лежачий!

— Ну Мелиас! Не будь живодером! Я только-только начала в себя приходить!.. — возмущается Тьяцла, все же переворачиваясь и упираясь в землю ладонями.

На пределе слышимости раздается натужный скрип сырой ступеньки, девушка невольно улыбается. Попытки уйти незамеченным терпят поражение.

Эсхиллка, наплевав на команду наставника, поднимается, поворачивается и суровым взглядом смотрит на замершего Темного. Она наблюдает за тем, как он переминается с ноги на ногу, пытаясь подобрать слова для извинения, но девушка лучезарно улыбается, срывается с места и со всех ног несется к нему, сопровождая это действие воплем:

— Ахрон, спаси меня, пожалуйста, от этого живодера!..

Пока бежит, она вспоминает недавний урок магии, когда Мелиас показывал как изменять внешность. Небольшой всплеск магического источника и от квадратного тяжелого подбородка остается только воспоминание. Форма выбрана и проверена уже давно. Так-то лучше, теперь лицо кажется более аккуратным. Она со всей скорости врывается в иллира, обхватывает руками и косится в сторону Мелиаса.

Темный невольно обнимает ее за плечи и прижимает к груди. Тьяцла замирает от неожиданности, а когда тот припадает к ее лицу за подбородок, так вообще впадает в глубокий ступор. Но это дает ей возможность более детально рассмотреть новоявленного мужа. Взгляд темно-карих глаз жадно блуждает по ее лицу, изучая внешность. Девушка решает не отставать от него, все же, если не получится избавиться друг от друга, надо знать с кем сосуществуешь.

Она быстро обводит взглядом его лицо, запоминая каждую черточку. Пробегается по прямому античному носу, опускается к тонким губам, что-то беззвучно шепчущим. Так же в поле зрения, так как сосредоточена она была на изучении более выдающихся черт, попались ярко выраженные скулы и узкий подбородок, придающий его лицу треугольную форму.

Тьяцла возвращается к рассматриванию темных глаз полукровки, как раз вовремя, чтобы заметить в их глубине потрясение. Она смущенно отводит взгляд в сторону, когда Ахрон испытующе уставляется в ее глаза.

— Мелиас решил, что мне пора узнать плетения меняющие внешность, — тихо

произносит она, зачем-то оправдываясь перед ним и невольно радуясь тому, что может произвести на него впечатление.

— Ах, Мелиас, — тихо рычит он, бросая на того короткий взгляд, который, будь у него такая сила, убил бы древнего мага тут же.

Услышав плохо скрытую угрозу в голосе Темного, девушка пытается выбраться из его хватки. Но после нескольких безрезультатных подергиваний конечностями настороженно замирает. Иллиор притягивает ее снова к себе, крепко обнимает и зарывается носом в жесткие волосы.

— А с волосами что? — еле слышно спрашивает, но все равно был услышан:

— Обрезала и продала, — она отвечает так же тихо.

— Я не об этом. Они не могли так быстро поменять структуру, — раздраженно разъясняет наблюдения Ахрон, дыша ей в макушку. По позвоночнику сразу пробегает табун мурашек.

— А, ты об этом... Чем больше применяю магии, тем ближе их структура к обычным, — отвечает Тьяцла, испытывая неловкость. Зачем весь этот разговор, когда и так понятно: — связь начинает действовать...

— Похоже на то... — бормочет иллиор, отстраняется от эсхиллки и отходит в сторону. Испытывая неловкость, натянуто улыбается, нервно запускает пальцы в волосы, растрепав их при этом, и произносит: — и я все-таки спасу тебя от живодера. Мне как раз нужно поговорить с Мелиасом.

Девушка проникается безграничной благодарностью к Темному. В каком-то, не свойственном ей, порыве мимолетно обнимает его, разворачивается и скрывается в доме.

За порогом Тьяцлу ожидает призанятая картина. Обретенный родственничек вместе с Норн отлипают от окна, которое выходит на сторону новообразовавшейся поляны. При этом они многозначительно переглядываются.

Помимо этих двоих, в помещении пребывают еще с десяток личностей вампирской наружности. Не такой экстравагантной, как у папани, но натуральная бледность, на грани белого полотнища, выдают в них именно представителей единственной в Фиорине кровососущей расы.

Девушка только собирается высказаться насчет подслушивания чужих разговоров отдельных личностей, и подсматриваний тоже, как Лангарский хватает одного из новоприбывших за ухо, подволакивает его ближе к ней, не обращая внимание на попытки упираться, и торжественно произносит:

— Это твой младший брат, Тьяцла. Прошу присматривать за ним и беречь как зеницу ока, — и пока эсхиллка борется с нервным тиком, добивает ее: — и не забудь, его зовут Вениамином.

Кром с удивлением взирает на то, как деловито возитсч в недрах стены Фьяцла. Которая понеслась туда сразу, как прошел первый шок. Он ранее заметил, что из плотной кладки был вынут один.

Неужели она пытается собственноручно создать потайной ход.

От одной этой мысли мага прошибает озноб. Он стирает тыльной стороной руки со лба холодный пот и несется к эсхиллке, чтобы всячески воспрепятствовать ей в разрушении замка.

— Что... Что ты творишь?! Остановись!.. — запинаясь вопит он, не заботясь о том, что, заслышав его крик, незваные гости всем скопом полезут в темницу, чтобы полакомиться

свежим мясом.

— Пытаюсь... добраться... до... хода... — пыхтит девушка, выворачивая очередной валун. — Он здесь, не далеко. Я сквозняк чувствую...

— Здесь есть ход? Почему ты раньше молчала? — иллиор бросается на помощь эсхиллке.

— Ага... Я поняла это, когда вынула тот булыжник, — откатив в сторону очередной камень, неопределенно машет рукой в сторону импровизированного стола, на котором она писала письмо Тьяцле. — И только сейчас вспомнила...

В этот момент позади слышится рычание, шорох и звуки драки. Маг оборачивается и застаёт жуткую картину: несколько существ медленно, сплюсываясь с боков, лезут между прутьями решетки, все остальные дерутся между собой, не обращая внимание на самых предприимчивых. Кром, в сваре серых тел, даже замечает, как самых неудачливых забили и, быстро перемалывая крепкими челюстями мясо с костями, сожрали.

— Фьяцла, ты скоро там? Нас сейчас жрать будут, — произносит иллиор предельно спокойным голосом. Но понимает, что взволновал эсхиллку, когда мимо него, со скоростью выпущенного из пушки снаряда, пролетает здоровенный валун, а из недр новообразовавшегося лаза доносится:

— Кром! Готово! — а секундой позже не совсем уверенное: — я добралась до какого-то склепа...

Не придавая должного внимания к ее словам, иллиор больше прислушивается к звукам за спиной, а там уже активно дышат в его затылок.

— Давай уже, лезь! — пихает обратно, пятящуюся эсхиллку, маг, подтягивает ближе камень побольше и лезет в отверстие следом за ней, не обращая внимание на простесты. Со спокойной душой закладывает вход валуном и поворачивается к девушке, которая даже не собирается продвигаться вперед.

— Ты что творишь? — возмущенно шипит Фьяцла ему в лицо и указывает пальцем в сторону противоположную той, откуда они пришли. — Там склеп. И кто-то бродит...

— Да неужели, — тянет Кром. — Эсхиллка в очередной раз струсила? Тогда пропусти меня вперед. Не загромождай проход.

Эсхиллка соторонится, прижимается спиной к стене, чтобы пропустить его. Маг просачивается через освободившееся пространство вперед и вываливается в обширный зал, освещенный тусклым сиянием исходящем от потолка. В полумраке на невысоких постаментах во множество рядов стояли каменные саркофаги.

Он передвигается к ближайшему каменному гробу и выглядывает через край, чтобы осмотреться. Между рядами медленно, переваливаясь с ноги на ногу, ковыляют люди в серых балахонах, отдаленно похожих на мантии. Следом за каждым, громыхая цепью и издавая мерзкое скрежетание, тянутся тяжелые гири, прикованные к ногам.

До мага сразу доходит, кто перед ним.

Позади что-то с шумом падает на пол. Кром вздрагивает, опускается и оборачивается к источнику звука. Встречается с негодующим взглядом эсхиллки, заметив ее готовность высказать недовольство, прикладывает палец к губам и предостерегающе шипит. Фьяцла сразу бросает все попытки что-либо сказать, собирается в кучку, на четвереньках ползет к саркофагу и выглядывает через край.

— Кто они? — деловито спрашивает она, разглядывая каждый балохон по отдельности.

— Они были участниками переворота, — отвечает маг. — Спешу предупредить, они

люди и иллиоры, — после недолгого молчания он продолжает: — я думал, что всех виновников или отправили на границу Темного леса, или прилюдно повесили на площади Анриса. А тут такооооо... — где-то в стороне раздается громкий взрыв, зал наполняет яркое сияние, слышатся крики. Когда суматоха, вызванная чрезвычайной ситуацией, стихает, Кром задает в пустоту вопрос: — интересно, а Ахрон знает, что его бывшие враги тут занимаются обезвреживанием древних магических ловушек?

— И сколько еще в этом замке сюрпризов? — спрашивает эхиллка, состроив скептическую гримасу.

— Не поверишь, сам удивляюсь, — в тон ей произносит маг.

— Надо как-то выбираться отсюда, — вносит предложение девушка, внимательно осматривая зал.

— Выход там, — говорит иллиор, указывая пальцем вправо, где далеко-далеко виднеется конец склепа.

— Спасибо, обрадовал, — произносит эхиллка. — А поближе ничего нет?

— К сожалению, нет. Придется передвигаться по этому ряду, за саркофагами. Тихо. Иначе, если о нас узнает кто-нибудь из них, нам мало не покажется. И, главное, стараться не наткаться на необезвреженные ловушки.

— Ладно, попробуем... — вздыхает Фьяцла и на четвереньках, периодически выглядывая, ползет в указанную сторону.

Кром следует ее примеру, периодически сканируя пространство перед ней легкими посылами силы на предмет нахождения неизвестных заклинаний.

Этот ряд до самого конца уже чист.

Они останавливаются у последнего каменного гроба.

Фьяцла замирает в нерешительности и оборачивается к магу. Кром внимательно осматривается, нет ли поблизости посторонних, долго пристально смотрит на двустворчатые исполинские двери и, со вздохом разведя руки в стороны, произносит:

— Боюсь, нам придется здесь повозиться. Выход запечатан. И не поверишь кем!

— Уж не тобой ли? — ехидно осведомляется эхиллка, разглядывая масштабный барельеф на створках.

— Угадала, — в тон ей отвечает иллиор. — И главное, этого события я не помню. Не уж-то Ахрон попросил Глори покопаться в моих мозгах? — он замолкает и после короткой паузы выдает: — друг, называется.

— А может ей кто-то другой приказ отдал... — вносит предположение Фьяцла, отрываясь от созерцания истории иллиорского народа и переводя взгляд на Крома.

После недолгого размышления, Кром растеряно произносит:

— Или Глори самолично преступила закон о невмешательстве в чужое сознание... Фьяцла интересуется:

— А что там ожидает нарушившего этот закон? — и как бы невзначай спрашивает: — ведь использование ментальной магии разрешено только человеческим магам.

— Думаю, ее сошлют на рудники, — отвечает маг, мысленно примеряя к выявленному плетению контрзаклятье. Вот только никак не может подобрать нужное.

— И не жалко сестру? — на автомате спрашивает эхиллка, прислушиваясь к приближающемуся скрежету.

Позади, в промежутке между двумя саркофагами, медленно и шумно к ним приближается один из обитателей склепа. Который еще не подозревает, что его ждет

незабываемая встреча с крайне трусливой эсхиллкой и советником ненавистного Темного Властелина.

— Задержи его как-нибудь, пока я подбираю подходящее плетение, — просит Кром Фьяццу, заслышав лишний шум.

Девушка закатывает глаза к потолку, вздыхает и согнувшись в три погибели перебирается ближе к месту откуда должен появиться источник шума.

В это время иллиор приходит к выводу, что Глори основательно покопалась в его мозгах и, когда именно это произошло, он даже не подозревает. Так же не подозревал о том, что у сестры начали пробуждаться способности к магии. Или это началось давно? И она подправила воспоминания обо всем и об этом в том числе еще тогда?

Маг со злостью буравит взглядом массивную дверь, понимая, что если ничего не предпримет, то противники Ахрона сегодня же оставят от них рожки да ножки, и то основательно обглоданные.

За спиной слышатся звуки борьбы, невнятное мычание и еле слышное бормотание эсхиллки. Через некоторое время раздается грохот, на голову Крома сыпется каменное крошево и пыль. Он поднимает голову и замирает в ужасе, узрев то, как Фьяццла взбирается на постамент, на котором не осталось ни единого признака нахождения саркофага. Только куски камня, большая гиря и злющая эсхиллка в боевой форме, готовая разорвать в клочья, собравшихся по ту сторону глыбы, врагов.

Когда она мимолетно бросает взгляд на мага, он беззвучно, одними губами, задает вопрос:

— Ты что творишь?

— Ты не сказал, что здесь собраны все с магическими задатками. И они, между прочим, давно засекли наше присутствие. Так что можешь говорить нормально, — отвечает Фьяццла в полный голос и, вернувшись к созерцанию разгневанной толпы, продолжает: — и надо было предупредить о том, что здешние тебя так любят, что готовы сожрать заживо.

— Угу, предупредишь тут... — бормочет иллиор. — Пожалуйста, развлеки их чем-нибудь. Главное, чтобы не лезли ко мне, иначе мы отсюда не выберемся.

И возвращается к прерванному занятию.

— Ладно уж, — вздыхает за его спиной эсхиллка.

Что она творила все это время он не знает, но к нему никто не лез, что не мешало ему безуспешно искать невидимый ключ.

После очередной проваленной попытки, он приходит к странному решению — использовать еще одно из запрещенных среди иллиоров плетений. Магический совет по головке не погладит, но так он хотя бы спасет и Фьяццлу, которая активно проряжает ряды озверевших противников, и себя.

Он оборачивается как раз в тот момент, когда она отправляет в нокаут очередного иллиора в сером балохоне. И тут же возвращается к плетению.

Сеть разрушения легко слетает с кончиков пальцев, не зря теорию их создания до сих пор некоторые продолжают изучать, и на бешеной скорости несется к двери, которую при столкновении тут же оплетает темно-бордовыми нитями. Несколько минут, которые для мага заполняются звенящей тишиной, ничего не происходит, потом по дереву разбегаются во все стороны увеличивающиеся трещины. Створы раскалываются на мириады мелких кусков.

Маг обессилено валится на пол и впадает в забытие. Краем сознания только отмечает,

как его хватают за ворот рубашки и куда-то волокут.

При виде серых гостей, в мыслях Фьяцлы что-то щелкает. Всплывают воспоминание о том, как из отверстия в стене, когда был вынут камень для импровизированного стола, подул сквозняк. Она со всех ног несется к тому месту. Падает на колени перед отверстием и начинает выворачивать из кладки еще один камень. Когда с ним было покончено, ей в лицо врзается поток воздуха, затхлого и пыльного.

— Что... Что ты творишь?! Остановись!.. — из далека доносится до нее вопль Крома который не заботится о том, что, заслышав его крик, незваные гости всем скопом полезут в темницу, чтобы полакомиться свежим мясом.

— Пытаюсь... добраться... до... хода... — пыхтит Фьяцла, с трудом выворачивая очередной валун. — Он здесь, не далеко. Я сквозняк чувствую...

— Здесь есть ход? Почему ты раньше молчала? — иллиор пытается чем-нибудь помочь ей, но добавляет еще больше неудобств.

— Ага... Я поняла это, когда вынула тот булыжник, — откатив в сторону очередной камень, девушка неопределенно машет рукой в сторону импровизированного стола, на котором она писала письмо Тьяцле. — И только сейчас вспомнила...

Позади слышится рычание, шорох и звуки драки. Пока маг наблюдает за дележкой, эсхиллка возвращается к прерванной работе.

— Фьяцла, ты скоро там? Нас сейчас жрать будут, — произносит иллиор предельно спокойным голосом.

Девушка вздрагивает от услышанных слов, когда под ее руками поддается валун невероятных размеров. Она переползает, огибая его со стороны, ближе к стене и пытается поддеть еще один камень, но тот после некоторых усилий выпадает наружу, открывая вид на стройные ряды саркофагов и неких существ в серых балахонах.

Фьяцла возвращается к камению и, придав ему магическое ускорение, посылает наружу.

Эсхиллка, стараясь держаться подальше от новообразовавшегося выхода, кричит:

— Кром! Готово! — а секундой позже не совсем уверенно продолжает: — я добралась до какого-то склепа...

Она боязливо пятится назад, когда впереди мелькают чьи-то ноги. Позади ее нетерпеливо под действием зловещих звуков пихает обратно Кром. Фьяцла окончательно останавливается, упрямо не сдвигаясь с места. За спиной слышится:

— Давай уже, лезь!

Раздается скрежет оповещающий о том, что с той стороны вход в тоннель заложен.

— Ты что творишь? — возмущенно шипит эсхиллка ему в лицо и указывает пальцем в сторону противоположную той, откуда они пришли. — Там склеп. И кто-то бродит...

— Да неужели, — тянет Кром. — Эсхиллка в очередной раз струсила? Тогда пропусти меня вперед. Не заграживай проход.

Девушка, возмущенно сопя, соторонится, прижимается спиной к стене, чтобы пропустить его. Маг просачивается через освободившееся пространство вперед и вываливается из лаза.

Фьяцла лезет следом и вываливается на каменный пол. Приподнявшись на локтях осматривает обширное помещение и ближайший к ней ряд саркофагов. Она негодующе смотрит на Крома, который как раз обернулся к ней и предостерегающе шипит. Приходится сдержаться и не наговорить глупостей, тем более слишком близко раздается скрежет. Она

берет себя в руки, на четвереньках ползет к каменному гробу и выглядывает через край.

— Кто они? — деловито спрашивает девушка, снова заметив множество фигур в серых балахонах.

— Они были участниками переворота, — отвечает маг. — Спешу предупредить, они люди и иллиоры, — после недолгого молчания он продолжает: — я думал, что всех виновников или отправили на границу Темного леса, или прилюдно повесили на площади Анриса. А тут такооооо... — где-то в стороне раздается громкий взрыв, зал наполняет яркое сияние, слышатся крики. Когда суматоха, вызванная чрезвычайной ситуацией, стихает, Кром задает в пустоту вопрос: — интересно, а Ахрон знает, что его бывшие враги тут занимаются обезвреживанием древних магических ловушек?

— И сколько еще в этом замке сюрпризов? — спрашивает эхиллка, состроив скептическую гримасу.

— Не поверишь, сам удивляюсь, — в тон ей отвечает маг.

— Надо как-то выбираться отсюда, — вносит предложение девушка, внимательно осматривая зал.

— Выход там, — говорит иллиор, указывая пальцем вправо, где далеко-далеко виднеется конец склепа.

— Спасибо, обрадовал, — произносит эхиллка. — А поближе ничего нет?

— К сожалению, нет. Придется передвигаться по этому ряду, за саркофагами. Тихо. Иначе, если о нас узнает кто-нибудь из них, нам мало не покажется. И, главное, стараться не наткнуться на не обезвреженные ловушки.

— Ладно, попробуем... — вздыхает Фьяцла и на четвереньках, периодически выглядывая, ползет в указанную сторону. За спиной слышится пыхтение Крома. Почти неуловимые импульсы иллиорской магии покалывают кожу. Не смертельно, но неприятно.

Они останавливаются у последнего каменного гроба.

Фьяцла замирает в нерешительности и оборачивается к магу. Тот осматривается, вглядывается в двустворчатые исполинские двери и, со вздохом разведя руки в стороны, произносит:

— Боюсь, нам придется здесь повозиться. Выход запечатан. И не поверишь кем!

— Уж не тобой ли? — ехидно осведомляется эхиллка, разглядывая масштабный барельеф на створках.

— Угадала, — в тон ей отвечает иллиор. — И главное, этого события я не помню. Не уж-то Ахрон попросил Глори покопаться в моих мозгах? — он замолкает и после короткой паузы выдает: — друг, называется.

— А может ей кто-то другой приказ отдал... — вносит предположение Фьяцла, отрываясь от созерцания истории иллиорского народа и переводя взгляд на Крома.

После недолгого размышления, Кром растеряно произносит:

— Или Глори самолично преступила закон о невмешательстве в чужое сознание... Фьяцла интересуется:

— А что там ожидает нарушившего этот закон? — и как бы невзначай спрашивает: — ведь использование ментальной магии разрешено только человеческим магам.

— Думаю, ее сошлют на рудники, — задумчиво отвечает маг, чуть ли не пожирая дверь взглядом.

— И не жалко сестру? — на автомате спрашивает эхиллка, прислушиваясь к приближающемуся скрежету.

Позади, в промежутке между двумя саркофагами, медленно и шумно к ним приближается один из обитателей склепа. Который еще не подозревает, что его ждет незабываемая встреча с крайне трусливой эхиллкой и советником ненавистного Темного Властелина.

— Задержи его как-нибудь, пока я подбираю подходящее плетение, — просит Кром Фьяццу.

Девушка закатывает глаза к потолку, вздыхает и согнувшись в три погибели перебирается ближе к месту откуда должен появиться источник шума. Выглянув из-за угла, она видит иллиора, который ковыляет к их саркофагу, а позади того крадутся еще с десятков, в том числе и пара людей.

Эхиллка невольно усмехается. Местные обитатели засекали их в тот момент, когда они подбирались ближе к выходу с использованием магии. Хотели подкрасться незаметно, вот только тот, который бредет первым, сверкая безумными глазами, выдал их. Он-то и нападает первым.

Фьяццла, не долго думая, принимает боевую форму, но остается на месте. Встав в полный рост, она замирает в ожидании, так же как и остальные присутствующие. Будто пытаются вычислить ее сильные и слабые стороны, чтобы расправиться с ней не прикладывая усилий.

Пушечное мясо прибавляет ход и с лету врывается в каменный гроб в том месте, где пару секунд назад пребывала эхиллка. Та в свою очередь в долгу не остается. Подходит к противнику сзади, хватая за капюшон и со всей силы прикладывает его головой о камень, который разлетается вдребезги.

— Вот так тебе... Надеюсь, этот урок ты запомнишь навсегда... — басовито бормочет она в процессе выбивания дури из бешеного иллиора.

Потом выпускает из рук грубую ткань и жертва побоя ничком падает на пол. Когда пыль немного оседает, девушка замечает, что остальные так и продолжают стоять в отдалении с недоумением глаза на поверженного товарища. Она бросает короткий взгляд вниз и отмечает, что голова безумца на удивление целая.

Наклоняется, берет цепь и без малейших усилий отделяет гирию от ноги.

Вот тут-то обитатели склепа приходят в себя.

Фьяццла водружает гирию на постамент и влезает сама.

Когда она мимолетно бросает взгляд на мага, тот беззвучно, одними губами, задает вопрос:

— Ты что творишь?

— Ты не сказал, что здесь собраны все с магическими задатками. И они, между прочим, давно засекали наше присутствие. Так что можешь говорить нормально, — отвечает Фьяццла в полный голос и, вернувшись к созерцанию разгневанной толпы, на разборке подтянулось еще человек пять, продолжает: — и надо было предупредить о том, что здешние тебя так любят, что готовы сожрать заживо.

— Угу, предупредишь тут... — бормочет иллиор. — Пожалуйста, развлеки их чем-нибудь. Главное, чтобы не лезли ко мне, иначе мы отсюда не выберемся.

И возвращается к прерванному занятию.

— Ладно уж, — вздыхает эхиллка, закатывая глаза к потолку.

И тут же вклепывает в черепушку нового противника новоиспеченное оружие. Тот отлетает на пару метров, но на вид остается подозрительно целым. Другие окончательно звереют.

Она даже отмечает, что глаза некоторых начинают от бешенства светиться красным. Неужели снова какие-то мутанты? Надо будет спросить у Крома.

Не успеваешь она задаться этим вопросом, как на нее налетают всем скопом, и остается только отбиваться от противников, прорывая их ряды облюбованной гирей или просто раздавая удары кулаками направо и налево.

Когда очередной обитатель склепа отправился в принудительный сон, все вокруг освещает ослепительно-красная вспышка, слышится треск и оглушительный грохот. Вокруг сыпятся куски дерева.

Фьяцла успевает быстро сориентироваться и броситься ближе к магу, который обессиленно распластался на полу. Хватает его за ворот рубахи и под шумок, пока все забыли о них, выволакивает в темный коридор.

Она сплетает запечатывающую сеть и отправляет ее в пустой проем. Теперь никто из осужденных не сможет выбраться из склепа, а им некоторое время путь вперед будет освещать тусклый, но все-таки свет.

Ахрон входит в дом следом за Мелиасом. Только дальше порога пройти ему не удастся, врезается в напряженную спину, застывшего на месте, мага. Заслышав звуки борьбы, он выглядывает из-за плеча впередистоящего и замирает при виде открывшейся картины.

По полу катаются, вцепившись друг в друга мертвой хваткой, Тьяцла и какой-то юнец вампирской наружности. Ирион бежит по комнате, всплескивая руками и непрерывно кудахта извинения. Еще с десятков вампиров с предельно спокойными лицами стараются смотреть кто куда, но не в центр помещения, где разворачивается побоище. Норн же сидит за столом подперев подбородок и с нескрываемым любопытством наблюдает как эсхиллка во всю колошматит противника.

Девушка перекатывает вампиреныша на спину, садится верхом и начинает самозабвенно душить его.

— Как ты там меня назвал? — шипит она, как заправская змея. — Тварью эсхилльской, да? Так сдохни же... Вениамин... или лучше Веня?.. — последнее звучит с нескрываемой издевкой.

И продолжает душить того с удвоенной силой.

Темный отмирает, отставляет в сторону Мелиаса и выходит вперед.

— Что здесь происходит? — спрашивает он сразу у всех.

Ответа не следует.

Но Тьяцла, услышав его голос, ослабляет хватку и поворачивает лицо к нему. Клокочущую во взгляде ярость быстро заменяет что-то другое. Она вскакивает с вампиреныша и быстро идет к иллиору. Поверженный противник перекатывается на живот, протягивает руку и хватает ее за ногу. Эсхиллка взмахивает руками, пытаясь удержать равновесие, но все равно падает.

Ахрон вовремя подхватывает ее, обнимает и прижимает к себе. Та же зарывается носом в его рубашку, сминая ткань руками.

— Что на этот раз стряслось? — шепчет он, наклоняясь ближе к ее уху. В позе знака вопроса стоять оказывается не совсем удобно, он разгинается и краем глаза замечает, что за ними, как ранее Норн за потасовкой, с любопытством наблюдают все.

— Он назвал меня эсхилльской тварью... — лепечет Тьяцла поднимая лицо и заглядывая ему в глаза.

— Ну, зачем ты так. Про эсхилл ведь правда. Не поручусь за тварь... Но нужно спокойно воспринимать критику в свой адрес, — тихо и вкрадчиво произносит иллиор.

— А она, — подает голос, молчавший до этого, вампиреныш и обличительно тычет пальцем в спину эсхиллки: — назвала меня Веней целых два раза!

За это время он успел встать с пола, отряхнуть пыль с темных брюк и пожаловаться папеньке. Ирион умильно улыбается сынишке и гладит по макушке, как маленького ребенка. Каковым, впрочем, тот и является до исполнения пятидесяти лет.

— Так что же все-таки случилось? Из-за чего начался весь сыр бор? — Темный пытается разузнать подробности у непрichастных, но те отмалчиваются, предоставляя ему самому разобраться в причинах драки.

— Она обозвала меня Веней! — снова подает голос вампир, продолжая стоять подле папочки.

— Ну, и что? — Тьяцла отлепляет нос от рубашки Ахрона и оборачивается к нему. — Не убила же я тебя этим?

— Унизила... — шипит тот, кого прозвали Веней.

— Так, все! Хватит! — одергивает их, в конец запутавшись, Темный. Он отводит взгляд от вампиреньша и смотрит на эхсиллку, с которой явно творится что-то не то. Возвращается к обиженному и получившему, и произносит: — она просто сократила твое имя. Зачем обижаться по пустякам?

Его тон приобретает нотки сюсюканья, а Вениамин в ответ на это обижено наддувает губы.

— Она издевалась надо мной, — лепечет он, шмыгая носом.

Иллиор с нескрываемым ужасом взирает на разворачивающуюся картину. Как один из лучших вампирских бойцов, получив от неуравновешенной эхсиллки, рыдает в три ручья.

— Пожалуй, поговорим на эту тему потом, — произносит Темный вне себя от неловкости. — Ирион, когда готов будет переход? — обращается он к стушевавшемуся вампиру.

— Примерно через полчаса, — неуверенно отвечают ему.

Услышав ответ, Ахрон приобнимает Тьяцлу за плечи и отводит в сторону. Остальные в этот момент отвлекаются от их парочки на некие обсуждения.

— Что с тобой происходит? — в лоб спрашивает иллиор. — Там, в кабинете, и до сегодняшнего дня ты казалась вполне нормальной, а тут такой выкрутас. Это нормально?

— Для меня в последние пару дней все нормально, — отвечает эхсиллка, нервно теребя манжет рубахи. — Сущность эхсилльская просыпается... И мне самой это тоже очень не нравится. Ничего не могу с этим сделать.

— С этим надо будет что-то делать. Не одной же тебе с этим жить, — вздыхает мужчина и переводит к другой теме: — так, ты готова к переходу? Говорят, вампирские порталы довольно опасны.

— Тому, кто путешествует эхсилльскими, уже ничего не страшно, — на лице девушки появляется тень горькой усмешки.

В это мгновение раздается громкий, постепенно нарастающий, гул. Ахрон смотрит в сторону источника звука и теряет дар речи. В самом центре помещения из пола вырастает серая воронка смерча. Душный воздух сначала медленно колеблется, все ускоряясь и ускоряясь, пока не превращается в шквальный ветер, резкими порывами подталкивающий все ближе к воронке.

Все, что оказывается в пределах смерча, мгновенно исчезает.

— Ирион! Ты решил перетащить весь дом?! — перекрикивает дикий шум Мелиас.

— Нет! — следует ответ на такой же громкости. — Я не виноват в этом! Оно само так получилось!

— Похоже портал открыт, — тихо, сглатывая вставший поперек горла ком и не отводя взгляд от разыгравшегося ужаса, произносит Темный.

— Угу, — соглашается Тьяцла.

Воронка пару раз дергается и резко увеличивается в диаметре, захватывая всю комнату. Иллиора подхватывает сильный порыв ветра и швыряет в темноту.

Ощущение полета прерывается резко. Ударом о что-то твердое.

Не успевает Ахрон прийти в себя, как откуда-то сверху сыпется град тел. Он пытается выбраться из под завала, но не тут-то было. Каким-то непостижимым образом, за короткое

время, конечности всех оказавшихся в свалке сплелись в немислимые узлы. А кто-то развалился так, что перекрыл весь обзор. Потом только до него доходит — глаза-то закрыты.

Он распахивает веки и разочарованно вздыхает, при этом не хитром действии чувствуя всю тяжесть положения. Вокруг темно, из нескольких щелей просачивается кое-какой свет, но это позволяет только немного разглядеть фактуру ткани в некоторых участках.

В стороне раздается истошный визг и громкий интенсивный плеск. По голосу определяет его обладателя — Тьяцла. Внутри моментально просыпается любопытство и желание узнать, что с ней случилось. Вот только весь обзор закрывают чьи-то конечности. И он даже догадывается чьи, так как к его лбу прилип грязный угол плаща, который шлейфом волочился за Ирионом.

— Внучок? — совсем рядом слышатся торопливые тяжелые шаги и удивленный бас. — Я, конечно, ожидал тебя когда-нибудь увидеть, но не сегодня. И не в столь... высоком обществе.

Темный в замешательстве пытается вспомнить всех когда-либо существовавших родственников, но никакого дедушки из Темного леса не припоминает. Или такой был, но родство не афишировалось. В самый последний момент, перед тем как его схватили за ногу и вытянули из общей кучи, он вспоминает о том, что его мать оборотень и, естественно, вся родня по ее линии будет ими же. Соответственно, обитать они тоже будут в лесу.

Его подвешивают вверх тормашками. Оцепенение сразу проходит, когда он видит перед собой внушительную медвежью морду, на которой вопреки его ожиданиям вырисовывается вполне благостное выражение. Но это не делает существо более безобидным на вид.

— Отец, может, ты опустишь его на землю? И поставишь нормально? У него уже кровь к мозгу приливать начала, — произнес женский голос, находящийся вне поля зрения.

Ахрон судорожно дергается, когда понимает, что его дедуля на полянке не один. Умудряется скосить глаза так, чтобы увидеть обладательницу голоса и заметить рядом с нее Тьяцлу, которая пребывает в плачевном состоянии. Успеваает заметить только, что она вся вымокла, а на рукав медленно вздуваются внушительные красные волдыри. Теперь ему становится понятно, кто угодил в огромный, до краев наполненный кипятком с плавающими на поверхности овощами, котел. Темноволосая женщина густо намазывает на руки эсхиллки густую черную мазь. Впрочем, это единственное, что он смог разглядеть из своего положения.

Оборотень решает все-таки вернуть Темного на землю. Другой рукой перехватывает его за ворот и излишне аккуратно ставит на ноги, еще и невидимые пылинки стряхивает с плеч, при этом чуть не опрокинув.

— Молодец, — произносит неизвестная, обернувшись и лучезарно улыбаясь. — А теперь помоги его спутникам распутаться и встать. Общаться в таком положении не совсем удобно.

— Угу, — бубнит себе под нос дедуля, но все-таки приступает к вытягиванию из кучи отдельных личностей. При этом приговаривая себе под нос: — удобней было бы сожрать их всех. А то как-то живность в лесу перевелась, а внучок очень редко обеспечивает нас пропитанием.

Покончив с внезапно свалившимся практически на голову делом, оборотень присаживается на бревно, на котором сидел до пришествия Ахрона и компании, и указывает на несколько таких же внушительных коряг. Все, опасливо озираясь, рассаживаются на них.

— Хоть это не пришлось напоминать. Очень многому приходится его обучать, —

ворчит предположительно тетя Ахрона. Она подталкивает Тьяцлу к ближайшему свободному месту, которое оказывается рядом с Темным. Подходит к отцу, садится рядом, осматривает присутствующих и задает вопрос: — по какому вопросу вы пожаловали к нам?

Ахрон только хочет объяснить причину их появления здесь, но его опережает Мелиас, нагло заявляя:

— А мы вообще не сюда рвались. Это этот с порталом напортачил, — локтем тыкает в бок вампира.

— А что сразу я! — возмущается Ирион, дергаясь подальше от острой конечности. — Между прочим, это ты влез в процесс его создания!

Темный внезапно понимает, что ему просто необходимо побиться головой о какую-нибудь твердую поверхность. Но вряд ли кто-то из здесь присутствующих положительно оценит его действия. Он не сразу понимает состояние новоявленного дедули, только когда тот потеряно бубнит:

— Старый Хрыч Мелиас и Кровопийца Ирион... И Норн Эсхилльская Диета... Неразлучная троица... Вы пришли поиздеваться надо мной?

— Не, вернуть в нашу компашку, Дробг, чтобы снова стать Убийственным Квартетом, — с широкой ухмылкой отвечает маг, но тот же принимает серьезный вид: — а вообще, нас интересует вопрос, как отсюда выбраться, чтобы не попасться эсхиллкам.

— Я подумаю, — произносит обитатель Темного леса. — Что-то они как-то в последнее время оживились. Может, поведаешь причину?

— Ну, тут все просто, эти двое сбежали из под носа самой Атцлы, — Мелиас указывает на Ахрона с Тьяцлой.

— Хм... Смелый поступок... А как так получилось, внучок? — Дробг переводит взгляд на Темного, который вздрагивает от нахлынувших воспоминаний.

— Атцла прислала письмо... — только начинает он рассказ, но оборотень прерывает взмахом руки.

— И здесь тоже... — удрученно произносит. — Что-то она задумала.

— Сестра написала, что она ищет некий артефакт, какой именно не знает, но составная часть они уже нашли, — вклинивается в разговор Тьяцла.

Ахрон пытается заткнуть ее, заехав локтем в бок, но безуспешно. Она только морщится от боли, с ненавистью косясь на него.

Оборотень в ужасе смотрит немигающим взглядом на Темного, через силу выдавливая:

— Неужели эсхиллки нашли его?

— Да нет, Кром с Фьяцлой, — отвечает за иллиора Тьяцла. — Они немного застряли в подземелье. И мы собирались их вытащить оттуда, но попали сюда...

Она наклоняется вперед и бросает осуждающий взгляд на Ириона. Ахрон, натянуто улыбаясь Дробгу, хватая девушку за плечи и возвращает в исходное положение. Та возмущенно сопит, но не произносит ни слова.

— А, понятно, — говорит оборотень. — А вампиры вам на что?

— Проредить армию моей матушки, да и сбегать ее в хорошие руки, — снова влезает эсхиллка.

— Уж не в Ирионовы? — ехидно тянет Дробг, косясь на вампира.

— В его-его, — подтверждает девушка, еще и кивая для достоверности. И тут она произносит то, чего от нее уже никто не ожидал: — а вы поможете нам дойти до границы? Боюсь, что мы заблудимся.

— Ой, да не бойся, здесь всего-то пара деревьев, — машет огромной лапицей существо.

Темный со всей силы наступает на ногу Тьяцле. Та подскакивает на месте, вскрикивает, поворачивается к нему и, не обращая внимания на явное предостережение в его взгляде, замахивается.

— Пожалуй, я отправлю с вами пару проводников, — усмехается Дробг и, обращаясь к дочери, добавляет: — Имария, приведи тех двух остолопов, которые в очередной раз провалили охоту. Надеюсь, из них хотя бы нормальные провожатые получатся. Иначе придется изгнать их из стаи.

Женщина встает с бревна и идет в гущу зарослей. Когда за ней смыкаются ветки, оборотень произносит:

— Вы пока располагайтесь поудобней, она долго будет их искать, — встает, подходит к Ахрону, хватая его за воротник и произносит: — а с тобой мы поговорим наедине, внучок.

Лезет через заросли.

Темный зажмуривается, чтобы отскакивающие обломки веток не попадали в глаза. Когда он распахивает веки в следующий раз, он оказывается на другой поляне. Пустой поляне.

Оборотень ставит его на землю и делано строго говорит:

— Ну, внучок, а теперь рассказывай обо всем и с подробностями. Начинай с самого-самого начала.

Иллиор обреченно закатывает глаза, но все же начинает рассказ.

Тьяцла долго рассматривает очередного родственничка. Когда уже в десятый раз сканирует его пристальным взглядом с головы до ног, не выдерживает и произносит:

— Веня, значит?

Вампиреньш возмущенно сопит, бледнеет еще сильнее, но пытается сдержаться. Девушка не придает этому значения, но не без ехидства спрашивает у Ириона:

— А почему, как зеницу ока? Хрустальный он что ли?

Она понимает, что сморозила что-то не то только тогда, когда вампир выпучивает глаза так, что они готовы вывалиться из орбит. Зажимает рот рукой, не понимая, что как вообще могла такое сказать.

Вениамин успокаивается и, расправив гордо плечи, с презрением произносит:

— Похоже, в вас просыпается настоящая эсхильская сущность. Их склочность, вечное ехидство, готовность поддержать любую драку... Надеюсь, мне никогда не придется лицезреть ваш основной облик. Даже боюсь представить, на что вы будете похожи...

— А тебе, не все ли равно, Веня?.. Мы с тобой вряд ли еще увидимся когда-нибудь, но ты ведь не хочешь осознавать, что где-то совсем близко находится враг? — шипит Тьяцла, приближаясь вплотную к брату, который шарахается в сторону, но при этом огрызается:

— Заткнись, тварь эсхильская!.. Не...

Он не успевает закончить мысль, а девушка, услышав оскорбительные слова, рычит:

— Значит тварь? Значит эсхильская? Ну, ты нарвался... — она медленно приближается к нему, угрожающе вытянув руки и готовясь вцепиться в глотку.

— Не подходи ко мне! — срывается на фальцет вампиреньш, пытаясь отскочить подальше, но натыкаясь спиной на край столешницы.

Ирион пытается вмешаться в разборки, но Тьяцла предостерегающе зыркает в его сторону. Тот захлопывает рот и отходит в сторону.

Девушка одним шагом преодолевает расстояние, отделяющее ее от Вениамина, наносит

удар, попадая ровнехонько в глаз, и сбивает его с ног подсечкой под колено. Тот вереща падает, пытается, потирая лицо, встать, но Тьяцла прыгает сверху, придавливая всем весом.

Вампиреныш пытается извернуться, и попытка завершается удачей. Он придавливает эсхиллку к полу всем весом, бьет в ответ, но промахивается, попадает кулаком по доскам пола, взывает от боли и принимается потирать руку, неосмотрительно предоставляя Тьяцле свободу для маневра, которой она с удовольствием воспользовалась.

Перекатив оглушенного болью брата в положение идеально подходящее ей, девушка обхватывает того за шею и начинает самозабвенно душить. При этом она осознает, что вампиру от этого ничего не будет.

— Как ты там меня назвал? — шипит она, как заправская змея. — Тварью эсхилльской, да? Так сдохни же... Вениамин... или лучше Веня?.. — последнее звучит с нескрываемой издевкой.

Она не слышит ни того, как по комнате, громко топоча и в полную глотку вереща извинения, носится Ирион, ни того, как открылась дверь и в дом зашли новые действующие лица, ее останавливает только голос Ахрона, внезапно раздавшийся в полной тишине, образовавшейся в ее голове:

— Что здесь происходит?

Тьяцла ослабляет хватку и поворачивается к нему. Ярость, клокочущая внутри, куда-то уходит, сменяясь странным чувством. Она вскакивает с вампиреныша и бросается к, вовремя подоспевшему, иллиору. Но коварный родственничек изворачивается из неудобного положения и хватает ее за лодыжку.

Девушка взмахивает руками, изо всех сил пытаясь удержать равновесие, но тот еще и дергает рукой назад, и она заваливается прямым в объятия Темного, который подхватывает ее и прижимает к себе. Она в свою очередь зарывается носом в его рубашку, сминая ткань руками.

— Что на этот раз стряслось? — шепчет Ахрон, наклоняясь ближе. Потом разгинается и обводит взглядом комнату. Девушка следует его примеру, осматривается, тихо вздыхает. Поглазеть им больше не на что.

— Он назвал меня эсхилльской тварью... — лепечет Тьяцла, поднимая лицо и заглядывая в глаза, а потом снова пряча его в складках одежды Темного.

— Ну, зачем ты так. Про эсхилл ведь правда. Не поручусь за тварь... Но нужно спокойно воспринимать критику в свой адрес, — тихо и вкрадчиво произносит иллиор.

Эсхиллка на это только едва заметно фыркает. Спокойно? А сам как воспринял письмецо от бабули? Описание предоставленное Кромом и реальный иллиор слишком тогда разнились. Не собранный серьезный князь... Темный Властелин, а дерганый обиженный мальчишка, каковым является по меркам иллиоров.

— А она, — подает голос, молчавший до этого, вампиреныш и обличительно тычет пальцем ей в спину: — назвала меня Веней целых два раза!

За это время он успел встать с пола, отряхнуть пыль с темных брюк и пожаловаться папеньке. Тот умильно ему улыбается и гладит по макушке, как маленького ребенка.

А Тьяцла про себя отмечает, что назвала его так более двух раз, но решает не уточнять.

— Так что же все-таки случилось? Из-за чего начался весь сыр бор? — Темный пытается разузнать подробности у непрichастных, но те отмалчиваются, предоставляя ему самому разобраться в причинах драки.

Тьяцла усмехается. Так ему и скажут, сами не знают.

— Она обозвала меня Веней! — упрямо повторяет новоявленный брат.

Девушка только глаза на это закатывает.

— Ну, и что? — отлепляет она нос от рубашки Ахрона и оборачивается к нему. — Не убила же я тебя этим?

— Унизила... — шипит тот.

— Так, все! Хватит! — одергивает их Темный. Он переводит взгляд с вампира на эсхиллку и, снова вернувшись к обиженному, произносит: — она просто сократила твое имя. Зачем обижаться по пустякам?

Тьяцла кривится, когда его тон приобретает нотки сюсюканья, а Вениамин в ответ на это обижено надувает губы.

— Она издевалась надо мной. — лепечет он, шмыгая носом.

— Пожалуй, поговорим на эту тему потом, — после недолгой паузы произносит Темный. — Ирион, когда готов будет переход? — обращается к ее старшему родственничку.

— Примерно через полчаса, — неуверенно отвечает тот.

Услышав ответ, Ахрон приобнимает Тьяцлу за плечи и отводит в сторону. Остальные в этот момент отвлекаются от их парочки на некие обсуждения.

— Что с тобой происходит? — в лоб спрашивает иллиор. — Там, в кабинете, и до сегодняшнего дня ты казалась вполне нормальной, а тут такой выкрутас. Это нормально?

— Для меня в последние пару дней все нормально, — отвечает девушка, нервно теребя манжет рубахи. — Сущность эсхильская просыпается... И мне самой это тоже очень не нравится. Ничего не могу с этим сделать.

— С этим надо будет что-то делать. Не одной же тебе с этим жить, — вздыхает иллиор. — так, ты готова к переходу? Говорят, вампирские порталы довольно опасны.

— Тому, кто путешествует эсхильскими, уже ничего не страшно, — Тьяцле ничего не остается как, горько усмехнуться, вспомнив те мучения.

В это мгновение раздается громкий, постепенно нарастающий, гул. Тьяцла оборачивается в сторону источника звука и на мгновение забывает как дышать. В самом центре помещения из пола вырастает серая воронка смерча. Душный воздух сначала медленно колеблется, все ускоряясь и ускоряясь, пока не превращается в шквальный ветер, резкими порывами подталкивающий все ближе к воронке.

Все, что оказывается в пределах смерча, мгновенно исчезает.

— Ирион! Ты решил перетащить весь дом?! — перекрикивает дикий шум Мелиас.

— Нет! — следует ответ на такой же громкости. — Я не виноват в этом! Оно само так получилось!

— Похоже портал открыт, — тихо произносит Темный.

— Угу, — соглашается эсхиллка.

Воронка пару раз дергается и резко увеличивается в диаметре, захватывая всю комнату. Иллиора подхватывает сильный порыв ветра и швыряет в самый центр разразившегося смерча. Тьяцла несколько мгновений стоит как вкопанная, с ужасом наблюдая за творящимся вокруг кошмаром. А потом и ее затягивает в кромешную темноту.

Полет завершается резко, сопровождаясь плеском, леденящим жаром и целым рядом неприятных и крайне болезненных ощущений. Девушка истошно визжит, когда всплывает на поверхность в огромном котле.

Кто-то хватает ее за воротник и вытягивает из кипятка.

— Вы, эсхиллки, слишком часто стали совать свои носы в чужие дела, — слышится

тихое бормотание.

Ее скрюченное тельце усаживают на бревно и она успевает затуманненным болью взглядом обозреть всю поляну. И пребывавших на ней существ.

Тьяцла вздрагивает и шипит, когда что-то прохладное и влажное касается открытого участка кожи на руке. Она опускает взгляд, осматривает вздувающиеся волдыри. Смотрит на темноволосую женщину рядом, которая аккуратно накладывает толстым слоем густую черную мазь.

Девушка шипит и морщится, когда та начинает обильно обмазывать волдыри.

— Терпи, мазь из листьев темного дерева обезболит и быстро залечит раны, — тихо и заботливо произносит оборотень, зачерпывая из плошки еще немного черной гущи.

— Больше нигде не болит? Нет ожогов?

Эсхиллка отрицательно качает головой. Хоть она и нырнула в воду с головой, но по какой-то причине пострадали только руки, а мокрая одежда быстро остыла под порывом ледяного сквозняка долетевшего откуда-то из чащи. Она снова окидывает взглядом поляну и замечает неподалеку сваленных в кучу спутников.

— Вот это их вынесло... — бормочет она, наблюдая за тем как, подвешенного за ногу Ахрона, распекает полумедведь, а остальные еле-еле распутываются и расползаются в стороны.

— Ох, снова он за свое... — бормочет женщина, отрываясь от домазывания пострадавших пальцев и оборачиваясь к оборотням. — Отец, может, ты опустишь его на землю? И поставишь нормально? У него уже кровь к мозгу приливать начала.

Она возвращается к прерванному занятию, тихо произнося:

— Совсем одичал после того, как твои родственницы заморили мою сестру. Мог сожрать и собственного внука.

Они наблюдают за тем, как оборотень перехватывает иллиора за воротник и излишне аккуратно ставит на ноги, еще и невидимые пылинки стряхивает с плеч, чуть не опрокинув. Темный покачнулся, но устоял.

— Молодец, — громко произносит оборотница, широко улыбаясь. — А теперь помоги его спутникам распутаться и встать. Общаться в таком положении не совсем удобно.

— Угу, — бубнит себе под нос крупное медведеподобное существо, но все-таки приступает к вытягиванию из кучи отдельных личностей. При этом приговаривая себе под нос так тихо, что слышно на всей поляне: — удобней было бы сожрать их всех. А то как-то живность в лесу перевелась, а внучок очень редко обеспечивает нас пропитанием.

Закончив с незапланированным делом, оборотень присаживается на бревно и указывает на несколько таких же внушительных коряг. Все, опасливо озираясь, рассаживаются на них.

— Хоть это не пришлось напоминать. Очень многому приходится его заново обучать,

— ворчит предположительно тетя Ахрона. Она подталкивает Тьяцлу к ближайшему свободному месту, которое оказывается рядом с Темным. Подходит к отцу, садится рядом с ним, осматривает присутствующих и задает вопрос: — по какому вопросу вы пожаловали к нам?

Первым берет слово Мелиас, нагло опередив Ахрона и заявляя:

— А мы вообще не сюда рвались. Это этот с порталом напортачил, — локтем тыкает в бок вампира.

— А что сразу я! — возмущается папаша, дергаясь подальше от острой конечности. — Между прочим, это ты влез в процесс его создания!

Тьяцла недоуменно смотрит на каждого из них, переводит взгляд на дедулю Темного и замечает, что тот смотрит в одну точку и потерянно бубнит:

— Старый Хрыч Мелиас и Кровопийца Ирион... И Норн Эсхилльская Диета.. Неразлучная троица... Вы пришли поиздеваться надо мной?

— Не, вернуть в нашу компашку, Дробг, чтобы снова стать Убийственным Квартетом, — с широкой ухмылкой отвечает маг, но тут же принимает серьезный вид: — а вообще, нас интересует вопрос, как отсюда выбраться, чтобы не попасться эсхиллкам.

— Я подумаю, — произносит обитатель Темного леса. — Что-то они как-то в последнее время оживились. Может, поведаешь причину?

— Ну, тут все просто, эти двое сбежали из под носа самой Атцлы, — Мелиас указывает на Ахрона с Тьяцлой.

— Хм... Смелый поступок... А как так получилось, внучок? — Дробг переводит взгляд на Темного. Эсхиллка чувствует, как тот содрогнулся от одного упоминания ее бабули.

— Атцла прислала письмо... — только начинает он рассказ, но оборотень прерывает взмахом руки.

— И здесь тоже... — удрученно произносит. — Что-то она задумала.

Девушка с удивлением понимает, что здесь собрались все кто когда-либо был обижен ее родственницами. И мать Ахрона, дочь странного, по ее меркам, Дробга, заморили когда-то тоже они.

— Сестра написала, что она ищет некий артефакт, какой именно не знает, но составную часть они уже нашли, — вклинивается в разговор Тьяцла, даже не подозревая чего хотела этим добиться, но результат превосходит ее ожидания. Темный безуспешно пытается заехать ей в бок. Она на это только морщится и недобро косится на него. А оборотень в ужасе смотрит немигающим взглядом на иллиора, через силу выдавливая:

— Неужели эсхиллки нашли его?

— Да нет, Кром с Фьяцлой, — отвечает за того Тьяцла. — Они немного застряли в подземелье. И мы собирались их вытащить оттуда, но попали сюда...

Она наклоняется вперед и бросает осуждающий взгляд на Ириона. Ахрон, натянуто улыбаясь Дробгу, хватая девушку за плечи и возвращает в исходное положение. Та возмущенно сопит, но не произносит ни слова.

— А, понятно. — говорит оборотень. — А вампиры вам на что?

— Проредить армию моей матушки, да и сбегать ее в хорошие руки. — снова влезает Тьяцла.

— Уж не в Ирионовы? — ехидно тянет Дробг, косясь на вампира.

— В его-его, — подтверждает девушка, еще и кивая для достоверности. И тут она произносит то, чего от нее уже никто не ожидал: — а вы поможете нам дойти до границы? Боюсь, что мы заблудимся.

— Ой, да не бойся, здесь всего-то пара деревьев, — машет огромной лапицей существо.

Темный со всей силы наступает ей на ногу. Она подскакивает на месте, вскрикивает, поворачивается к нему и, не обращая внимания на явное предостережение в его взгляде, замахивается.

— Пожалуй, я отправлю с вами пару проводников, — усмехается Дробг и, обращаясь к дочери, добавляет: — Имария, приведи тех двух остолопов, которые в очередной раз провалили охоту. Надеюсь, из них хотя бы нормальные провожатые получатся. Иначе придется изгнать их из стаи.

Женщина встает с бревна и идет в гущу зарослей. Когда за ней смыкаются ветки, оборотень произносит:

— Вы пока располагайтесь поудобней, она долго будет их искать, — встает, подходит к Темному, хватая его за воротник и произносит: — а с тобой мы поговорим наедине, внучок.

И уводит его в чащу.

Тьяцла выжидает некоторое время, встает с бревна и, не обращая внимания на предостерегающие взгляды, идет вслед за ними, аккуратно отклоняя с пути ветки так, чтобы те не издавали громкого звука.

Она добредает до опушки поляны и замирает, прислушиваясь к разговору. Ей всегда было интересно, с чего все началось. Чем не вариант узнать всю правду, не возвращаясь в Флиос?

Кром открывает глаза и обзревает крошечную темноту вокруг, отмечая про себя, что этим нехитрым действием не добивается никакого видимого результата.

Рядом слышится шорох и тихий вздох. Кто-то пытается растормошить его. Он понимает кто это не сразу и только тогда, когда раздается не менее упрямое:

— Кром! Да сколько можно дрыхнуть! Продирай, давай, глаза! — Фьяцла хватая его за ворот рубахи и трясет со всей силы. В голосе слышится неподдельная паника. Последнее звучит с истеричным надрывом: — Кром, мы забыли кандалы в камере!.. Да прийди же уже в себя!!!

Маг вяло пытается отбиться от нее, но силы оказываются не равными. Он сдается, повиснув в руках эсхиллки мертвым грузом.

— Отпусти, задушишь... — хрипит мужчина, когда воротник начинает плотно стягиваться вокруг шеи.

Фьяцла на несколько секунд замирает, выпускает из мертвой хватки затрепавшую от усилий ткань и бросается ему на шею, сжимая в крепких объятьях.

Он с минуту недоуменно смотрит в темное пространство перед собой, но все же обнимает девушку в ответ.

— Я так испугалась... Ты так долго был без сознания... — прерываясь и всхлипывая шепчет она.

Кром вздыхает, успокаивающе поглаживая эсхиллку по голове, и погружаясь в размышления.

— Что ты говорила про кандалы? — решает уточнить услышанное ранее.

— Мы забыли их в той темнице!.. — трагическим тоном отвечает девушка и зарывается носом в многострадальную рубашку.

Маг неопределенно хмыкает, косясь в темноту. Вот и допутешествовались по подземелью. За чем пришли, то и забыли.

— Нужно вернуться обратно, — твердо произносит он, изо всех сил делая вид, что не замечает, как после сказанного, Фьяцла содрогнулась всем телом.

— Только не туда... — слышится тихое, сопровождаемое громким стуком зубов.

— А что ты предлагаешь делать? Нам нужно выбраться и обезвредить Атцлу. В ином случае мы застрянем здесь до того момента, пока кто-нибудь не обнаружит наши скелеты. Да и это спорный вопрос... В этом коридоре, похоже, никого не было уже лет пятьсот.

— Вообще-то, это не коридор, а зал, до которого я тебя тащила на собственном горбе... — обиженно шипит эсхиллка.

— И не соизволила проверить безопасно ли здесь! — возмущается Кром. — Думаешь,

раз темно, значит можно ничего не опасаться? Это чудо, что нас еще никто не схарчил!..

— Тише... — шипит Фьяцла, зажимая ему рот рукой. — Слышишь?..

В полной тишине раздается еле слышный свист, который быстро прерывается. Но на смену ему приходит другая напасть.

— Ну вот, допрыгались... — констатирует факт маг, неотрываясь наблюдая за странной картиной.

В центре невероятно большого зала, над возвышенностью с неглубоким отверстием, вспыхивает огненный шар, который медленно поднимается к куполообразному своду.

Кром замечает в том месте, куда стремится сгусток огня, небольшое углубление, диаметром как раз подходящее под него. В эту нишу и погружается шар.

— И что дальше?.. — подает голос Фьяцла, до этого молчаливо наблюдавшая за медленным движением неизвестного объекта.

— Не знаю, будем ждать, — в ответ пожимает плечами маг, сильнее прижимая к себе эсхиллку.

После того как он успел это сказать, пол и стены в помещении содрогаются. Раздается низкий гул, сопровождаемый мелкой вибрацией. По куполообразному потолку тянется, очерчивая середину, широкая трещина. Вниз падают мелкие камни и песок, чудом не попадая в мага и эсхиллку. Часть отделившаяся от общей поверхности начинает опускаться вниз.

— А вот это интересней, чем все вместе взятое... — бормочет Кром, наблюдая за тем, как в увеличивающейся щели вырисовываются очертания зала с постаментом из черного камня.

— В чем дело? — спрашивает Фьяцла, извернувшись и косясь на движущуюся платформу.

— Да я все время считал, что подвалы строились в два яруса. Даже на картах не изображен третий... — отвечает маг. — Как ты вообще сюда умудрилась забраться?

— Наверное почувствовала, где проведу последние мгновения жизни, — отвечает эсхиллка.

Иллиор смотрит на нее с нескрываемым удивлением. Та, не выдержав его взгляда, поясняет:

— Если оно полностью опустится, меня расплющит вашей, иллиорской, магией.

Кром всматривается в лицо Фьяцлы, понимая что она права, и задумывается над решением возникшей проблемы. Бросает взгляд на приближающийся к полу артефакт и перед ним предстает выход из ситуации.

— Мы обойдемся малым злом, — задумчиво произносит маг, смотря в глаза эсхиллки.

— Что ты на этот раз придумал? — недоверчиво косится на него девушка.

Маг вздыхает и приступает к объяснениям, тем более его осеняет еще одна идея:

— Так, я черпаю силы из артефакта и прикрываю тебя сферическим щитом. Не приятно, но не смертельно. Сам открываю портал и возвращаюсь за кандалами.

Все было произнесено громко, четко и с презрительной жестикуляцией. Воодушевляюще, но эсхиллку не впечатляет.

— И бросишь меня здесь одну? — спрашивает Фьяцла с таким выражением лица, словно сейчас расплачется.

— Но... — бессильно разводит руками мужчина, в душе недоумевая над причиной такого заявления. Но все же берет себя в руки и твердо, настаивая на своем, продолжает: —

так надо. Иначе, мы отсюда не выберемся никогда. И не из-за того, то выбираться будет некому, а из-за того, что Атцла видела нас в замке.

Он замечает, что Фьяцла пытается скептически закатить глаза, но не может сделать даже такого элементарного движения.

— Похоже началось... — чуть слышно, невнятно, сквозь крепко сжатые губы, бормочет эсхиллка.

Кром только вздыхает, переводя взгляд с девушки на, порядком опустившийся, артефакт. Снова смотрит на Фьяцлу. Та не двигается и, даже кажется, не дышит.

— Фьяцлочка, подожди немного... потерпи... — срывается маг, когда замечает, что она быстро бледнеет.

Он призывает все возможные силы к себе. Как ни странно, на зов отвечает только артефакт, быстро расправляя тонкие сияющие щупальца. Возникает ощущение, что это из него будут их вытягивать, а не он заимствовать немного для благого дела. Впрочем, откат его ожидает такой, что не каждый выживет. Но это потом, когда он найдет наконец искомый предмет и не даст одной эсхиллке помереть в муках.

А когда переливающиеся полупрозрачные конечности подползают ближе к нему, то он замечает по всей длине небольшие присоски. Маг удрученно опускает плечи. Зачем только он согласился тогда на ту авантюру, предложенную Тьяцлой? Сейчас не было бы никаких проблем. Эсхиллка бы сбежала и без посторонней помощи, Ахрон не сорвался бы с места, только чтобы отправить восвояси самую старшую фаэтонику. А он, Кром, так и продолжал дела придворного мага и открывал порталы для друзей, а не лазал по подземельям, собирая всю пыль по пути. И не подвергал себя опасности.

Один из жгутов оборачивается вокруг него, тут же сливаясь с воздухом и проникая под кожу, наполняя тело магией.

Иллиор быстро, пока находится в полном сознании, плетет сферический щит, которым накрывает эсхиллку. Некоторое время ждет, пропуская сквозь себя волны пульсирующей энергии и наблюдая за девушкой, которая наинает потихоньку приходить в себя.

Потом открывает портал и переносится в покинутую совсем недавно темницу.

Главное теперь — успеть сделать все. Второго шанса не будет. Да и после первого вряд ли останется полностью адекватным.

Кром выходит из портала в центре, запомнившейся до последнего камушка, темницы как раз в тот момент, когда перед решеткой в последний раз мелькают лохмотья чьих-то штанов. Он бросается к стене, около которой они сидели в предыдущее пребывание здесь, обшаривает каждый ее сантиметр, но ничего не находит.

Как назло, создать поисковое плетение не получается. Никак не удастся сконцентрироваться на чем-то одном, мысли в панике стремительно сменяют друг друга, не задерживаясь более чем на секунду. Кром в таком темпе даже не успевает осознать свое, хоть и временное, всемогущество.

Маг перебегает к следующей стене, осматривает и ее, лихорадочно обшаривая руками каждый камень. Но результат был таким же.

Он чувствует подступающую дурноту, но не заостряет на ней внимание, приступая к последней, в которой Фьяцла умудрилась сделать лаз. Облапав плотно подогнанные друг к другу каменные блоки почти до середины стены, иллиор обессилено опускается на пол и приваливается лбом к выпирающему камню. Тот, щелкнув механизмами, отодвигается вглубь. Кром с трудом успевает отскочить от, отъезжающей в сторону, половины и с

недоумением заглядывает в открывшееся небольшое помещение.

Встает и пошатываясь заходит в комнатушку, в которой тут же вспыхивает яркий магический светильник.

Когда глаза привыкают к свету, маг замечает на противоположной от входа стене четыре железных колышка. Два под низким полоком, почти в углах, и два у пола, на том же расстоянии друг от друга, как и верхние. На них висят короткие цепи с крупными звеньями, на которых поблескивают тяжелые браслеты из черного металла.

Кром, прикладывая невероятные усилия, вырывает верхние колышки и наклоняется за нижними, когда перед глазами начинает темнеть. Поспешно выдрав оставшиеся из гнезд, маг открывает портал и возвращается в совсем недавно покинутый зал.

Он вышагивает из портала в тот момент, когда площадка с артефактом опускается на возвышенность в центре зала. Пол содрогается. Кром пошатывается, но удерживает равновесие и медленно бредет к, пришедшей в себя, эсхиллке.

Краем глаза он замечает, что по черному камню постамента расползается огненный орнамент из concentрических кругов. Не придает значения этому явлению, проходит через барьер, подхватывает Фьяццу, которая все это время силилась сесть, и открывает переход во двор, где истуканчиком застыла ее родственница.

Уже находясь во дворе, он ставит эсхиллку на ноги, всучает тяжелую ношу и произносит:

— Сделай уже с ней что-нибудь...

Указывает на начинающую шевелиться Атццу и плашмя падает на плиты.

Фьяццла бредет по коридору, взвалив на плечи бессознательного мага. Мысленно поминая его нехорошими словами, она практически на ощупь пробирается в темноте, водя рукой по влажному камню стен. Почему-то при том, что в других помещениях стены совершенно сухие, здесь же из каждой щели сочится влага.

Морщась от отвращения, эсхиллка в очередной раз кладет руку на скользкий камень. Но тот не остается в покое, как все остальные, и отъезжает назад. Девушка спотыкается от неожиданности и, под тяжестью бессознательного тела, заваливается в сторону.

Там, где по ее подсчетам должна была быть стена, оказывается пустота и она чудом успевает восстановить равновесие.

За спиной что-то шуршит и защелкивается. Фьяццла сбрасывает с плеча иллиора, не заботясь о его сохранности, бросается к стене, ощупывает ее и, когда понимает что от входа не осталось ни следа, начинает со всей силы колотить по преступно сухим камням.

Она не добивается никакого результата, даже в первой форме, и только тогда бессильно опускает руки. Поворачивается спиной к стене, возвращается во вторую форму и медленно сползает на пол рядом с Кромом.

Когда темнота и тишина начинают давить на ее плечи неподъемным грузом, девушка пару раз пихает иллиора в бок, в надежде привести его в чувства. Тот остается недвижимым.

Фьяццла вздыхает и упрямо с нотками паники в голосе говорит:

— Кром! Да сколько можно дрыхнуть! Продирай, давай, глаза! — хватает за ворот рубахи и трясет со всей силы. Последнее звучит с истеричным надрывом: — Кром, мы забыли кандалы в камере!.. Да приди же уже в себя!!!

Она не сразу замечает, что маг затрепыхался, подавая признаки жизни. Только когда тот, повиснув мертвым грузом в ее руках, что-то тихо хрипит, она замирает, выпускает из мертвой хватки затрепыхавшую от усилий ткань и бросается ему на шею, сжимая в крепких

обьятьях.

И только когда Кром обнимает ее в ответ, Фьяцла всхлипывая и прерываясь шепчет:
— Я так испугалась... Ты так долго был без сознания...

Она слышит как иллиор вздыхает, чувствует как успокаивающе поглаживает по голове, и все же надеется, что не расслышал сказанного о кандалах.

— Что ты говорила про кандалы? — камнем падает в темноту.

— Мы забыли их в той темнице!.. — трагическим тоном отвечает девушка и зарывается носом в многострадальную рубашку.

Маг неопределенно хмыкает.

— Нужно вернуться обратно, — твердо произносит он после недолгого молчания.

Фьяцла содрагается всем телом. Она вторая дочь матриарха и не должна ничего бояться, но после пережитого за все это время, сразу вспоминается, что она так и не завершила обучение, провалив первое задание, и вообще самая обычная девчонка, только с более широкими возможностями, чем все остальные. И не обязана лазить по подземельям и где-либо еще. А от воспоминаний о той самой темнице у нее начинают от страха стучать зубы...

— Только не туда... — произносит она тихо, сопровождая произносимое громкой дробью.

— А что ты предлагаешь делать? Нам нужно выбраться и обезвредить Атцлу. В ином случае мы застрянем здесь до того момента, пока кто-нибудь не обнаружит наши скелеты. Да и это спорный вопрос... В этом коридоре, похоже, никого не было уже лет пятьсот, — кое-как подавляя возмущение, выдавливает маг.

— Вообще-то, это не коридор, а зал, до которого я тебя тащила на собственном горбе... — обиженно шипит эсхиллка, не уточняя тот факт, что завалилась сюда совершенно случайно и теперь не знает как выбраться. О зале она тоже высказывается наугад, просто интуиция так подсказывает.

— И не соизволила проверить безопасно ли здесь! — возмущается Кром. — Думаешь, раз темно, значит можно ничего не опасаться? Это чудо, что нас еще никто не схарчил!..

— Тише... — шипит Фьяцла, зажимая ему рот рукой. — Слышишь?..

В полной тишине раздается еле слышный свист, который быстро прерывается.

— Ну вот, допрыгались... — констатирует факт маг.

Эсхиллка не обращает внимания на сказанное, неотрывно наблюдая за происходящим.

В центре невероятно большого зала, над возвышенностью с неглубоким отверстием, вспыхивает огненный шар, который медленно поднимается к куполообразному своду.

— И что дальше?.. — подает голос девушка, когда молча наблюдать за происходящим уже не хватает сил.

— Не знаю, будем ждать, — в ответ пожимает плечами маг, сильнее прижимая к себе эсхиллку.

После того как тот успел это сказать, пол и стены в помещении содрогаются. Раздается низкий гул, сопровождаемый мелкой вибрацией. По куполообразному потолку тянется, очерчивая середину, широкая трещина. Вниз падают мелкие камни и песок, чудом не попадая в мага и эсхиллку. Часть отделившаяся от общей поверхности начинает опускаться вниз.

— А вот это интересней, чем все вместе взятое... — доносится до Фьяцлы бормотание Крома.

— В чем дело? — спрашивает она, извернувшись и косясь на движущуюся платформу.

Открывшаяся картина ей совсем не нравится, а еще раздражает ощущение тяжести, которая наваливается все явственнее с каждым сантиметром преодоленного артефактом расстояния до пола.

— Да я все время считал, что подвалы строились в два яруса. Даже на картах не изображен третий... — отвечает маг. — Как ты вообще сюда умудрилась забраться?

— Наверное почувствовала, где проведу последние мгновения жизни, — отвечает эсхиллка и, непонимающий взгляд иллиора, поясняет: — если оно полностью опустится, меня расплющит вашей, иллиорской, магией.

После некоторого раздумья, гляделок и рассматривания иллиорской реликвии, маг задумчиво произносит:

— Мы обойдемся малым злом.

— Что ты на этот раз придумал? — удивленно недоверчиво косится на него девушка. Маг вздыхает и приступает к объяснениям:

— Так, я черпаю силы из артефакта и прикрываю тебя сферическим щитом. Не приятно, но не смертельно. Сам открываю портал и возвращаюсь за кандалами.

Все было произнесено громко, четко и с преизрядной жестикуляцией. Воодушевляюще, но Фьяццу не впечатляет.

— И бросишь меня здесь одну? — спрашивает она, понимая, что голос кажется плаксивым и сама она сейчас расплачется от возникшей из ниоткуда головной боли.

— Но... — бессильно разводит руками мужчина, но тут же твердо продолжает: — так надо. Иначе, мы отсюда не выберемся никогда. И не из-за того, то выбираться будет некому, а из-за того, что Атцла видела нас в замке.

Эсхиллка пытается скептически закатить глаза, но не может сделать даже такого элементарного движения. Борясь с подступающей паникой она бормочет сквозь крепко сжатые губы:

— Похоже началось...

Девушка еще некоторое время борется с удушьем, но быстро сдается и проваливается в непроглядную черную мглу, перед отключкой услышав надрывное:

— Фьяцлочка, подожди немного... потерпи... — срывается маг, когда замечает, что она быстро бледнеет.

Фьяццла резко открывает глаза, осматривается и, не заметив присутствия в зале Крома, пытается сесть. Воздвигнутый вокруг нее щит причиняет боль и она остается в том же лежащем положении. Остается ждать возвращения мага.

Только мысль об ожидании мелькает на границе сознания, как тот неприминул явиться, вышагнув из подернутого рябью воздуха. Подхватывает девушку с пола и переносит во двор, где они оставили застывшую Атцлу.

Эсхиллка замечает, что иллиор истощен только, когда тот всучает ей тяжеленные кандалы из черного металла, произносит, указывая в сторону экс-матриарха:

— Сделай уже с ней что-нибудь...

И плашмя падает на плиты.

Девушке ничего не остается, как добрести до бабули, злобно сверкающей на нее глазами, толкнуть, повалив ее на дорожку, и поочередно нацепить на конечности широкие черные браслеты. Вбить колышки в промежутки между плитами и вернуться к бессознательному Крому.

— Ну, вот и все... Готово... — тихо произносит она, ни к кому не обращаясь,

подхватывает мага и утягивает в тень под стеной, подальше от палящего солнца.

Ахрон все рассказывает и рассказывает, а молчаливый слушатель, безвольно сложив руки-лапы на коленях, смотрит отсутствующим взглядом перед собой и явно что-то обдумывает. Иллиор даже запинается пару раз, когда перед мысленным взором возникают предположительные результаты этих размышлений. За время пока ведется рассказ, они успели удобно разместиться на бревне у самой кромки леса.

Когда Темный доходит до середины повествования, в кустах за спиной раздается громкий треск и шелест. Повсюду летают листья. А в небольшой промежуток между ними, чуть ли не лицом по бревну, приземляется Тьяцла. Под их возмущенными взглядами эсхиллка приподнимается, опираясь руками на корягу, и виновато улыбается.

— Только не говори, что просто проходила мимо, — устало произносит иллиор, закатывая глаза.

— Почему? — с деланным удивлением спрашивает девушка, округляя совершенно невинные глаза.

Шумно вздохнув, подает голос молчавший все это время оборотень:

— Ты тут с самого начала возмущенно пыхла в кустах. Твои родственницы ничему не научили, когда собирались муштровать из тебя вторую дочь матриарха?

— Некоторые знания и навыки, приобретенные во время обучения, уже немного подзабылись за ненадобностью, — честно отвечает эсхиллка.

— А я-то демал в вас их дубовой дубиной вбивают или расплавленным железом вливают... — язвит Ахрон, но тут же замолкает, заметив предупреждающий жест со стороны деда.

— Садись, дослушаем, — примирительно говорит Дробг, отодвигаясь и указывая на место между ним и Темным.

Девушка перебирается через освободившуюся часть бревна и садится, приготовившись слушать длинную историю.

— Ну, продолжай, — подгоняет оборотень Ахрона, прерывая затянувшуюся тишину. Темный хлопает глазами и растеряно выдает:

— Я не помню на чем остановился...

— Какой из тебя правитель с такой-то памятью? — сокрушенно вздыхает Дробг. — Не зря твой папаша проигрался, оставив тебе тот клочок земли. Иначе не справился бы ты с целой империей. А остановился на том, как мою дочь травили.

Иллиор возмущенно сопит, но все же начинает бесцветным голосом рассказывает продолжение, не особо вникая в произносимые слова. Чем меньше думает о сказанном, тем меньше боли и сожалений. Ведь, если отцу ничем помочь не мог, возраст и воспитание не давали влезть во взрослые дела, то мать он был в силах спасти, просто перехватывая подносы с отравленной пищей по дороге в ее покои...

Когда сложная для него история подходит к концу, Ахрон не сразу замечает, что вокруг стемнело, на плече мирно посапывает Тьяцла, а Дробг удивленно смотрит перед собой.

— Это что же получается, рядом со мной сидит совершенная невидаль? Первая за последние триста лет, если не больше, эсхиллка связавшая себя с кем-то нерушимыми узами по собственной воле? — вопреки ожиданиям иллиора спрашивает оборотень, поворачиваясь к девушке и внимательно осматривая.

— Просто не знала о последствиях... — раздраженно бурчит Темный, между тем запуская пальцы в густую и шелковистую шевелюру девушки.

Он удивленно замирает, понимая что что-то неуловимо и слишком быстро изменилось. Пропускает волосы между пальцами и только тогда отмечает полное отсутствие металла. Поддавшись какому-то новому порыву, Ахрон склоняется и целует приютившуюся на плече макушку Тьяцлы.

— Так, вставай и топаем на поляну, мне нужно объявить кое-что важное, — произносит оборотень, вставая с бревна, которое, лишившись дополнительного веса, подсакивает под иллиором, прерывая порыв нежности. — Сегодня вы все переночуете в нашей деревне, а завтра все дружно пойдем бить морды эхсиллкам. Они с собой, наверное, и степнячек притащили? — предполагает Дробг и, когда замечает кивок удивленного Ахрона, азартно потирает руки: — тем веселее будет!

Он, более не обращая внимание на Темного и пребывая в своих мыслях, топает к зарослям.

Ахрону остается только подхватить Тьяцлу на руки и идти следом.

На поляне они появляются тихо и внезапно, застав занимательную картину: Мелиас и Норн сидят в окружении полуголых злющих вампиров, по всей поляне раскиданы карты, а Ирион за что-то распекает сына, держа того за ворот на значительном расстоянии от земли.

Заметив новоприбывших, Норн, радостно улыбаясь во все тридцать два, машет рукой, привлекая и без того направленное на зачинщиков безобразия внимание.

— Что здесь произошло? — растерянно лепечет Дробг, разглядывая изрядно помятую траву, порубленные бревна и перевернутый котел.

А Ахрон в это время чудом замечает тускло мерцающий охранный щит, воздвигнутый вокруг мага и иллиорки. Причины, почему разъяренные проигрышами вампиры не могут подобраться к ним ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

— Мы тут решили немного поразвлечься и подзаработать!.. — радостно отвечает на поставленный вопрос Мелиас, но его улыбка медленно меркнет. Он огорченно разводит руками: — только, вот...

Ахрон с Дробгом снова осматривают учиненный вампирами беспорядок, одновременно вздыхают, переглядываются. Темный, забыв о своей ноше, разводит руками. Раздается глухой удар о землю, раздраженное ворчание. Он опускает взгляд и встречается с совершенно невменяемыми от бешенства глазами эхсиллки.

— Тьяц... — иллиор пытается успокоить ее и извиниться, но та резко прерывает его:

— Молчать! — рявкает во всю глотку, встает с земли, осматривает, творящийся на поляне бедлам, зло смотрит на Ириона, на собравшихся вокруг него вампиров, на Мелиаса с Норн, и шипит, как заправская змея: — что здесь творится? — замолкает и, после коротких размышлений, тыкает пальцем в расстроенного мага: — Ты, приведи здесь все в порядок. И не уваливай, я прекрасно знаю на что ты способен. А я пока приведу на эту милую полянку своих девочек. Они любят, когда вокруг прибрано.

Иллиор, стоя позади эхсиллки, удивленно переводит взгляд с нее на человека, который напряженно замер под ее взглядом и не собирается продолжать паясничать.

— Вяжи ее, это Арицла, — еле слышно произносит, резко побледневший, маг, неотрывно смотря на Темного.

Норн, услышав его слова, встает на ноги и медленно выходит вперед, готовая в любой момент обратиться и наброситься на эхсиллку.

В это мгновение Ахрон чувствует в руках тяжесть, опускает взгляд и натывается на два браслета из черного металла. Смотрит на Мелиаса, который бледнеет еще сильнее, когда Тьяцла направляется в их сторону.

— А-а, милашка Норножетта Гроза Эсхилл, какая встреча, — шипит девушка, сделав вид, что только обратила на ту внимание. — Не думала, что здесь соберутся все, кого я так жаждала видеть... хм... в менее живом виде. Ну что же, девочка моя, ты хорошо справилась с давно поставленной задачей, — она гладит себя по голове. — Не зря я не во всем полагаюсь на Фьяцлу.

— Ахрон, воспользуйся уже браслетами, они обездвижат ее! — выкрикивает маг, понимая, что мешкать больше нельзя, а Темный находится в прострации.

Девушка останавливается. И пока слишком медленно оборачивается к иллиору, сразу видно, что не может полностью контролировать тело, он хватает ее за руку и цепляет на запястье тяжелый обруч.

Нынешняя матриарх недоуменно косится на чужеродный предмет, переводит взгляд на Темного, усмехается и хрипит, надрывая горло:

— Мальчик, ты правда думаешь, что это меня остановит?.. С тобой я хотела разобраться в последнюю очередь...

Замахивается с целью вклепить ему увесистую оплеуху, но и на второй руке защелкивается подарочек из черного металла. Она некоторое время с неподдельным удивлением рассматривает приобретение, с истеричным подвизгиванием шипит, смотря Ахрону в глаза:

— Ты об этом пожалеешь! — закатывает глаза и начинает заваливаться назад.

Темный чудом успеваешь подхватить девушку до того, как та успеваешь сверзиться со всего маха на землю. Укладывает ее на утопанную траву и непонимающе смотрит на Мелиаса.

— Как она смогла это проделать?

— Знал бы, что они успели прополоскать ей мозги, никогда не взялся бы за это задание, — маг переводит полный ужаса взгляд на Ириона, который блаженно улыбаясь смотрит в пространство перед собой. — У-у, с этим все понятно, — отворачивается от невменяемого вампира. — Наверное не смогла пробраться в сознание второй дочери, раз решила воспользоваться запасным вариантом.

— Надеюсь, они не решат на ночь глядя лезть сюда, — озвучивает свои опасения Дробг. — Иначе придется сниматься с места и искать новое для ночевки.

— На такие крайности идти не придется. Она не знает, где мы находимся. Да и эсхилл не полезут в Темный лес, слишком много легенд о нем ходит. Но я знаю, где расположен их лагерь, — недобро усмехается маг.

— Ладно, с этим решили. А теперь прибережи здесь все, друг мой, — устало говорит оборотень: — мы-то тоже знаем, на что ты способен. А потом в деревню, спать, — он удрученно опускает плечи. — Голодными. Снова.

Пока Мелиас восстанавливает первоначальный вид поляны, Ахрон поднимает с земли бессознательную эсхиллку и бредет через заросли за остальными, отмечая про себя, что вампиры как-то слишком быстро остыли, и подозревая в причинах этого все того же мага.

Через несколько десятков минут блуждания по зарослям, одной безвременно погибшей рубашки, догнавшего их и побитого вампирами Мелиаса, они выходят на большую прогалину, в центре которой, выстроившись в несколько рядов, стоят десятка два, если не больше, хижин.

Дробг, остановившись на опушке, указывает на домик побольше и произносит:

— На ночь устраивайтесь там, а утром пойдем бить морды эхсиллкам.

И хищно улыбнувшись на последок, скрывается в неизвестном направлении.

Остальным ничего не остается, как ввалиться в домик и тут же повалиться без сил на плетеные циновки.

Темный сгружает свою ношу на свободное место у стены, устраивается рядом и проваливается в забытье.

Утро встречает Ахрона головной болью и хриплым сипением на ухо:

— Ахрон, что вчера было? Почему у меня голос сорван?

— Тьяцла, если сама спать не можешь, то другим не мешай, — бурчит Темный, не намереваясь отвечать и, тем более, открывать глаза.

— Ну, Ахрон, пожалуйста, ответь мне... — канючит эхсиллка, не давая ему возможности снова заснуть.

— Мать твоя являлась! Вот что случилось!.. — возмущается иллиор, все же распахивая плотно зажмуренные веки.

Он несколько раз недоуменно моргает, рассматривая глыбу мускулов напротив себя. Все мечты о сне моментально вылетают из головы, когда до него доходит, что перед ним на корточках сидит эхсиллка. Иллиор порывается подскочить на ноги, но та останавливает его, положив ладонь на плечо.

— Понятно, выгляжу я столь же отвратительно, как и ощущаю, — хрипит девица, выдавая в себе Тьцлу. — Что Арицле нужно было?

— Как всегда запугивала, — отвечает Ахрон, внимательно рассматривая новый образ жены.

Та же, проделав пару странных жестов, становится обычной.

— Это плохо. Надо было сразу догадаться, что вместе с волосами слетят все барьеры. И ментальный тоже.

— Не знал, что эхсилл способны на ментальную магию. Она же запрещена! — слишком громко возмущается Темный.

— Тише, разбудишь всех, — девушка оглаживается по сторонам. — Им плевать на запреты. Со вторыми дочерьми они могут работать только на ментальном уровне. Доучить Фьяцлу они не успели и сейчас она в полной безопасности, а я почти дошла до финальной стадии обучения. Меня успели настроить на принятие приказов на расстоянии.

Ахрон ошарашенно смотрит на девушку, которая внезапно разоткровенничалась.

— Так она может выследить нас! — доходит до Темного осознание.

— Тут все не так просто, как кажется. При первой встрече Мелиас установил частичный ментальный блок. Не полный, чтобы не вызвать если что подозрений. Они могут проникнуть в мое сознание только когда я нахожусь в покое. И видят только сиюминутное изображение, отследить что-либо они не в силах. Знаешь, я так хочу снова быть просто человеком, без всех этих проблем и сумасшедших родственников.

Эхсиллка устраивается рядом с темным, кладет голову ему на плечо.

— А в чем проблема-то? — опасливо прощупывает почву иллиор, мало ли сейчас в очередной раз выхверится.

— Ну, проблема в том, что я свой шанс упустила, когда волосы обрезала, — невесело усмехается Тьяцла. — Остаься со мной тот барьер, они меня уже никогда бы не нашли. Теперь же придется стать благоразумной эхсиллкой.

— Да уж, совмести несовместимое, — отвечает Ахрон, помимо воли зевая. — Все хватит разговоров. Сегодня нам предстоит совершить много дел. Так что, давай, спи.

— Угу, — бурчит под нос эхиллка. — Я итак уже выспалась.

— Отдохни нормально, — в тон ей говорит иллиор, не надеясь уговорить хоть немного помолчать.

В предрассветных сумерках воцаряется полная тишина, прерываемая только мерным, почти синхронным, дыханием спящих. Через некоторое время дыхание Тьяцлы тоже выравнивается. Но к Темному сон приходит не сразу.

Удобное место находится быстро, единственный минус, что придется все время стоять. Но она-то уже привыкла к подобному времяпрепровождению, не зря она когда-то повадилась подслушивать разговоры родственников.

Тьяцла, стараясь не шуметь и нетерпеливо переступая с ноги на ногу, прислушивается к разговору за ближайшими кустами. В уши и глаза лезут ветки, кожу щекочут листочки, она изо всех сил пытается не чихнуть, когда в носу начинает свербить.

Когда рассказ доходит до того, как Атцла подсылала к матери Темного своих людей, чтобы травить ее, девушка возмущенно сопит, понимая, что ее бабуля тогда слишком далеко зашла. А потом, когда ничего не вышло с Ардором, она продумала нынешний план, перенаправив внимание Арицлы на несчастного вампира. Только вот, Тьяцла усмехается, ничего у них не выйдет и в этот раз. Все уже сделано для того, чтобы их задумка провалилась.

Приближающихся со спины шагов она не слышит. Только когда совсем близко раздается треск ломаемой палки, эхиллка оборачивается и замирает, под уличительным взглядом оборотницы, которая обрабатывала ее ожоги, от которых не осталось и следа.

— Нечего в сторонке подслушивать, — хмыкает женщина, разворачивает ее и выталкивает на поляну.

Обдирая в полете листья с веток, чтобы хоть как-то зацепиться и не упасть, Тьяцла приземляется прямо между Ахроном и Дробгом, чуть не приложившись со всей силы лицом о бревно. Под их возмущенными взглядами она приподнимается, опираясь руками на корягу, и виновато улыбается.

— Только не говори, что просто проходила мимо, — устало произносит Темный, закатывая глаза.

— Почему? — почти правдоподобно удивленно округляет глаза эхиллка, понимая, что спектакль здесь не прокатит. Итак слишком много шума создала пыхтение, так еще и вовремя вывалилась из кустов.

Раздается шумный вздох и оборотень озвучивает ее мысли:

— Ты тут с самого начала возмущенно пыхтела в кустах, — после некоторых раздумий он задает вопрос, который застает девушку врасплох: — Твои родственницы ничему не научили, когда собирались муштровать из тебя вторую дочь матриарха?

Тьяцла незаметно сглатывает, вставший поперек горла, ком. Она даже Мелиасу не все рассказала. Особенно умолчала о том, что ее успели подготовить к приему ментальных приказов. Маг сам что-то там себе надумал и поставил неполный блок, но в полном покое ей теперь оставаться нельзя. Нужно придумать уклончивый ответ.

— Некоторые знания и навыки, приобретенные во время обучения, уже немного подзабылись за ненужностью, — сухо и предельно честно отвечает эхиллка, мысленно перекрещивая пальцы, чтобы оборотень не пронюхал правду.

— А я-то думал в вас их дубовой дубиной вбивают или расплавленным железом вливают... — язвит Темный, но тут же замолкает, заметив предупреждающий жест со стороны Дробга.

— Садись, дослушаем, — примирительно говорит новообразовавшийся дедуля Темного, отодвигаясь и указывая на место между, о которое она чуть не разбила многострадальный нос.

Девушка перебирается через освободившуюся часть бревна и садится, приготовившись слушать длинную историю.

— Ну, продолжай, — подгоняет оборотень Ахрона, прерывая затянувшуюся тишину. Темный хлопает глазами и растеряно выдает:

— Я не помню на чем остановился...

— Какой из тебя правитель с такой-то памятью? — сокрушенно вздыхает Дробг. — Не зря твой папаша проигрался, оставив тебе тот клочок земли. Иначе не справился бы ты с целой империей. А остановился на том, как мою дочь травили.

Иллиор возмущенно сопит, но все же начинает бесцветным голосом рассказывает продолжение.

Тьяцла еще некоторое время слушает историю, которую уже давно хотела узнать, но через некоторое время понимает, что медленно проваливается в дрему. Всеми силами пытается удержаться, но кладет голову на плечо Ахрону, закрывает глаза и сразу засыпает.

Тьяцла просыпается от странных ощущений. Пошатываясь садится и понимает, хоть и не водит, что перед глазами все плывет. Голова словно опухла и стала в два раза больше, руки очень плотно что-то перетягивает. Она медленно, словно воздух вокруг стал густым-густым, поднимает одну руку и пытается рассмотреть в чем причина. Темнота не дает ей этого сделать, и девушка с грохотом, которого не ожидала сама от себя, падает на пол.

А вот и еще одна странность. Засыпала на поляне, слушая занятную и довольно поучительную историю, а проснулась на полу небольшой хижины, среди спящих тел.

После недолгой возни, эсхилке все же удается встать на ноги. Тело кажется тяжелым. Хочется снова распластаться на полу. Но она удерживает его в вертикальном положении и бредет к маячущему впереди выходу.

Где это видано, чтобы дверь не закрывали? Задается она вопросом, отдавливая очередную, попавшую под раздачу конечность. Тихо бормочет извинения проснувшемуся оскорбленному вампиру, который вопит во всю глотку, чудом не разбудив остальных, и кувырком вываливается из домишки, не заметив ряда ступенек от самого порога.

Пошатываясь из стороны в сторону и хватаясь за голову, Тьяцла садится на траве и осматривается. Отнимает руки от головы и в свете луны осматривает их. С недоумением теревит черные ободки на запястьях, разглядывает пальцы-сосиски, слишком крупные для ее обычно тонких и изящных рук. Теперь же это были огромные мускулистые лапищи прирожденной эсхилки.

Девушка сплывает, вставший поперек горла ком ужаса, холодея от мысли, что все барьеры, которые стояли до этого слетели. Зря она тогда решила на удаление металла. Теперь остается надежда только на ментальный щит, который установил Мелиас.

Она тяжело вздыхает, встает на ноги и бредет обратно к домику. Перед глазами плывет и она облакачивается спиной о стену. А нужно еще по ступенькам подняться.

Девушка отлепляется от прохладной поверхности и с трудом преодолевает первую ступеньку, новые габориты тела, к которым придется привыкать, утягивают ее обратно.

Трудности возникают и на второй, но она успеваеет зацепиться пальцами за дверной косяк. А остальные уже без каких-либо препятствий. Но стена от этих усилий подозрительно скрипит.

Тьяцла проходит тем же маршрутом к покинутому месту, отдавив по пути руку тому же вампиру, вопль раздается тот же. Она садится на корточки перед Ахроном, наклоняется к его уху и хрипло сипит:

— Ахрон, что вчера было? Почему у меня голос сорван?

— Тьяцла, если сама спать не можешь, то другим не мешай, — бурчит в ответ Темный, даже не открыв глаза.

Эсхиллка возмущенно сопит.

— Ну, Ахрон, пожалуйста, ответь мне... — канючит эсхиллка, не давая тому возможности снова заснуть.

— Мать твоя являлась! Вот что случилось!.. — возмущается иллиор, распахивая плотно зажмуренные веки.

Он несколько раз недоуменно моргает, рассматривая ее, и порывается подскочить на ноги, но она останавливает его, положив ладонь на плечо. Она тихо вздыхает, понимая, что все что с ней сейчас происходит не игра больного воображения.

— Понятно, выгляжу я столь же отвратительно, как и ощущаю, — хрипит эсхиллка и спрашивает: — что Арицле нужно было?

И правда, что делала в ее сознании матриарх, если она должна инструктировать новоприбывших степнячек?

— Как всегда запугивала, — произносит иллиор, толком не отвечая на вопрос.

Но Тьяцла и сама уже понимает в чем проблема. Под внимательным и настороженным взглядом Темного она делает пару пасов и принимает свой обычный облик. Главное, теперь не забыть их, иначе однажды так и останется огромной мужланкой.

— Это плохо. Надо было сразу догадаться, что вместе с волосами слетят все барьеры. И ментальный тоже, — произносит она, размышляя над тем, не обратиться ли к Мелиасу за помощью, чтобы он поставил полный блок от вмешательства в разум.

— Не знал, что эсхилл способны на ментальную магию. Она же запрещена! — слишком громко возмущается Ахрон.

Эсхиллка морщится.

— Тише, разбудишь всех, — она оглядывается по сторонам, осматривая помещение на предмет разбуженных. — Им плевать на запреты. Со вторыми дочерьми они могут работать только на ментальном уровне. Доучить Фьяццу они не успели и сейчас она в полной безопасности, а я почти дошла до финальной стадии обучения. Меня успели настроить на принятие приказов на расстоянии.

— Так она может выследить нас! — восклицает Темный.

— Тут все не так просто, как кажется. При первой встрече Мелиас установил частичный ментальный блок. Не полный, чтобы не вызвать если что подозрений. Они могут проникнуть в мое сознание только когда я нахожусь в покое. И видят только сиюминутное изображение, отследить что-либо они не в силах. Знаешь, я так хочу снова быть просто человеком, без всех этих проблем и сумасшедших родственниц.

Девушка вздыхает, устраивается рядом с Ахроном, отмечая про себя, что рядом с ним очень спокойно и уютно. Мысленно ругает узы, на которые сама и обрекла обоих. Кладет голову ему на плечо и прикрывает глаза.

— А в чем проблема-то? — задает глупый вопрос иллиор.

Девушка фыркает. Откуда ему знать, что она натворила.

— Ну, проблема в том, что я свой шанс упустила, когда волосы обрезала, — она невесело усмехается. — Останься со мной тот барьер, они меня уже никогда бы не нашли. Теперь же придется стать благоразумной эсхиллкой.

— Да уж, совмести несовместимое, — зевая отвечает иллиор. — Все, хватит разговоров. Сегодня нам предстоит совершить много дел. Так что, давай, спи.

— Угу, — бурчит под нос эсхиллка. — Я итак уже выпалась.

— Отдохни нормально, — в тон ей говорит иллиор.

Тьяцла вздыхает и послушно закрывает глаза. Она и правда устала. В конце концов, то бессознательное состояние, в котором она находилась все это время, вызвано не естественным путем и полноценным отдыхом не является. Засыпает она сразу.

Кром приходит в себя в тени стены. Рядом, привалившись спиной к камням, сидит Фьяцла и с неподдельным интересом смотрит в пространство перед собой.

Маг, любопытства ради, приподнимается на локтях, морщась от подкатывающей тошноты, и прослеживает направление ее взгляда. В центре внутреннего двора Темного замка гусеничкой ползает закованная в кандалы из темного металла эсхиллка, а вокруг нее, то и дело всплескивая руками и стеная, насается Глори.

Иллиор досадливо морщится от очередной пронзительно визгливой мольбы небесам. Что такого важного она задолжала Атцле, чтобы потом так унижаться? От рассудительной и непреклонной главной дознавательницы не осталось и следа.

Кром снова откидывается на спину, понимая, что нынешнее состояние вызвано не только практически полным осушением магического источника, но и воздействием полога невидимости, созданного с помощью эсхильской магии.

— Что за панику они там развели? — после недолгого молчания, решает уточнить иллиор.

— Глорьетта пыталась снять кандалы, но только смогла выдрать крепления. Все остальное безуспешно, — отвечает Фьяцла, в голосе которой слышится озадаченность.

— Конечно безуспешно, — в душе злорадствуя произносит маг. — Эту прелесть может снять только тот, кто нацепил.

— Э, так теперь ответственность за это целиком и полностью возлагается на меня? — спрашивает эсхиллка, указывая в сторону разворачивающегося действия.

Кром, пересиливая себя, садится, смотрит туда, куда показала девушка, и обмирает. Его сестра откуда-то притащила увесистый камень, чтобы разбить замки браслетов. Она, не обращая внимание на протестующую эсхиллку, начинает колотить им по ее руке, при этом что-то приговаривая и сверкая маниакальным взглядом.

— Ну все, — обреченно и очень тихо произносит маг. — Довели.

— О чем ты? — спрашивает Фьяцла, отрываясь от созерцания происходящего.

— О том, что тебе срочно нужно спасти Атцлу. Иначе Глори замучает ее, — разъясняет иллиор, встретившись с ней взглядом.

— Хорошо, сейчас все сделаю, — бесцветным голосом произносит девушка, отворачиваясь от него.

В этот момент Кром понимает, что ей в голову, даже на секунду, не закрадывалась мысль помочь родственнице. И тут же дает себе мысленную оплеуху, а сам он чем лучше, раз позволяет эсхиллке делать что вздумается с родной сестрой. Ну и ладно, такую сестру только

в зверинец сдать вместе с ее зоопарком.

Фьяцла протягивает руку в сторону Глориейтты, и маг замечает мутную дымку, слетевшую с ее пальцев и медленно ползущую к композиции из уползающей эсхиллки и догоняющей иллиорки, которая с упорством барана продолжает колотить камнем по кандалам.

Небольшое, еле видимое, облачко подлетает к ним и зависает над головами, разрастаясь и медленно опускаясь. Атцла замирает, прекращая попытки вырваться из крепкого захвата, и настороженно смотрит на явление. Глори на радостях, что жертва перестала сопротивляться, принимается за дело с утроенными усилиями. Только спустя некоторое время она поднимает взгляд вверх, прослеживая взгляд жертвы.

Бледное лицо сестры становится серым, когда она видит медленно надвигающуюся опасность.

Приближаясь к макушкам указанных в плетении личностей, серая туча трансформируется в воронку, которая стремительно падает на обреченных.

— Надеюсь, это не опасно... — чуть слышно произносит Кром, не отрывая взгляда от воцарившегося в центре двора хаоса.

— Не, не опасно, — легкомысленно машет рукой Фьяцла, но тихо добавляет: — просто плетение забвения...

— Что?! Ты совсем с ума сошла?! Если с Атцлой все будет в порядке и она, возможно, сможет восстановить память, то мою сестру можно смело записывать в овощи! — Кром хватается за голову. — Как?! Как тебе в голову могла прийти такая идея?!

— Вообще-то, твоя сестрица успела, хоть и частично, но сплести щит. Так что ничего с ней не случится, — обиженно шипит эсхиллка, складывая руки на груди. — Неприятно, но не смертельно. Да и память быстро восстановится.

Маг, услышав эти слова, успокаивается, пошатываясь встает на ноги и, не смотря на плачевное состояние, уверенно произносит:

— Тогда пора уносить отсюда ноги.

— Вот так ты за сестру беспокоишься, — усмехается Фьяцла, подскакивая с травы. — Чтобы слинять сразу же, как узнаешь, что никакие последствия ей не угрожают.

— Главное, что нам уже ничего не угрожает. Теперь осталось переждать в безопасности время до возвращения Ахрона. Мало ли, кто здесь еще служит твоей бабке.

— А я даже знаю, как отсюда добраться до самого безопасного места в замке! — хвастается девушка, нажимая ладонью на выступающий камень в, на первый взгляд идеальной, кладке.

Часть стены погружается внутрь и отъезжает в сторону, открывая вход в очередной потайной переход.

— Додумались, вывести вывести во внутренний двор... — бубнит под нос маг, уже не удивляясь происходящему.

После долгого блуждания по темным переходам, никто из них снова не озаботился факелами, они вываливаются из люка в потолке комнаты Ахрона. Прямо промеж стеллажей с энциклопедией.

— Интересно, она смогла тогда проникнуть сюда? — спрашивает эсхиллка, вставая с пола и внимательно осматривая комнату. Или ряды полок с книжками, которые перекрывают практически весь обзор.

— Скорее всего нет, — отвечает Кром, выглядывая из-за угла стеллажа и обзоре

помещение в том же виде, в котором оставили ранее. — Точно нет, иначе здесь был бы погром. Да и защиту поставленную человеческим магом, практически не возможно взломать. Если только сам этот маг не обучал взломщика.

— И правда все в порядке, — хмыкает девушка, выглядывая из-за его плеча.

Кром вздрагивает от неожиданности, когда на плечи опускаются тонкие сильные ладони, поворачивается к ней и нежно целует в щеку. Та его обнимает и тихо начинает говорить на ухо:

— Как же... Как же... — не может подобрать слова. Маг замирает, стараясь не мешать.

— Как же я тебя люблю, Кром. Никогда тебя не отпущу, все время буду рядом, — она замолкает ненадолго и, после короткой паузы, воинственно добавляет: — а любой бледной змеюке из местного террариума голову за тебя отверчу.

Кром разворачивается к эсхиллке, обнимает ее, притягивает ближе и зарывается носом в волосы.

— Не надо никому головы откручивать, — после короткого анализа чувств тихо произносит иллиор. — Меня не интересуют другие. Только ты. Только тебя я люблю.

Сгрузив мага на траву под стеной, Фьяцла облокачивается спиной на прохладную ровную поверхность и не сразу замечает, что упирается лопатками в некий выступ. Пока тот медленно погружается, под весом ее расслабленного тела, вглубь кладки, она мысленно отсчитывает количество камней от фундамента до нужного места. Смотрит по сторонам, чтобы зафиксировать и боковые расстояния. Благо, знания архитектуры в нее вбивали на ряду со всеми остальными.

Часть стены за ее спиной погружается внутрь, заставляя сделать неуклюжий шаг. О том, чтобы отойти, она и не помышляет. Внезапно проснувшееся любопытство первооткрывателя бросает ее на исследование очередного темного потайного коридора.

Она вваливается спиной вперед во внезапно открывшееся, после того как дверь замаскированная под стену отъезжает в сторону, пространство. С трудом подавляет накотившую панику, когда вокруг воцаряется темнота, и наощупь бредет вдоль коридора.

Вскоре исследовательский интерес иссякает под действием монотонного брождения в кромешной тьме, и она разворачивается. Медленно идет обратно, ощупывая и обдирая пальцы о камни, до тупика, находит большой выпирающий булыжник, нажимает на него и с ужасом осознает, что никакого результата это не возымело. Еще несколько раз со всей силы припечатывает по нему кулаком, тоже безрезультатно. Тько раздается громкий щелчок, скрип инатужный треск.

Фьяцла приваливается спиной к стене, тяжело вздыхает, сползает на пол. Обнимает колени руками, с трудом борется с подкатывающей истерикой.

После нескольких минут самобичевания, она вскакивает, бросается к тому камню, нажимает на него и с облегчением вздыхает, когда стена отъезжает в сторону, и солнце слепит глаза.

Выходит из опостылевшего коридора во внутренний двор Темного замка и садится рядом с Кромом.

Внимание привлекает какое-то движение. Она отвлекается от размышлений и смотрит туда, где должна была на плитах лежать обездвиженная бабуля. Та продолжает лежать и не делает ни единого движения, но к ней со всех ног несется, паникующая и хватающаяся в смятении за голову, иллиорка. Останавливается перед первым креплением от души вбитым в щель между плитами, к которому была прикована правая рука эсхиллки. Глориетта нервно

всплескивает руками и принимается выдирать штырь из земли.

В этот момент Фьяцла решает сплести полог невидимости. Если одна просто не заметит их, то другая находится в таком состоянии, что заметит их, доползет и совершит акт возмездия.

Прикладывая невероятные усилия, Глори и тянула его, и пинала, и чего только не делала, но в итоге одна конечность экс-матриарха все же обрела свободу. Постепенно, один за другим, она выдирает и все остальные.

Как только иллиорка заканчивает изначально практически не выполнимое дело, разгинаясь, вытирает пот со лба и с удивлением взирает на вялодвигающую конечностями, пытающуюся перевернуться на живот, чтобы потом встать, эсхиллку.

Рядом возится пришедший в себя Кром. Фьяцла краем глаза замечает, как он приподнимается, облачиваясь на локти, и смотрит на цирк устроенный его сестрой. Иллиорка в это время насаётся вокруг, перевернувшейся и ползающей гусеничкой, Атцлы, стена и нервно всплескивая руками.

— Что за панику они там развели? — раздаётся оттуда, где лежит обессиленный Кром.

— Глориетта пыталась снять кандалы, но только смогла выдрать крепления. Все остальное безуспешно, — отвечает озадаченная Фьяцла. Если у нее удалось выдрать штыри, то уж как-нибудь извернуться и снять браслеты можно было бы и без особых усилий.

— Конечно безуспешно, — произносит не без злорадства маг. — Эту прелесть может снять только тот, кто нацепил.

— Э, так теперь ответственность за это целиком и полностью возлагается на меня? — спрашивает эсхиллка, указывая в сторону разворачивающегося действия.

Иллиорка откуда-то тащит увесистый камень, чтобы разбить замки браслетов. Она, не обращая внимание на протестующую эсхиллку, начинает колотить им по ее руке, при этом что-то приговаривая и сверкая маниакальным взглядом.

— Ну все, — обреченно и очень тихо произносит маг. — Довели.

— О чем ты? — спрашивает Фьяцла, отрываясь от созерцания происходящего и переводя взгляд на мага.

— О том, что тебе срочно нужно спасти Атцлу. Иначе Глори замучает ее, — разъясняет иллиор.

— Хорошо, сейчас все сделаю, — бесцветным голосом произносит девушка, отворачиваясь.

Фьяцла протягивает руку в сторону Глориетты и посылает плетение забвения, которое переливающимся серебром обломком слетает с пальцев и медленно ползет к композиции из уползающей эсхиллки и догоняющей иллиорки, которая с упорством барана продолжает колотить камнем по кандалам.

Небольшое облачко подлетает к ним и зависает над головами, разрастаясь и медленно опускаясь. Атцла замирает, прекращая попытки вырваться из крепкого захвата, и настороженно смотрит на явление, пытаясь отследить откуда прилетел этот подарочек. Глори на радостях, что жертва перестала сопротивляться, принимается за дело с утроенными усилиями. Только спустя некоторое время она поднимает взгляд вверх, прослеживая взгляд жертвы. Ее бледное лицо становится серым, когда она видит медленно надвигающуюся опасность.

Приближаясь к макушкам указанных в плетении личностей, серая туча трансформируется в воронку, которая стремительно падает на обреченных.

— Надеюсь, это не опасно... — чуть слышно произносит Кром, не отрывая взгляда от воцарившегося в центре двора хаоса.

— Не, не опасно, — легкомысленно машет рукой Фьяцла, но тихо добавляет: — просто плетение забвения...

— Что?! Ты совсем с ума сошла?! Если с Атцлой все будет в порядке и она, возможно, сможет восстановить память, то мою сестру можно смелозаписывать в овощи! — Кром хватается за голову. — Как?! Как тебе в голову могла прийти такая идея?!

— Вообще-то, твоя сестрица успела, хоть и частично, но сплести щит. Так что ничего с ней не случится, — обиженно шипит эсхиллка, складывая руки на груди. — Неприятно, но не смертельно. Да и память быстро восстановится.

— Тогда пора уносить отсюда ноги, — произносит маг.

— Вот так ты за сестру беспокоишься, — усмехается Фьяцла, подскакивая с травы. — Чтобы слинять сразу же, как узнаешь, что никакие последствия ей не угрожают.

— Главное, что нам уже ничего не угрожает. Теперь осталось переждать в безопасности время до возвращения Ахрона. Мало ли, кто здесь еще служит твоей бабке.

— А я даже знаю, как отсюда добраться до самого безопасного места в замке! — хвастается девушка, нажимая ладонью на выступающий камень в, на первый взгляд идеальной, кладке.

Часть стены погружается внутрь и отъезжает в сторону, открывая вход в очередной потайной переход.

По темным переходам они блуждают долго, никто из них снова не озаботился факелами. В итоге они вываливаются из люка в потолке комнаты Ахрона. Прямо промеж стеллажей с энциклопедией.

— Интересно, она смогла тогда проникнуть сюда? — любопытствует Фьяцла, вставая с пола и внимательно осматривая стеллажи, которые находятся в идеальном порядке.

— Скорее всего нет, — отвечает Кром, выглядывая из-за угла. — Точно нет, иначе здесь был бы погром. Да и защиту поставленную человеческим магом, практически не возможно взломать. Если только сам этот маг не обучал взломщика.

— И правда все в порядке, — хмыкнув, подтверждает девушка, выглядывая из-за плеча иллиора.

Она опускает ладони на его плечи, с каким-то внутренним удовольствием отмечая, что он вздрогнул от неожиданности. Но все же поворачивается к ней и нежно целует в щеку. Она сначала удивленно замирает, потом обнимает его и тихо говорит на ухо:

— Как же... Как же... — не может подобрать слова. Маг замирает. — Как же я тебя люблю, Кром. Никогда тебя не отпущу, все время буду рядом, — она замолкает ненадолго и, после короткой паузы, воинственно добавляет: — а любой бледной змеюке из местного террариума голову за тебя отверчу.

Кром разворачивается к эсхиллке, обнимает ее, притягивает ближе и зарывается носом в волосы.

— Не надо никому головы откручивать, — после короткой паузы тихо произносит иллиор. — Меня не интересуют другие. Только ты. Только тебя я люблю.

Они разместились за кустами вдоль главной дороги, которая, огибая Темный замок стороной, тянется к Анрису, столице Темного княжества, и которую перекрывает стоянка эсхилл. Как раз присоединилась первая группа шумные степнячек. Темному только и остается, что молча удивляться тому, как разительно отличаются оседлые эсхиллки от кочевниц. Не только поведением, но и внешностью. А ведь оседлый образ жизни представительницы этого многочисленного и крайне воинственного народа начали совсем недавно, когда к власти пришла предприимчивая Атцла Фаэтон. Она-то теперь и владеет теми обширными землями, что некогда были Темной империей, от которой у иллиора осталось только маленькое Темное княжество и гора проблем.

Ахрон обводит взглядом ближайшие заросли по обе стороны от себя. Справа размещаются грызущиеся между собой вампиры. Слева слишком бодрые и жизнерадостные оборотни... Позади раздается раздраженное сопение, треск ломаемых веток и тяжелые шаги. Темный усмехается, а вот и опоздавшая явилась. Он оборачивается к Тьяцле чтобы высказаться по поводу этого, но не произносит ни слова. Удивленно осматривает ее внушительную фигуру и выдает:

— А почему нормальной не станешь?

Та рычит, но быстро подавляет раздражение. В следующее мгновение Ахрон слышит язвительное:

— Что, совсем в таком виде не привлекаю? — она очерчивает руками внушительные контуры, не отрывая от него злого взгляда.

— Не то чтоба да, но как-то непривычно. Может уже вернешь нормальный вид?..

— Тише вы, слишком много внимания привлекаете, — шипят Ирион с Дробгом и одновременно с двух сторон прикльдывают его локтями под ребра. При том не оборачиваясь.

— Не могу, — удрученно вздыхает эсхиллка, беспомощно опуская руки и задевая ветку, та трещит.

Первым не выдерживает вампир. Оборачивается со зверской рожей и шокированно замирает.

— Что здесь делает эсхиллка? — потрясенно вопрошает он. и не думая узнавать в ее чертах дочь.

— Спасибо за сочувствие, папочка, — с издевкой произносит девушка, демонстративно отворачиваясь. — Если ты совсем забыл, то по крови я целиком и полностью принадлежу народу эсхилл...

— Что эти существа сделали с моей любимой дочуркой?! — вопрошает Ирион небеса. На глазах выступают слезы.

Ахрон сначала думает, что тот окончательно помешался. Но в итоге оказывается, что это обычные ужимки вампирской аристократии. Особенно это становится заметно после того, как Ирион сразу становится серьезным, когда Дробг дотягивается до него, через Темного, и отвечает подзатыльник.

— Потихе ты... Можешь на время засунуть свои манеры куда подальше? — глухо рычит он, снова возвращается к наблюдению за лагерем эсхиллок. — Она одна из них, и нечему здесь удивляться.

— А еще у нее был заблокирован магический источник и несколько дней будет в подобном виде, — вякает откуда-то со стороны Мелиас.

Ахрон, любопытствуя откуда раздается голос, выглядывает из-за плеча вампира и сталкивается с насмешливым взглядом ярко-голубых волчьих глаз. Рядом с белой волчицей на корточках сидит маг и что-то нашептывает на ухо.

Он отрывается от своего занятия, улыбаясь смотрит на иллиора и треплет ладонью шерсть на голове, довольно жмурящейся, Норн.

Темный отворачивается от них, уставляется на развеселый лагерь эхиллок, у которых в этот момент проходит тренировка, или игрища "стенка-на-стенку". На пыхтящую где-то поблизости Тьяцлу, он старается не обращать внимания. Только собирается протянуть руку к невовремя закрывшей обзор ветке, как рядом раздается взволнованный голос Ириона:

— Ахрон, твой кулон странно светится!

Иллиор опускает взгляд и замечает, что выбившийся из-за ворота черный камень приобрел золотые прожилки, и от него исходит жар.

— Похоже, что кто-то активировал основную часть артефакта, — со знанием дела произносит оказавшийся рядом Мелиас. — Скоро откроется портал.

— Куда? — удивляется Темный.

— В Темный замок, я полагаю, если основную деталь нашли именно там.

— А как же... — начинает иллиор, но его прерывают:

— Тебя в любом случае затянет туда, не смотря на сопротивление. Здесь ты ничего сделать не сможешь.

— А что мне там делать? — решает побольше выпросить.

— Сам на месте разберешься, — раздраженно отвечает маг. — Я еще должен завершить инструктаж Норн.

Ахрон растерянно осматривает всех, но те только разводят руками или отводят взгляд. Он тяжело вздыхает, поднимается с земли и перебирается под кроны деревьев, чтобы в уединении дожидаться перехода.

— Только Тьяцлу не забудь с собой прихватить, — раздается полурык волчицы.

— Э... Зачем? — недоумевает Темный.

— Затем, — фыркает Норн: — то что здесь будет происходить не предназначено для детского восприятия. Так что, детки, как портал откроется, сразу убирайтесь отсюда.

Последнее так же относится к подошедшей Тьяцле, которая плюхается рядом с Ахроном, взметнув облако сухих листьев, пыли и мелких насекомых. Потрявоженные комары, поднявшись вверх, почему-то выбирают жертвой именно иллиора и окружают его слаженным роем.

Эхиллка на слова оборотня только меланхолично пожимает плечами и больше никак не реагирует.

Темный же, отмахиваясь от надоедливых насекомых, бурвит Норн недовольным взглядом. При этом отлично понимая, что древняя оборотница права: по меркам иллиоров и большинства долгоживущих рас — он ребенок не достигший совершеннолетия. Еще долго во многих его поступках и решениях будет преобладать инфантильность, а статус ребенка будет преследовать намного дольше.

После долгой паузы иллиор через силу выдавливает:

— Хорошо, уберусь я отсюда.

В голосе звучат рычащие нотки.

— А теперь, Ахрон, расслабся, иначе обратишься. Я одна сдержать тебя не смогу. Полуоборотни на порядок сильнее обращенных, а мне еще и подпитка из чужого источника нужна. Так что, — она переступает с лапы на лапу: — попробуй проконтролировать этот процесс сам.

Темный удивленно смотрит на волчицу, он не замечает в себе никаких изменений, как было раньше. Только хочет высказаться по этому поводу, но не успевает. Он только чувствует, как вокруг образовывается воронка сквозняка, тянущая в неопределенную сторону.

— О, переход открылся, — басит эхиллка вставая с места и направляясь куда-то за его спину.

— Тьяцла! Его не забудь! — пытаюсь перекричать шум накрывшего их со всех сторон шквального ветра, рычит Норн. При этом указывая лапой на Ахрона.

Девушка возвращается обратно, подхватывает Темного и подмышкой тащит его к темному провалу портала.

Ахрон садится на каменном полу и, преодолевая головокружение, с трудом осматривается по сторонам. Портал вынес их в огромный подземный зал с высокими сводами, которые обрываются зияющей в центре потолка дырой. В самой середине помещения находится большая платформа, по форме напоминающая ту самую дыру в потолке.

Но его внимание привлекает высокий постамент из темного камня, который сейчас был покрыт золотыми прожилками огня, как и тот камень, который ютится на шее.

Он также вспоминает, что закинула его в темный провал перехода Тьяцла, которой поблизости не наблюдается. По крайней мере в обозримом пространстве.

Где-то за спиной раздается тихое шипение, завершающееся долгим болезненным стоном.

Темный оборачивается на звук и замечает у стены эхиллку, которая пребывает не в лучшем виде. В своем более худощавом и малорослом облике, она представляет собой последнюю стадию истощения. Под рубашкой, промокшей от пота, проступают ребра, руки истончились до костей, а лицо осунулось и посерело. Глаза впали, и в обрамлении темных до черноты кругов напоминают провалы.

Девушка открывает глаза, смотрит расфокусированным взглядом на Ахрона и тихо с трудом выговаривает:

— К сожалению... не успела... поставить... щит... Ужасное зрелище... не так ли?.. Если здесь не нашла свое последнее пристанище Фьяцла, то я уж точно... — она задыхается от нехватки воздуха, откашливается и продолжает: — оно высосет из меня все силы.

— Может я чемнибудь смогу помочь? — произносит илииор перебираясь ближе к эхиллке и садясь рядом.

— Нет, Ахрон. Мне поможет только чудо, или если хватит все-таки сил на создание щита, или еще что-нибудь случится. Но в тебе магии ни грамма. Только врожденная способность оборотней к обращению... это не может ничем помочь, — она растягивает потрескавшиеся губы в подобии виноватой улыбки. — Извини, что тебе придется так рано отправиться на тот свет...

Девушка замолкает и закрывает глаза.

Темный с тревогой смотрит на нее, ощущая каким-то шестым чувством, что она на пределе и до сих пор пытается сопротивляться. Для того чтобы поддержать ее хотя бы

присутствием, он берет ее тонкую руку в свою ладонь, сплетается пальцами и сжимает.

И как же он успел забыть, что возникшая после странного эсхильского ритуала связь не разорвется даже после смерти одного из них...

Тьяцла вздрагивает, открывает глаза и смотрит перед собой невидящим взглядом. Ее губы что-то беззвучно шепчут. А вокруг нее медленно и местами возникает серый полупрозрачный кокон. Через некоторое время, когда щит полностью окутывает ее, она закрывает глаза, тихо произносит:

— Все-таки получилось... Спасибо за поддержку, Ахрон...

И теряет сознание.

Темный понимает, что кризис миновал, отпускает руку Тьяцлы, вытирает со лба выступивший от беспокойства пот и еще раз осматривает помещение. Отлепляется от стены, переводит взгляд на девушку и долго внимательно смотрит на нее, отмечая стремительные изменения. Да, будь она человеком, даже не почувствовала бы, столь разрушительного для эсхилл, воздействия иллиорской магии.

Ахрон сокрушенно вздыхает, как она будет выживать в месте, где повсеместно используется враждебная ей сила. Он собирается и дальше окапываться в Темном замке, подальше от столицы княжества, управляя государством на расстоянии. И ей, благодаря укрепившимся узам, придется обитать здесь, постоянно под защитным барьером, затрачивая на него неимоверно много сил...

Мужчина поднимается с пола и идет к постаменту, на поверхности которого за это время появилось больше огненных прожилок. Он обходит вокруг, подходит ближе и замечает в центре неглубокую выемку. Достает камень, висящий на шее. Тот сразу же притягивается к артефакту и погружается в отверстие.

Тьяцла просыпается от того, что по лицу медленно скользит луч. Настолько медленно, что щеку начинает припекать. Она резко подскакивает и только тогда открывает глаза.

— Проспала! — вопит в пустоту.

Медленно, переваливаясь с боку на бок, поднимается с пола и бредет к двери, смутно понимая, что находится в основном тяжеловесном облике, который снова неосознанно приняла во сне.

Выходит на порог, с трудом спускается по ступенькам, осматривается и вздыхает. Небольшая деревня оборотней буквально опустошена, все уже давно занимают позиции рядом с главным трактом, где обосновалась ее матушка с товарками и степнячки.

При осмотре на стене дома, в котором переночевала вся разношерстная компания, был замечен допотопный рукомойник и удивительно целое зеркало. Это над ней решили поиздеваться? Ведь рано утром здесь еще ничего не было, она запомнила бы как сбила всю эту бандуру. Прижималась тогда к стене, как к родной.

Эсхиллка подходит к умывальнику, рассматривает себя в зеркале, вздыхает, отмечая про себя, что эту рожу в полноценном виде в последний раз видела еще в детстве, и плещет в нее прохладной водой, пытаясь смыть остатки сна. Между прочим, жуткого сна, вызванного метаморфозой.

Покончив с водными процедурами, она отходит от стены и пытается посредством простых манипуляций вернуть ставший привычным за это время вид. Тут же в голове девушки мелькает мысль о том, что она вовремя отошла от стены. Несчастный домик не пережил бы такого надругательства. Вот и вековое толстоствольное дерево трескается под пудовым кулачищем моментально взбесившейся эсхиллки.

Тьяцла угрюмо смотрит на дело рук своих, разворачивается и ломится через густые кусты напрямик, срезая большой круг, который ранее прошли её спутники, и оставляя широкую тропу.

Ломая ветки и раздраженно сопя, девушка вываливается из зарослей на небольшую прогалину у самой опушки леса, напрямиком за спину Ахрона, который оборачивается и удивлённо осматривает её.

— А почему нормальной не станешь?

Эсхиллка глухо рычит, но невероятным усилием подавляет всколыхнувшую все внутри злость. В следующее мгновение она произносит язвительное:

— Что, совсем в таком виде не привлекаю? — она очерчивает руками внушительные контуры, не отрывая от него злого взгляда.

— Не то чтоба да, но как-то непривычно. Может уже вернешь нормальный вид?.. — неуверенно отвечает иллиор, невольно проследив движение рук.

Тьяцла мысленно усмехается. Её размышления по поводу порывов Ахрона прерывают:

— Тише вы, слишком много внимания привлекаете, — шипят Ирион с Дробгом, одновременно с двух сторон прикладывая Темного локтями под ребра.

— Не могу, — удрученно вздыхает эсхиллка, беспомощно опуская руки и задевая ветку, которая громко трещит.

Первым не выдерживает вампир. Оборачивается со зверской рожей, готовый высказать все, что думает, и шокированно замирает.

— Что здесь делает эсхиллка? — потрясенно вопрошает он, и не думая узнавать в ее чертах дочь.

— Спасибо за сочувствие, папочка, — с издевкой произносит девушка, демонстративно отворачиваясь. — Если ты совсем забыл, то по крови я целиком и полностью принадлежу народу эсхилл...

— Что эти существа сделали с моей любимой дочуркой?! — вопрошает Ирион небеса. На глазах выступают слезы.

Тьяцла потрясенно смотрит на отца, подбирает челюсть и приходит к мысли, что все это все-таки проявления вампирского аристократизма. Бессмысленного и совершенно неуместного не только в походе, но и вообще. Особенно это становится заметно после того, как Ирион сразу становится серьезным, когда Дробг дотягивается до него, через Темного, и отвечает подзатыльник.

Девушка только вздыхает, отмечая про себя, что эти великовозрастные существа совсем впали в детство.

— Потише ты... Можешь на время засунуть свои манеры куда подальше? — глухо рычит оборотень, снова возвращаясь к наблюдению за лагерем эсхиллок. — Она одна из них, и нечему здесь удивляться.

— А еще у нее был заблокирован магический источник и несколько дней будет в подобном виде, — вякает откуда-то со стороны Мелиас.

Эсхиллка смотрит в сторону, откуда раздался голос, и замечает мага сидящего рядом с белой волчицей. В раздражении ей хочется пару раз ударить две довольные морды, но остаётся только раздраженно пыхтеть.

Её внимание привлекает какое-то движение. Она поворачивается к Ахрону, замечает, что тот отворачивается от Мелисса и смотрит в сторону лагеря эсхиллок, у которых в этот момент начинается тренировка, или, как их по-свойски называют, игрища "стенка-на-

стенку". Шумные релища для не посвящённых устраивали степнячки. Только они могут опуститься до такого времяпрепровождения. От лицемерия позора всего народа эхилл девушку отрывает взволнованное:

— Ахрон, твой кулон странно светится!

И нет, чтобы не обращать внимания на назревающий серьёзный разговор, привычка все подслушивать даёт о себе знать моментально. Она краем глаза замечает, что выбившийся из-за ворота кулон Тёмного приобрёл золотые прожилки.

— Похоже, что кто-то активировал основную часть артефакта, — доносится произнесенное со знанием дела Мелиасом. — Скоро откроется портал.

— Куда? — доносится удивленный голос Ахрона.

Тьяцла старается не отвлекаться от созерцания занимательного зрелища, к которому подключились и её родичи, но какое-то внезапно в груди поселяется тревожное предчувствие, заставившие её отвернуться от развеселого лагеря. Узнать ответ мага ей очень и очень не хочется.

— В Темный замок, я полагаю, если основную деталь нашли именно там, — раздаётся именно то, чего она невольно боялась.

— А как же... — пытается вкнутить иллиор, но его прерывают:

— Тебя в любом случае затянет туда, не смотря на сопротивление. Здесь ты ничего сделать не сможешь.

— А что мне там делать?

— Сам на месте разберешься, — раздраженно отвечает маг. — Я еще должен завершить инструктаж Норн.

Тьяцла удрученно наблюдает за тем, как Тёмный пытается безрезультатно найти поддержку среди оборотней или вампиров. Тяжело вздохнув поднимается с земли и перебирается ближе к лесу. Девушка вздыхает ещё более тяжело, ведь ей предстоит отправиться в Тёмный замок, и не известно, что там у них за артефакт, любое воздействие иллиорской магии рано или поздно убьёт её. Теперь придётся постоянно таскаться следом за благоверный, или наоборот.

— Только Тьяцлу не забудь с собой прихватить, — раздаётся полурык волчицы, которая обратилась к Ахрону, ожидающему своей участи.

— Э... Зачем? — недоумеая спрашивает тот.

— Затем, — фыркает Норн: — то что здесь будет происходить не предназначено для детского восприятия. Так что, детки, как портал откроется, сразу убирайтесь отсюда.

Тьяцла, услышав приговор, подходит ближе к ним и плюхается на землю рядом с Тёмным. Стараясь не обращать внимание на его попытки отбиться от роя комаров, девушка на слова оборотня меланхолично понимает плечами, тем самым соглашаясь с её высказыванием.

После долгой паузы иллиор через силу выдавливают:

— Хорошо, уберусь я отсюда.

В голосе звучат рычащие нотки.

— А теперь, Ахрон, расслабься, иначе обратишься. Я одна сдержать тебя не смогу. Полуоборотни на порядок сильнее обращенных, а мне еще и подпитка из чужого источника нужна. Так что, — она переступает с лапы на лапу: — попробуй проконтролировать этот процесс сам.

Пока полукровка и оборотень пререкаются, эхиллка, делая вид, что не знает их,

смотрит по сторонам. И именно она первая замечает тёмный провал портала, зависший в пространстве.

С воплем:

— О, переход открылся, — она встает с места и направляется в его сторону.

— Тьяцла! Его не забудь! — пытаюсь перекричать шум накрывшего их со всех сторон шквального ветра, рычит Норн. При этом указывая лапой на Ахрона.

Девушка возвращается обратно, подхватывает Темного и подмышкой тащит его к темному переходу.

Первое, что ощущает Тьяцла после перехода, неприятное сосущее ощущение в районе солнечного сплетения. А потом уже резко наваливается слабость. Попытки выставить щит проваливаются еще на стадии плетения, и она остается без какой-либо даже примитивной защиты от иллиорской магии.

Она приподнимает голову с пола и, сквозь разноцветные круги возникающие перед глазами, осматривается. Портал вынес их в огромный подземный зал с высокими сводами, которые обрываются зияющей в центре потолка дырой. В самой середине помещения находится большая платформа, по форме напоминающая дыру в потолке, на которой возвышается высокий постамент из темного камня, покрытый золотыми прожилками огня, как и тот камень, который висит на невзрачной цепочке на шее Ахрона.

Девушка откидывается назад, переворачивается на живот и, прикладывая невероятные усилия, ползет к стене, подальше от пышущего силой артефакта, который буквально высасывает из неё все возможные соки. Она облакачивается спиной на холодную поверхность и облегченно вздыхает. Хотя эти действия отняли много сил, но теперь можно перевести дух и дожидаться когда Тёмный придёт в себя.

Эсхиллка прикрывает глаза и проваливается в беспокойную дрему.

Возвращает её в отвратительную реальность громкий шорох. Она распахивает потяжелевшие веки и смотрит расфокусированным взглядом в сторону источника звука. Чуть в стороне того места, где она ранее пришла в себя, сидит, как ни в чем не бывало, Ахрон и рассматривает сложную конструкцию в центре зала.

Тьяцла пытается пошевелиться, но тело пронзает боль, и ей остается только прошипеть сквозь зубы нечто нечленораздельное. Вторая попытка двинуться вызывает долгий болезненный стон. Его-то Тёмный и слышит, оборачивается к ней.

Тьяцла долго моргает, и, когда снова открывает глаза, наталкивается на полный жалости взгляд Тёмного. Внутри все вздрагивает от возмущения — эсхиллка должна вызывать у окружающих страх, а не жалость.

И все же она тихо с трудом выговаривает:

— К сожалению... не успела... поставить... щит... Ужасное зрелище... не так ли?... Если здесь не нашла свое последнее пристанище Фьяцла, то я уж точно... — она задыхается от нехватки воздуха, откашливается и продолжает: — оно высосет из меня все силы.

— Может я чемнибудь смогу помочь? — произносит иллиор перебираясь ближе к ней и садясь рядом.

— Нет, Ахрон. Мне поможет только чудо, или если хватит все-таки сил на создание щита, или еще что-нибудь случится. Но в тебе магии ни грамма. Только врожденная способность обратной к обращению... это не может ничем помочь, — она растягивает потрескавшиеся губы в подобии виноватой улыбки. — Извини, что тебе придется так рано отправиться на тот свет...

Девушка замолкает и закрывает глаза.

Почувствовав почти болезненное прикосновение к коже руки, Тяцла вздрагивает, открывает глаза и смотрит перед собой невидящим взглядом. Ее губы что-то беззвучно шепчут. А вокруг нее медленно и местами возникает серый полупрозрачный кокон. Через некоторое время, когда щит полностью окутывает ее, она закрывает глаза, тихо произносит:

— Все-таки получилось... Спасибо за поддержку. Ахрон...

И теряет сознание.

Ахрон отшатывается от высокого постамента, но натянувшийся на шее шнурок не дает свободу маневрам. Пытается снять через голову, но самостоятельно это проделать не получается. Ему остается стоять в неудобной позе, согнувшись в три погибели, чуть ли не уткнувшись лицом в пышущий жаром камень.

— Смотри не поджарься, о Великий Тёмный Властелин, о собственный артефакт! — раздаётся за спиной немного хроплое, но не лишённое издевки высказывание Тьяцлы.

Раздается щелчок и концы разрезанной веревочки опадают на ставший совсем золотым камень и осыпаются серым пеплом. Кулон врос в поверхность и о недавней принадлежности к незатейливому украшению осталась напоминать только небольшая золотая петелька, через которую и был продет шнурок.

Тёмный отскакивает от постамента, чуть не сбивая с ног стоящую за спиной Тьяцла, как раз в тот момент, когда из торчащей на поверхности неуместной детали, вырывается луч голубоватого света и устремляется к провалу в потолке. Столкнувшись с невидимой преградой, не давшей прорваться в темный провал, он расщепляется на множество более тонких и уже те веером опускаются вниз, охватывая сиянием все помещение. По всему периметру возвышения возникают голографические мониторы.

— Ну ничего себе! — громко восклицает эсхиллка, подбегая к самому краю и чуть ли не носом утыкаясь в ближайший экран. Она отрывается от созерцания того, чего в Фиорине быть не должно, и смотрит на Тёмного. — Твои предки были такими одиноличниками, Ахрон. Прятали от всех такие технологии...

Ахрон недоуменно смотрит на то, как девушка нажимает на сенсорные кнопки, просматривая какие-то показатели.

— Вообще-то, я и сам не знал, что здесь может что-то быть, — все-таки прерывает затянувшуюся паузу мужчина, подходя ближе к эсхиллке: — когда обследовали подземелье и катакомбы под ним, ничего подобного этому залу не видели. Интересно, на каком он уровне находится? И не за этим ли охотились твои родственницы?

— Скорее всего, именно за этим, — сосредоточившись на чем-то отвечает на второй вопрос Тьяцла. — Посмотри, — она указывает на один из мониторов, где изображена карта границ Тёмной империи и то, что на данный момент осталось от великого государства: — если предположить, что Тёмный ещё со времён империи является главной загородной резиденцией твоего рода, то отсюда можно управлять и другими артефактами, которые расположены вдоль бывшей границы. Если так, то ещё возможно восстановить империю. Наверное, это и хотели проделать Атцла с Арицлой, чтобы потом воротить здесь, что захотят.

— Возможно... — задумчиво проносит Ахрон, нажимая на жирную точку рядом с границей Тёмного княжества. На соседнем мониторе открывается занятное зрелище на раздающих тумачи налево-направо эсхиллок и их недавних знакомых. После недолгого созерцания он мыкает: — Хм, смотри, они до сих пор мнут друг другу ребра.

— А если сделать так? — Тьяцла проскальзывает под его руку и нажимает на первый попавшийся индикатор. Существа на экране останавливают балаган, в который превратился конфликт, и ведут неспешную беседу, расходятся. Эсхиллки оставляют упрающуюся Атцлу и удаляются восвояси, одни в степь, другие — в Норман и его окрестности. — Хм, это

получается, что с помощью этой штуковины можно воздействовать на живые существа в пределах этого контура?

Она пальцем очерчивает красную линию немногим дальше границы Тёмного княжества.

— Получается, что так, — отвечает иллиор, нажимая на зеленую точку в центре внутреннего двора замка. На мониторе возникает изображение Атцлы, ничком лижащей на слитках дорожки.

— Ого! Фьяцла постаралась. Плетение забвения вспомнила, — восхищается эхиллка.

— Ой, а это что? — Она указывает на три точки в одном из помещений. Ахрон вздыхает, в его покоях, в самом безопасном месте резиденции.

Две большие синие точки жмутся к схематичным стенам в противоположных углах, крупная красная клякса красуется в центре помещения.

— Это скорее всего она, — произносит девушка, тыкая на одну из синих точек. На мониторе появляется эхиллка, в основной форме, готовая броситься на противницу. Красной — оказывается бывшая главная дознавательница, сестра Крома, Глорьетта. А второй синей, предположительно, сам Кром. — Интересно, а это как-то можно остановить? — указывает она на разъяренную иллиорку. — Никаких дополнительных индикаторов нет.

— Скорее всего придётся переноситься туда. Запомни координаты моих прокоев, двора и этого зала. Сначала поможем этим двум, потом проверим твою бабулю и сдадим её в добрые руки, а потом, если время останется, вернёмся сюда, — расставляет приоритеты Тёмный. — Давай, открывай портал.

— А ты, вообще, переживешь переход через эхилльский портал? — задаёт вопрос Тьяцла и тут же поясняет: — эхилл через него проходят беспрепятственно, все же остальные испытывают ужасные муки. Нет, я, конечно, могу сплести ещё один щит, но на него уйдёт очень много сил.

— Так, давай плети свой щит. Мне кажется, что эти двое вдвоём не справятся.

— Не веришь ты в собственного друга, совсем не веришь... — бормочет эхиллка приступая к плетению защиты, а следом и открытию перехода.

— Координаты запомнила? — ещё раз уточняет Ахрон, перед тем как шагнуть в тёмный провал, зависший в полуметре от пола.

— Угу, — угукает девушка и тут же бормочет: — а я думала, ты собираешься восстановить границы Тёмной империи.

— Даже не помышлял, — произносит иллиор, заходя в темноту.

Ахрон вываливается из портала на голову иллиорки, которая не ожидая такой подставы садится с ног. Сверху возникшую композицию дополняет Тьяцла, снова вернувшаяся в основную форму.

Тёмный скидывает с себя неподъемную эхилльскую тушу, садится, пристально смотрит на девушку и все же не выдерживает:

— Это что же, у всех эхиллок мысли только о том, чтобы захватить побольше власти?

Пока эхиллка, которой был адресован вопрос перекачивается и садится на ноги обездвиженной иллиорки, другая подтверждает:

— Ага. И чем больше, тем лучше и никак иначе.

— А ты помолчи, не тебя спрашивают, — огрызается Тьяцла, бросая убийственный взгляд в сторону сестры.

Ахрон передергивает плечами, избавляясь от неприятного ощущения, словно в нем сейчас прожгли огромную дыру.

— Вот и встретились два одиночества, — вносит свои пять копеек в перепалку Кром. Ахрон настороженно косится на него. — А вы какими судьбами тут?

— Узнали, что у вас тут небольшие проблемы и решили помочь. Только я не рассчитала, что портал откроется под потолком, — спокойно отвечает Тьяцла. — Ахрон, встань с нее, это тебе не табуретка.

Тёмный встаёт, оглядывается на бессознательную Глори и спрашивает у друга:

— Что делать с ней будем?

— Свяжем и в пыточную, — отвечает Кром, подходя ближе и поддевая бесчувственное тело мыском сапога. Под заинтересованными взглядами достаёт из кармана, похищенного из шкафа Ахрона, камзола соток тонкой белой нитки и начинает связывать сестру по ногам и рукам. Как только со связыванием было покончено, он произносит: — а теперь, Фьяцла, открывай портал в подземелье.

Кром злорадно, как умалишенный, хихикает, выбрасывая Глори через эсхилльский портал в темноту. А Тёмный в это время мысленно содрогается, отлично понимая, как явно друг изменился с прошлого раза. А если вспомнить, какое действие оказывает переход открытый эсхилл, то изменился не в лучшую сторону.

— Пожалуй, мы пойдём дальше вершить добро... — начинает он, но не договаривает. Тьяцла хватает его за шиворот и уволакивает в темный провал.

— Ты видела, они мой гардероб обокрали! — возмущается Ахрон, вываливаясь на дорожку рядом с бессознательным телом эсхиллки.

— Ну ты и мелочный... — меланхолично произносит Тьяцла, выходя следом за ним.

— А Кром?! Что твоя сестра сделала с моим советником? — ещё больше распаляется Тёмный.

— Получи неуравновешенного советника и распишись. Все равно она скажет, что так и было, — говорит девушка тем же тоном, сосредоточенно разглядывая лежащую экс-матриарха. После короткой паузы она вздыхает: — бедный Кром... О, наши идут!

В воздухе возникает серая воронка и из неё, словно гроздья спелого винограда, начинают сыпаться в компактную кучку вампиры, оборотни, а завершают вампиропад — Мелиас, распластавшийся звездочкой на Дробге, и Норн, все ещё пребывающая в облике волка.

Волчица тут же соскакивает с начавшей шататься горы, остальные кубарем скатываются с причитающего, несчастного Ириона, у которого, похоже, снова не получился портал.

Иллиор с эсхиллкой переглядываются, синхронно вздыхают и ждут, когда все окончательно распутаются.

Первым справляется с поставленной задачей Дробг, который, припечатав друга неудачником, встает с земли и идёт в сторону Ахрона.

— Представляете, этот... вампир, снова напортачил! — сразу жалуется оборотень, приближаясь к Темному, на ходу потирая ушибленную поясницу.

— От оборотня слышу! — сварливо кричит ему вслед Ирион, скидывая с себя бессознательного Вениамина, которого, скорее всего, придавил один из высадившихся следом.

— А вы как всегда за своё, — закатывает глаза к небу Мелиас и продолжает серьёзным тоном: — Взрослые нелюди, а все туда же, перебранки устраивают на пустом месте, — он

переводит взгляд на Ахрона с Тяцлой и задает вопросы: — артефакт нашли? Своим помогли?..

В тот момент, когда Темный только успевает открыть рот, на мага налетает Дробг и сбивает с ног.

— Пожалуй, я позже отвечу, — произносит иллиор, с недоумением косясь на катающихся по земле и мнущих друг другу ребра деда и наставника Тяцлы.

— Нет, нет, можешь рассказывать, — пыхтит Мелиас, заламывая оборотню руки за спину.

Ахрон пожимает плечами и с постной миной приступает к душещипательному рассказу, при этом понимая, что все случившееся ранее откровенный бред. Который все-таки, не смотря ни на что, осуществился.

— А у вас там как все прошло? — спрашивает Тёмный, когда история подошла к финалу.

— Хм... У нас?.. — хмыкает Дробг и начинает, патетично размахивая руками-лапами: — как вы ушли, так сразу из-за всех кустов эсхиллки повалили. Видимо-невидимо. Думали, что все, костей собственных не унесем. А они волнами поперли. Нахлынут одни, уйдут, черед других... Потом одна степнячка Арицлу по башке дубиной... Хрясь! И все остановилось. Все убралось, одну предводительницу оставили.

— Ну да, весело у вас там было, — произносит Тяцла, которая со вниманием слушала скомканые разглагольствования оборотня. И только иллиор слышит тихое бормотание: — а мы-то думали, там все тихо-мирно завершилось.

— Не то слово!.. — отвечает на услышанное Дробг.

— Я так понял, ты не знаешь, куда её деть? — отвлекает его от подслушивания Мелисс, указывая на Атцлу.

— Были некоторые предположения, но я ещё обдумываю их, — отвечает он.

— А нечего думать, отдай её оборотням в Тёмный лес, они мигом при думают ей примирение.

Неподалёку слышится невнятное мычание. Ахрон поворачивается на звук и сталкивается с полным ужаса взглядом беспомощной эсхиллки.

— Хм... Им будет, что припомнить ей.

Ахрон с удивлением взирает на Тяцлу, которая по случаю свадьбы сёстры облачилась в, обязательные для церемонии похищения невесты, бронелифчик и бронюбочку. Как она сказала, выполненные по последней эсхилльской моде. Со свинцовыми вставками. Смотреть на хрупкую с виду девушку в тяжелой экипировке иначе не возможно. Вопрос как она ещё не оказалась на полу погребенная под металлическими пластинами сразу отпадает только в том случае, если знать, что она представляет собой на самом деле.

После стычки с эсхиллками прошел почти месяц, и Тяцла за это время успела восстановить резерв и наконец принять более привычное и для себя, и для Ахрона обличье.

А потом пришло приглашение на свадьбу. Откуда-то этажем ниже. Благо не на розовой бумаге и не надушенное. И подпись стояла двойная — от Крома с Фьяцлой, что не удивительно. В шок Ахрона повергло то, что они решили провести "похищение невесты", он долго пытался отговорить друга, но все было безрезультатно. С другой стороны Тяцла, наоборот, подбивала того на эту авантюру, а заодно и сестру, объясняя свои действия тем, что мучиться должны не только они, но обязательно и окружающие. Пришлось тогда Темному смириться с непрошибаемой логикой эсхилл.

И сегодня ему придётся присутствовать в самом центре событий.

Поляну выбрали ту же, что и в прошлый раз, недалеко от Нормана. Поставили импровизированные столы и провели все необходимые приготовления.

После завершения всех церемоний по иллиорским традициям, все переместились на поляну, где и стали ожидать начала традиционного мордобоя и явления Крома.

Ахрон садится рядом с Тьяцлой, которая выбрала место около старшей сестрой. Амуцла вместе с Троном, который сейчас проводит психологическую подготовку Крома, прибыли накануне вечером, чтобы поприсутствовать на торжестве. Вопросы это явление вызвало только у Тёмного и до сих пор вызывают.

Время до начала проходит незаметно, и Тёмный даже не сразу замечает, как все эсхиллки встали из-за столов и собрались в центре поляны. Там, где специально расчистили площадку. На месте остались сидеть только Тьяцла и Фьяцла.

— Почему ты не идёшь к ним? — интересуется Ахрон, наклоняясь ближе к девушке, чтобы его было слышно в общем шуме.

— Просто я сейчас не могу принять основную форму. Снова все как в прошлый раз, — со смешком отвечает ему на ухо эсхиллка, внимательно смотря в центр месилова. — О, а вот и Кром крадется!

Тёмный переводит взгляд и останавливается на белом пятне в гуще эсхиллок. Кром изо всех сил пытается пробраться без жертв, или чтобы самому не стать жертвой. Пока ему это удаётся. Краем глаза Ахрон замечает какое-то шевеление. Смотрит туда и видит, выглядывающую из-за кустов, морду хорошо знакомой виверны. Та же, в свою очередь, увидев старого знакомого, выскакивает из кустов и, раскидывая в сторону массивных эсхиллок, несётся к столу.

— Тьяцла, пожалуйста, открой портал! — кричит иллиор, вскакивая со скамьи.

Девушка без каких-либо лишних вопросов встаёт из-за стола и открывает переход. Ахрон подхватывает эсхиллку и ныряет в темноту.

Тьяцла открывает глаза в тот момент, когда в подсознании щелкает неведомый механизм, который возвещает о восстановлении магического резерва. Не полностью, но хоть как-то. После того истощения и это нормально.

Она ещё немного лежит в своём уголке, до куда не так доходит воздействие артефакта, потом с трудом встаёт и осматривается по сторонам. Тёмного замечает сразу, согнувшегося в три погибели над постаментом, которому уже совсем немного остаётся чтобы стать полностью золотым.

По испарине на лице полукровки видно насколько раскалился камень. Поэтому Тьяцла собирает в кулак все возможные силы и ковыляет в его сторону. На проходе к возвышению она наклоняется и поднимает с пола камень с очень острыми на вид краями. Им-то она и разрезает натянувшийся шнурок, с издевкой проговорив:

— Смотри не поджарься, о Великий Тёмный Властелин, о собственный артефакт!

Раздается неприятный щелчок лопнувшей веревки и обрезки опадают на ставший совсем золотым камень и осыпаются серым пеплом. Кулон врос в поверхность и о недавней принадлежности к незатейливому украшению осталась напоминать только небольшая золотая петелька, через которую и был продет шнурок.

Тёмный отскакивает, чуть не сбивав с ног Тьяцла, которая стояла за спиной, в тот момент, когда из торчащей на поверхности детали, вырывается луч голубоватого света и устремляется к провалу в потолке. Столкнувшись с невидимой преградой, не давшей

прорваться в темный провал, он расщепляется на множество более тонких и уже те веером опускаются вниз, охватывая сиянием все помещение. По всему периметру возвышения возникают голографические мониторы.

— Ну ничего себе! — громко восклицает эсхиллка, подбегая к самому краю, рассмотреть поближе ближайший экран. И тут же принимается со знанием дела нажимать на сенсорные кнопки, просматривая показатели. — Твои предки были такими единоличниками, Ахрон. Прятали от всех такие технологии...

— Вообще-то, я и сам не знал, что здесь может что-то быть, — все-таки прерывает затянувшуюся паузу мужчина, подходя ближе к ней: — когда обследовали подземелье и катакомбы под ним, ничего подобного этому залу не видели. Интересно, на каком он уровне находится? И не за этим ли охотились твои родственницы?

— Скорее всего, именно за этим, — отвечает на второй вопрос Тьяцла, не понимая, как Атцла вообще могла узнать об этом, если все хранилось в тайне. — Посмотри, — она указывает на один из мониторов, где изображена карта границ Тёмной империи и то, что на данный момент осталось от великого государства: — если предположить, что Тёмный ещё со времён империи является главной загородной резиденцией твоего рода, то отсюда можно управлять и другими артефактами, которые расположены вдоль бывшей границы. Если так, то ещё возможно восстановить империю. Наверное, это и хотели проделать Атцла с Арицлой, чтобы потом воротить здесь, что захотят.

Она отрывает взгляд от светящегося поля и с трудом подавляет один из самых неприятных инстинктов эсхилл — жажду власти. Любая уважающая себя эсхиллка даже готова голодать, если поблизости будет то, что она с удовольствием прибрала бы в свои загребушие ручки.

— Возможно... — задумчиво проносит Ахрон, нажимая на жирную точку рядом с границей Тёмного княжества. На соседнем мониторе открывается занятное зрелище на раздающих тумачи налево-направо эсхиллок и их недавних знакомых. После недолгого созерцания иллиор хмыкает: — Хм, смотри, они до сих пор мнут друг другу ребра.

— А если сделать так? — Тьяцла проскальзывает под его руку и нажимает на первый попавшийся индикатор. Существа на экране останавливают балаган, в который превратился конфликт, и ведут неспешную беседу, расходятся. Эсхиллки оставляют упирающуюся Атцлу и удаляются восвояси, одни в степь, другие — в Норман и его окрестности. — Хм, это получается, что с помощью этой штуковины можно воздействовать на живые существа в пределах этого контура?

Она пальцем очерчивает красную линию немногим дальше границы Тёмного княжества.

— Получается, что так, — отвечает иллиор, нажимая на зеленую точку в центре внутреннего двора замка. На мониторе возникает изображение Атцлы, ничком лижащей на слитках дорожки.

— Ого! Фьяцла постаралась. Плетение забвения вспомнила, — восхищается эсхиллка.

— Ой, а это что? — Она указывает на три точки в одном из помещений. Две большие синие точки жмутся к схематичным стенам в противоположных углах, крупная красная клякса красуется в центре помещения. Какое-то смутное подозрение заставляя её за беспокоиться. — Это скорее всего она, — после недолгих раздумий произносит девушка, тыкая на одну из синих точек. На мониторе появляется эсхиллка, в основной форме, готовая броситься на противницу. Красной — оказывается неизвестная иллиорка. А второй синей,

предположительно, сам Кром.

— Интересно, а это как-то можно остановить? — указывает она на разъяренную незнакомку. — Никаких дополнительных индикаторов нет.

— Скорее всего придётся переноситься туда. Запомни координаты моих прокоев, двора и этого зала. Сначала поможем этим двум, потом проверим твою бабулю и сдадим её в добрые руки, а потом, если время останется, вернёмся сюда, — говорит Тёмный. — Давай, открывай портал.

— А ты, вообще, переживешь переход через эсхильский портал? — спрашивает Тьяцла, вспоминая, свой опыт хождения через него, и тут же поясняет: — эсхилл через него проходят беспрепятственно, все же остальные испытывают ужасные муки. Нет, я, конечно, могу сплести ещё один щит, но на него уйдёт очень много сил.

— Так, давай плети свой щит. Мне кажется, что эти двое вдвоём не справятся.

— Не веришь ты в собственного друга, совсем не веришь... — бормочет эсхиллка, приступая к плетению защиты, а следом и открытию перехода.

— Координаты запомнила? — ещё раз уточняет Ахрон, перед тем как шагнуть в тёмный провал, зависший в полуметре от пола.

— Угу, — угукает девушка и тут же бормочет, отчего-то разочаровано: — а я думала, ты собираешься восстановить границы Тёмной империи.

— Даже не помышлял, — произносит иллиор, заходя в темноту. Эсхиллка пожимает плечами и идёт следом.

Тьяцла вываливается из темноты напрямик на Ахрона, который распластался на бессознательной иллиорке. В отдалении от артефакта возвращается основная форма, и ей даже слышатся два слаженных болезненных вздоха. Эсхиллка вздыхает, не смогла рассчитать все нормально и открыла портал под потолком. Единственное, что радуется — над головой незнакомки.

Тёмный скидывает её, садится, буравит взглядом и выдаёт:

— Это что же, у всех эсхиллок мысли только о том, чтобы захватить побольше власти?

Пока Тьяцла молча перекачивается, пока удобнее садится на ноги иллиорки, чтобы качественнее обездвигнуть, пока обдумывает ответ на вопрос, почему-не дающий покоя Темному, из угла раздаётся голос Фьяцлы:

— Ага. И чем больше, тем лучше и никак иначе.

— А ты помолчи, не тебя спрашивают, — раздраженно огрызается Тьяцла, бросая убийственный взгляд в сторону сестры, при этом умудряясь чуть ли не просверлить дыру в спине мужа.

— Вот и встретились два одиночества, — произносит Кром из другого угла. Эсиллка мысленно отмахивается от него, продолжая сканировать взглядом сестру. — А вы какими судьбами тут?

— Узнали, что у вас тут небольшие проблемы и решили помочь. Только я не рассчитала, что портал откроется под потолком, — спокойно отвечает девушка, все-таки обратив на него внимание, и тут же отворачивается к Темному: — Ахрон, встань с нее, это тебе не табуретка.

Тот встаёт, смотрит на иллиорку и спрашивает у Крома:

— Что делать с ней будем?

— Свяжем и в пыточную, — отвечает Кром, подходя ближе и поддевая бесчувственное тело мыском сапога. Под заинтересованными взглядами достаёт из кармана камзола моток

тонкой белой нитки и начинает связывать незнакомку по ногам и рукам. Как только со связыванием было покончено, он произносит: — а теперь, Фьяцла, открывай портал в подземелье.

Маг злорадно, как умалишенный, хихикает, выбрасывая Глори через эсхилльский портал в темноту. Именно в этот момент Тьяцла понимает, что бедный иллиор не совсем нормален.

— Пожалуй, мы пойдём дальше вершить добро... — начинает Ахрон, но не договаривает. Тьяцла хватает его за шиворот и уволакивает в темный провал.

— Ты видела, они мой гардероб обокрали! — возмущается Ахрон, вываливаясь на дорожку рядом с бессознательным телом эсхиллки.

— Ну ты и мелочный... — меланхолично произносит Тьяцла, выходя следом за ним. Теперь ещё одно беспокойство будет её одолевать, за ту иллиорку.

— А Кром?! Что твоя сестра сделала с моим советником? — закипает Темный.

— Получи неуравновешенного советника и распишись. Все равно она скажет, что так и было, — произносит девушка тем же тоном, сосредоточенно разглядывая лежащую экс-матриарха. После короткой паузы она вздыхает: — бедный Кром... О, наши идут!

В воздухе возникает серая воронка и из неё, словно гроздья спелого винограда, начинают сыпаться в компактную кучку вампиры, оборотни, а завершают вампиропад — Мелиас, распластавшийся звездочкой на Дробге, и Норн, все ещё пребывающая в облике волка.

Волчица тут же соскакивает с начавшей шататься горы, остальные кубарем скатываются с причитающего, несчастного Ириона, у которого, похоже, снова не получился портал.

Иллиор с эсхиллкой переглядываются, синхронно вздыхают и ждут, когда все окончательно распутаются.

Первым справляется с поставленной задачей Дробг, который, припечатав друга неудачником, встает с земли и идёт к Арону с Тьяцлой.

— Представляете, этот... вампир, снова напортачил! — сразу жалуется оборотень, приближаясь к Темному, на ходу потирая ушибленную поясницу.

— От оборотня слышу! — сварливо кричит ему вслед Ирион, скидывая с себя бессознательного Вениамина, которого, скорее всего, придавил один из высадившихся следом.

— А вы как всегда за своё, — закатывает глаза к небу Мелиас и продолжает серьёзным тоном: — Взрослые нелюди, а все туда же, перебранки устраивают на пустом месте, — он переводит взгляд на Ахрона с Тьяцлой и задает вопросы: — артефакт нашли? Своим помогли?..

В этот момент на мага налетает Дробг и сбивает с ног.

— Пожалуй, я позже отвечу, — произносит иллиор.

— Нет, нет, можешь рассказывать, — пыхтит Мелиас, заламывая оборотню руки за спину.

Ахрон пожимает плечами и с постной миной приступает к душещипательному рассказу. Тьяцла внимательно слушает о сегодняшних подвигах, рассматривая только что прибывших.

Кн.игольб.нэт

— А у вас там как все прошло? — спрашивает Тёмный, когда история подошла к финалу.

— Хм... У нас?.. — хмыкает Дробг и начинает, патетично размахивая руками-лапами:

— как вы ушли, так сразу из-за всех кустов эсхиллки повалили. Видимо-невидимо. Думали, что все, костей собственных не унесем. А они волнами поперли. Нахлынут одни, уйдут, черед других... Потом одна степнячка Арицлу по башке дубиной... Хрясь! И все остановилось. Все убрались, одну предводительницу оставили.

— Ну да, весело у вас там было, — произносит Тьяцла, которая со вниманием слушала скомканые разглагольствования оборотня. И только иллиор слышит тихое бормотание: — а мы-то думали, там все тихо-мирно завершилось.

— Не то слово! — восклицает Дробг в ответ на услышанное.

Тьяцла сидит за столом и рассматривает собравшихся. Эсхиллки как всегда заливаются, переругиваются, бьют кулаками по столам... Все как и в прошлый раз. Только хорошо, что сегодня главные действующие лица не она с Ахроном. Который почему-то опаздывает.

Испытывая беспокойство, девушка отворачивается от набирающего обороты, действия и сталкивается с удивленным взглядом иллиора, который успел осмотреть её с ног до головы. Ей остаётся только улыбнуться. Тем более нынешний видок, кроме удивления вызывает, только желание побиться головой о стену. Ей пришлось по случаю свадьбы сёстры облачилась в, обязательные для церемонии похищения невесты, бронелифчик и бронейюбочку, выполненные по последней эсхильской моде. С тяжеленными свинцовыми вставками.

После стычки с эсхиллками прошел почти месяц, и Тьяцла за это время успела восстановить резерв и наконец принять более привычное и для себя, и для Ахрона обличье.

Ахрон садится рядом с Тьяцлой, которая выбрала место около старшей сестрой. Амуцла вместе с Троном, который сейчас проводит психологическую подготовку Крома, прибыли накануне вечером, чтобы поприсутствовать на торжестве.

Тьяцла не успевает даже глазом моргнуть, когда все эсхиллки поднялись из-за столов и стали сходиться в центр поляны. Из сородичей только она и Фьяцла остаются за столом. Второй дочери матриарха не положено участвовать в главном торжестве. А у третьей снова какой-то сбой.

— Почему ты не идёшь к ним? — интересуется Тёмный, перекрикивая шум.

— Просто я сейчас не могу принять основную форму. Снова все как в прошлый раз, — со смешком отвечает ему на ухо эсхиллка, внимательно смотря в центр месилова. — О, а вот и Кром крадется!

Тьяцла чувствует, что Ахрон как-то подобрался, напрягся. Потом с воплем:

— Тьяцла, пожалуйста, открой портал! — вскакивает со скамьи.

Девушка без каких-либо лишних вопросов встаёт из-за стола и открывает переход. Полукровка подхватывает ее и ныряет в темноту.

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigolub.net